

ГЛАВА - 25

ПРОРОЧЕСТВО ВОЖДЯ ВУХУНСЕНАКА

Погрузка флагмана Лондонской компании "Сюзан Констант" перед отплытием в Америку. Современная реконструкция

На языке родного племени Поухотан его имя звучало, как Вахунсенак. Заметим сразу, что индейские имена почти не произносимы, поэтому здесь и далее они даны весьма условно. От отца, могучего воина и вождя, он унаследовал высокий рост атлетическое телосложение, мудрость, властолюбие и 6 племен, объединенных в военный союз поухотанов, самый сильный на побережье залива Чесапик.

Поухотаны в результате племенных войн и экспансии подчинили себе многочисленных, но слабых и неорганизованных соседей, и к 1607 г. под их властью находилось уже около 20 мелких племен: паспахеги, аппоматтоки, раппаханоки, нэнсимонды и множество других – главным образом они именовались по месту жительства, названиям рек, пронизывающим чесапикские берега подобно венам, питающим живую плоть. Так, по крайней мере, назовут их англичане, когда придут в Америку.

Правил Вахунсенак, как абсолютный монарх, взимая со своих подданных налог мехами, речным жемчугом, который назывался "вампум", и кукурузным зерном. В его власти было назначать малых вождей – «вероанков» или отбирать у них власть.

Он мог казнить или миловать и нередко вопросы жизни и смерти решались на собрании вождей под сводами его устланной шкурами резиденции в столичном селении - Веровокомоко.

К тому времени, как имя Вахунсенак впервые возникло на страницах истории, он достиг вершины своего могущества и возраста, когда года уже клонятся к закату. Но стареющий вождь все еще жил жизнью, полной, как плотских утех, в объятиях своих многочисленных жен, так и привычных его рангу забот и тревог. Главной из них было пророчество, которое ему предрек шаман. Оно гласило:

«Племя придет с берегов океана и сокрушит тебя!».

И когда гонцы принесли известие, что к берегу пристали «три большие лодки» и с них сошло множество людей, одетых удивительно, чьи лица были бледны и бородаты, Вахунсенак понял – пророчество сбылось.

Тремя «большими лодками», приставшими к берегу Чесапикского залива в мае 1607 года, спустя почти 10 лет после неудачной попытки колонизировать Роанок, были три английских корабля: «Сюзан Констант», «Годспид» и «Дискавери», снаряженные на средства «Лондонской компании», которая получила королевский патент на колонизацию Северной Америки между 34° и 45° северной широты. Компания родилась, как паевое общество в апреле 1606 года. Ее основателями стали группа английских купцов, дворян и крупных землевладельцев, а одним из идейных вдохновителей – мореплаватель Бартоломью Гонсолд. За четыре года до этого он совершил удачное плавание в «Испанские моря», открыл мыс Код, или Кейп-Код, исследовал залив Чесапик, даже основал здесь торговый пост, завязал первый контакт с индейцами, но суровая зима и нехватка продовольствия заставили его отказаться от затеи. Теперь Гонсолд командовал одним из трех судов, купленных компанией для плавания в Америку, 40 тонным барком «Годспид».

Самым крупным кораблем флотилии был 120 тонный «Сюзан Констант», единственный имевший пушечное вооружение, самым маленьким, даже крошечным – «Дискавери» – 20 тонн.

Компания позаботилась о том, чтобы ее собственность оказалась в надежных руках, экспедицией командовал легенда южных морей капитан Ньюпорт, которого мы помним по экспедициям на Роанок. На его счету числилось до 20 захваченных, потопленных или сожженных испанских судов. В одном из боев Ньюпорт потерял руку, что не мешало ему выходить в море.

Его лично знал и английский король Джеймс, большой любитель экзотических животных – Ньюпорт угодил монарху, подарив ему пойманных в Америке двух живых крокодилов.

В море всем распоряжался Ньюпорт, однако все догадывались, кто в действительности возглавляет предприятие и чье имя наверняка стоит первым в секретном письме, которое следовало вскрыть лишь по прибытии на место. Письмо содержало инструкции по организации колонии и список совета из семи имен во главе с губернатором, который и будет управлять ею – Эдуард-Мария Уингфилд, один из главных пайщиков компании. Он один из немногих имел собственную каюту, вез багаж, полный привычных знатному джентльмену предметов, составляющих его комфортный быт, и двух слуг. Ньюпорт все делал с оглядкой на него.

«Сюзан Констант», «Годспид» и «Дискавери» у берегов Америки

Корабли отправились в плавание из устья Темзы 19 января 1607 года. На борту находилось 39 моряков и 108 колонистов, проводивших дни и ночи в страшной тесноте, сидя на соломенных тюфяках и слушая, как волны бьют в борта, расклевывая их убогие плавающие жилища.

Но капитан Ньюпорт знал свое дело и к намеченной цели экспедиция добралась без особых осложнений. Только один пассажир был посажен под арест за пререкания с деспотичным Уингфилдом. Так, под замком, и прибыл в Америку будущий герой Нового Света Джон Смит, с чьим именем связана одна из самых удивительных легенд эпохи колонизации.

Плавание «Сюзан Констант», «Годспид» и «Дискавери» планировалось, как чисто коммерческое предприятие, никаких военных целей, как это было в случае с колониями Роанок или Каролина, Лондонская кампания не ставила. Основать поселение и сразу же начать поиски золота или серебра, окупить затраты и получить прибыль – так рассчитывали акционеры.

Побочными задачами ставились – попытаться найти пролив, соединяющий Атлантический и Тихий Океан, и, по возможности, выяснить судьбу колонистов с Роанока.

По отношению к индейцам в компании царили мессианские и пацифистские настроения. Долгое противостояние с Испанией побуждало в англичанах неприятие всего испанского, в том числе – их жестоких методов колонизации, сводившихся к порабощению коренного населения. Библия и добрая воля должны были стать главным оружием английских колонистов в Новом Мире.

Состав экспедиции тоже формировался, исходя из личных и экономических соображений. Англичане поддались той же иллюзии, что прежде, - французы, когда основали свою колонию "Каролина" во Флориде. Америка представлялась, как одна огромная золотая жила, поэтому половину всех пассажиров составляли «джентльмены», рассчитывающие быстро и легко умножить капиталы, у кого они были, или поправить отошедший бюджет своих старинных благородных фамилий. Остальные – фермеры, лесорубы, плотники, рудокопы, призванные возвести фундамент будущей колонии для первой половины, ну и для себя лично.

Солдат, специально нанятых для военной службы, среди них, за единичным исключением, не было, считалось, что они в принципе не понадобятся. Сам Уингфилд имел некоторый военный опыт, накопленный во время кампаний в Ирландии и Нидерландах, но по образованию был юристом и «джентльменом» до мозга костей (его отец доводился приемным сыном королевы Марии Стюарт). Очень немногим из 108 человек, высадившихся на берегу залива Чесапик, исключая разве что старого морского волка, капитана Ньюпорта, в прошлом доводилось понюхать пороху. К числу этих немногих относился Джон Смит.

Как попал строптивый вояка без гроша в кармане в это «золотое», каким оно обещало стать, плавание – неясно. В состав учредителей компании он не входил и был нанят, скорее всего, как военный эксперт, из опасения, что колония, все же может столкнуться с обстоятельствами, когда придется взяться за оружие. Боялись не индейцев, в миролюбии которых почему-то никто не сомневался, а испанцев, гибельный пример «Каролины» все еще не стерся из памяти. На такой случай и мог понадобиться человек вроде Джона Смита. В то время ему исполнилось только 26 лет.

Родом Смит происходил из Линкольншира, его отец фермерствовал и хотел, чтобы сын поднялся на ступеньку выше по иерархической лестнице. Выше в его понимании была торговая лавка. Несмотря на скромные возможности Смит-старший смог дать Смит-младшему сносное образование, парень по крайней мере мог читать, писать и считать.

Однако в жилах Джона текла кровь прирожденного авантюриста, и как только он освободился от отцовской опеки, покинул свой фермерский надел. У молодого человека, решился он повидать свет, в те времена был небогатый выбор: море, или армия.

Смит предпочел шаткой палубе не менее рискованную долю солдата, благо Европа непрерывно воевала. Война шла в Нидерландах, пытавшихся скинуть испанское ярмо, и молодой Смит устремился туда. На несколько лет его домом стала походная палатка, а когда пушки стихли и Смит вернулся в Англию, он решил, что недостаточно грамотен, и занялся самообразованием.

Книги, над которой он корпел, были весьма специфические: «Искусство войны» Макиавелли, пособия по пиратству, закладке пороховых мин, системы военной сигнализации и прочая, подобного же рода, литература.

Капитан Джон Смит - реконструкция по портрету на его книгах

«Сюзан Констант», «Годспид» и «Дискавери» в открытом море

В Европе между тем полыхала новая война, христианская Австрия противостояла напору мусульманской Турции. Вступив в австрийскую армию, Смит сумел отличиться, завоевал ранг капитана, столь же символический, как и в большинстве европейских армий, имевший значение лишь в период боевых действий.

Военное счастье, однако, изменчиво, в сражении на территории современной Румынии Смит угодил в плен. Участь турецкого пленника была незавидной – рабство. Пленника купил богатый турецкий землевладелец – для работы на своей плантации в Венгрии. Купил себе на беду – Смит убил своего хозяина молотильной битой, завладел его лошастью и бежал.

Во всяком случае, так он писал в своих мемуарах, а как обстояло дело в действительности, кто знает. Многие историки до сих пор считают, что и свое великое амеританское приключение Смит ели не впопыхах, то, по меньшей мере, изыскал приукрашил. И обстоятельство его пребывания в плену у поухотанов, и чудесное спасение руками добродетельной Покахонтас – все это нам ныне известно со страниц его же воспоминаний.

Так или иначе, «капитан» Смит был именно тем человеком, которого взяли на борт «Сюзан Констант» на случай войны.

В Новый Свет он прибыл под арестом, проведя в таком качестве 13 недель, омрачивших и без того однообразное морское путешествие. Надменный Уингфилд не терпел нотаций, а Смит, не сдержанный на языках и резкий в поступках, считал себя вправе донести ему советами, и едва эскадра достигла Канарских островов, откуда Смит должен был вернуться в Венгрию. Смит сумел отличиться, завоевал ранг капитана, столь же символический, как и в большинстве европейских армий, имевший значение лишь в период боевых действий.

В Венгрии Смит сумел отличиться, завоевал ранг капитана, столь же символический, как и в большинстве европейских армий, имевший значение лишь в период боевых действий.

В Венгрии Смит сумел отличиться, завоевал ранг капитана, столь же символический, как и в большинстве европейских армий, имевший значение лишь в период боевых действий.

В Венгрии Смит сумел отличиться, завоевал ранг капитана, столь же символический, как и в большинстве европейских армий, имевший значение лишь в период боевых действий.

В Венгрии Смит сумел отличиться, завоевал ранг капитана, столь же символический, как и в большинстве европейских армий, имевший значение лишь в период боевых действий.

В Венгрии Смит сумел отличиться, завоевал ранг капитана, столь же символический, как и в большинстве европейских армий, имевший значение лишь в период боевых действий.

ГЛАВА - 26

ОСНОВАНИЕ ДЖЕЙМСТАУНА. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЗВУК СРЕЛЫ

Первый визит англичан из Джеймстауна в индейское селение

Долгожданная земля появилась на горизонте в апреле 1607 г. Эскадра вошла в залив Чесапик и встала на якорь в устье большой реки, которую тотчас нарекли Джеймс-Ривер, в честь короля Джеймса. Колонисты и не подозревали, что высадились в сердце большой индейской империи, которой правил Вахунсенак. Они пока были гостями в новом мире, несведущими и наивными, полагая, что этот мир отныне принадлежит им по праву первооткрывателей.

В том, что чужаков здесь не жалуют, им пришлось убедиться в тот же день. Честь первому вступить на землю выпала, конечно же, Уингфилду. Он взял с собой несколько человек, главным образом, «джентльменов» и капитана Ньюпорта. Уингфилд неодобрительно ворчал, глядя, как Ньюпорт берет с собой заряженный мушкет. Простым колонистам он запретил вооружаться. Инструкции, полученные еще в Лондоне, жестко требовали «не тревожить индейцев». Их впрочем, пока нигде и не было видно. Благородная компания с наслаждением разминала ноги на песчаной косе, когда вдруг раздался звук, который англичанам еще не раз придется слышать в будущем, всякий раз вздрагивая и вжимая голову в плечи. Свидетелями высадки оказались пять индейских воинов, одного из трех десятков племен, подвластных Вахунсену. Пять луков изогнулись в дугу, пять стрел взметнулись в воздух и берег огласился воплями боли.

Дважды раненый в грудь упал матрос Мэтью Мортон, «джентльмену» Габриэлю Арчеру стрелы с костяным наконечником насквозь пронзили обе руки. Оба пострадавших выжили, но раны оказались тяжелыми.

Капитан Ньюпорт навел свой мушкет и выстрелил, но промахнулся. Индейцы продолжали пускать стрелы до тех пор, пока их колчаны не опустели. После чего пустились наутек, а колонисты, поддерживая истекающих кровью товарищей, поспешно вернулись на корабли.

Инцидент встревожил, но не изменил позиции Уингфилда, который, когда вскрыли секретные конверт с предписанием от компании, официально был объявлен губернатором Вирджинии. Кроме него еще шесть «джентльменов» составили Совет, ведающий делами колонии. Место для нее, как рекомендовали инструкции, следовало выбрать не на побережье, где их могли внезапно атаковать испанцы, а в глубине материка.

Такое нашлось в 25 милях вверх по течению Джеймс-Ривер, на небольшом мысе, который легко можно было перегордить.

Дно реки в этом месте было настолько глубоким, что корабли могли швартоваться, закрепив канаты к стволам деревьев, и разгружаться прямо на месте. Работа закипела.

После долгих месяцев добровольного заточения на душных палубах, англичане радовались всему: суше, пышной растительности, чистому воздуху, обилию дичи – они прибыли в рай земной, в этом почти никто не сомневался.

«Места богатые, – писал один из колонистов. – В реке водятся огромные осетры. Почва лучше, чем у нас в Англии, и благоухает ароматами».

Рухнуло, подсеченное топором, первое дерево и строительство колонии началось. Назвали ее не долго думая, Джеймстаун, как и реку – в честь короля.

Колонисты Джеймстауна: чернь работает, зная бездельничает

Неприятные открытия начались вскоре, когда по распоряжению Уингфилда капитан Ньюпорт, взяв самое маленькое судно, «Дискавери», обследовал рукава нескольких рек, впадавших в залив.

С собой экспедиция привезла в разобранном виде одномачтовый шлюп, судно с мелкой осадкой для речных экспедиций. Его быстро собрали, спустили на воду и тоже отправили на разведку. Сведения, доставленные в результате этих небольших путешествий, настораживали: край оказался густо населен, исследователи обнаружили по меньшей мере три племени дикарей, отнесшихся к ним по-разному. Первыми англичане вошли в контакт с кекотанами, настолько занятыми какой-то религиозной церемонией, что не отреагировали на появление в селении странных чужаков. Однако, после завершения церемонии, последовал оживленный диалог на языке жестов, проходивший довольно мирнолюбовно.

В селении паспахегов вождь, или - «вероанк», как тут называли правителя племени, оказал гостям дружественный прием. Аппломаттки отнеслись к визиту чужестранцев крайне враждебно, встретив их во всеоружии, с луками на изготовку. С ними так не удалось найти понимание, как только кто-то из белых попытался сделать шаг в их сторону, воины подымали луки, готовясь стрелять.

Пришлось вернуться в Джеймстаун, представлявший из себя кучку палаток, шалашей, времянок среди которых изредка встречались огородные грядки.

Мастеровые составляли едва ли треть колонистов, только они и работали. «Джентльмены» бродили поблизости, мучаясь скукой и бездельем, но не желая и пальцем пошевелить, чтобы наладить свой быт, не благородное это дело – валить лес или копать в земле.

Индейцы могли свободно зайти в лагерь. Уингфилд демонстративно пошвырял шпатель, политику открытых дверей. Колонистам не разобилось держать при себе никакое оружие: мушкеты, пики, шпаги, припасенные в Англии на случай стычки с испанцами, так и осталось лежать в трюмах кораблей. Часовые не выставлялись. Индейцы должны были убедиться, что белые пришли с миром и ждут от них того же.

Подобного рода политика как будто оправдывала себя. Вождь паспахегов по имени Вовинчопунк явился в лагерь сам, в парадной раскраске, с короной из перьев, охватывавших его голову, словно нимб. Его статный обнаженный торс покрывала красная краска, лицо украшали синие и черные полосы. За вождем двигалась небольшая процессия воинов, тащивших подарок – тушу огромного оленя.

Через несколько дней Вовинчопунк прислал еще одного оленя, но сам не пришел, а его воины, избавившись от подарка, свободно бродили по лагерю, убедившись, что тот совершенно не подготовлен к защите. О чем и донесли вождю, а тот – своему владыке, великому Вахунсену, вассалом которого являлся.

Верховный вождь счел, что настал удобный момент покончить с пришельцами, которых ему напроорочили. Немногие в Джеймстауне догадывались, что едва выкупившейся колонии грозит реальная опасность со стороны индейцев. Джон Смит, с неохотой выпущенный Уингфилдом из под ареста, считал их «крайне опасными и не стоящими доверия». Габриэль Арчер, уже отдававший стрелы, называл их «кровавым проклятием Вирджинии».

Настороже держался одиорукий вояка Ньюпорт, предпочитая ночевать на корабле. Но перечить губернатору не смели. Только немногие из «джентльменов», не менее высокородных, чем он, предпочитали ходить с пистолетом и шпагой за поясом.

С большим трудом член совета новорожденной колонии Джордж Кендалл убедил упрямого Уингфилда пристроить хотя бы невысокий забор поперек перешейки. Крайне неохотно глава колонии согласился.

Начало строительства Джеймстауна и "изгородь Кендалла"

Забор едва успели поставить, как Вахунсенак нанес удар. Нападение произошло абсолютно внезапно, когда англичане занимались своими привычными делами по обустройству колонии. Несколько сот воинов в боевой раскраске с дикими криками, высыпали из зарослей и устремились к «изгороди Кендалла».

На колонистов, захваченных врасплох, посыпался дождь стрел. Стреляли индейцы быстро и метко, пуская вторую стрелу быстрее, чем первая достигнет цели.

Раздались крики первых раненых, на кораблях кто-то забил в судовой колокол, объявляя тревогу, но и без того во временном городке возник страшный переполох.

Безоружные колонисты хватали все, что им попадалось: топор, лопату, мотыгу, просто палки и камни.

Уингфилд получил жестокий урок. Он в тот день едва сам не погиб. Стрела пронзила его густую бороду на пол пальца от шеи, но Эдуард-Мария Уингфилд родился в рубашке, он не получил ни царапины.

К счастью для англичан, воины Вахунсенана слишком надеялись на свой лук и сойти с колени лицом к лицу не спешили, а тем более не желали идти на штурм. Защитники колонии укрылись за изгородью, индейцы подступали к ней, пуская стрелы, угрожающе махая дубинами и томагавками с каменными наконечниками, насаженными на деревянную рукоятку – железа индейцы еще не ведали.

Обороняющихся была всего лишь сотня, нападавшие превосходили их числом во много раз и, несомненно, рано или поздно неизбежная линия защитников была бы прорвана.

Но тут этой необычной битве неожиданно пришел конец. Раздался грохот орудийного выстрела – грянула пушка с «Сюзан Констант», стоявшей на якорю у самого берега. Канонир, наводивший в спешке и промахнулся, ядро пролетело, никого не задев, и угодило в дерево. Ствол разлетелся в щепы, дерево надломилось, как спичка, и рухнуло, приведя дикарей в великое изумление.

Невиданная мощь оружия вызвала у них панику. Подхватив своих раненых и волоча одного убитого, вопящая орда бросилась в заросли и рассеялась. У колонистов один погиб, 11 получили ранения.

В тот день Джеймстаун испытал настоящее потрясение. Пацифистская политика Пендунганнй кампани и гордыня Уингфилда потерпели полный крах. Колонисты пещно вооружались. Перепуганный Уингфилд приказал строить форт. Не смотря на то, что речь шла о жизни и смерти, «джентльмены» не забыли своими руками и гвоздзя, всю работу, чертясь, выполнили простые поселенцы и матросы Ньюпорта.

Форт получился в виде треугольника, с тремя орудийными площадками на каждом углу. Ожидали нового нападения, но оно не последовало. Потерпев неудачу, индейцы сбились в небольшие военные партии, сновались вокруг колонии. Началась блокада. Любог, дерзнувший выйти из за предела оборонительного периметра, рисковал тотчас получить стрелу.

«Вчера, 30 мая, они убили Кловеля, – писал в дневнике Габриэль Арчер. – Он вышел за стены и они напали на него из высокой травы, которая растет вокруг форта. В него всадили 6 стрел.

Накануне 29 мая они бродили вокруг форта, боясь подойти на мушкетный выстрел, и перестреляли наших собак. Сегодня появились до двух десятков из них, пуская стрелы, угрожающе махая дубинами и томагавками...»

В таких обстоятельствах вспомнили о человеке с боевым опытом – Джоне Смите, он стал постоянным участником заседаний совета колонии, хотя и не входил в его состав.

Внезапная атака и последовавшая затем влотекущая война на индейцам оказалась не единственным бедствием, обрушившимся на колонию. Не прошло и пары месяцев со дня высадки, как среди колонистов начался повальный мор. Одних скрутила лихорадка, другие страдали от тяжелой диареи, третьи просто слабели, теряли силы. Плохая вода, плохая еда – питались червивой мукой и ячменем, но особенно - чужой климат произвели среди жителей Джеймстауна куда больше опустошений, чем стрелы дикарей, хотя и они продолжали косить людей. Умирали ежедневно.

Вот хроника из дневника колониста Джорджа Перси:

«6 августа от дизентерии умер Джон Эшбид, 9 августа умер Джордж Флор, 10 августа умер раненный индейцами Уиллям Брюстер, 14 августа от раны умер Джером Ансент, в тот же день внезапно умер капрал Едвад Моррис. 15 августа умерли Эдвард Бораун и Стивен Гэлторп». И так далее.

Слегка также Джон Смит и первооткрыватель мыса Кейп-Код Бартоломью Гонсолд. Смит выкарабкался, Гонсолду становилось все хуже. Отважный мореплаватель умер 22 августа в своей палатке. В состав совета колонии вместо покойного Гонсолда ввели строптивца Джона Смита.

Недовольство губернатором было тем сильнее, чем больше умирало людей, мор за короткий срок унес больше половины населения Джеймстауна.

Среди выживших началось брожение. Большинство голосов совет низложил Уингфилда, избрав вместо него знатного колониста Джона Рэтклифа.

Новый состав совета оказался перед простой дилеммой: остаться и продолжать удерживать колонию, или вернуться в Англию. Низвергнутый Уингфилд, кстати, стоял за бегство, новоизбранный Смит – за то, чтобы продолжать борьбу.

Ньюпорт отсутствовал, он отправился в Англию за поддержкой и новыми инструкциями, обещав привести всего вдоволь. С ним ушли «Сюзан Констант» и «Годспид», В распоряжении колонии оставались маленький «Дискавери» и шлюп.

ГЛАВА - 27
ГОЛОД И ТОМАГАВКИ

Колонисты Джеймстауна пытаются купить у индейцев провизию

После долгих дебатов Совет пришел к компромиссному решению – дожидаться возвращения из Англии капитана Ньюпорта с кораблями и припасами, а пока попытаться найти для колонии продовольствие. Джеймстаун мучительно голодал. Дневной рацион колониста составлял 50 грамм порченого ячменя и столько же дурного качества пшеницы. Из этого зерна варили похлебку, в которой густо плавали дохлые черви.

Иногда меню удавалось разнообразить рыбой, но рыболовы из обитателей Джеймстауна были неважные. Все думали только об одном – о еде. Из 105 пышущих здоровьем и надежд первопроходцев «Лондонской компании», прибывших в Америку, осталось всего четыре десятка отощавших, апатичных, равнодушных ко всему человек.

Они пребывали в состоянии, которое ученые называют «эмоциональной смертью». Каждый просыпался и ложился спать с мыслью, что не сегодня, так завтра настанет его черед отправиться в мир иной.

Во всем этом был лишь один добрый знак – по мере того, как смерть косила колонистов, нападения индейцев становились все реже и все менее настойчивыми, пока вовсе не прекратились. Вождь Вахунсенек решил, что все белые скоро умрут и прекратил высылать воинов к форту.

Из самого ближнего селения кекотанов даже прибыли парламентарии, заверяя в своей дружбе. Кекотаны в свое время были насильственно присоединены к царству Вахунсенека. В неудачном сражении с ним они потеряли много воинов и признали свою зависимость от Верховного Вождя. Но они хорошо помнили, кто забрал у них свободу, поэтому в войне с колонистами практически не участвовали.

Губернатор Рэтклиф решил использовать ситуацию, чтобы купить у них продовольствие. «Дискавери», который с его мелкой осадкой мог ходить по рекам, и шлюп нагрозили предметами для меновой торговли и послали к кекотанам. «Продотряд» возглавил Джон Смит. С ним отправились 15 вооруженных колонистов.

Кекотаны, однако, к их появлению отнеслись прохладно, от дикарей не укрылось, как стремительно тает население форта, они были убеждены, что за чашку кукурузного зерна любой из белых снимет и отдаст им последнюю рубашку.

Торг не ладился. За топор или медный чайник индеец предлагал плошку зерна или связку мелких рыбешек. В тот день никто ничего не купил и никто ничего не продал. К вечеру на берегу остались только любопытные полуголые индейские ребяташки.

Тогда Смит предпринял шаг, который в наше время назвали бы «пиар-акцией». Знаками предлагая юным дикарям приблизиться, он стал щедро раздавать им мелкие подачки в виде стеклянных бусинок, колокольчиков, зеркалец, прибавив к этому пару дешевых ножей. Обрадованная орава детворы разбежалась по хижинам – хвастать дарами перед родителями. На прощание капитан просил передать взрослым, что раз у них нет ничего на обмен, то завтра он поплывет к паспахегам, другому племени, торговать с ними.

За ночь в сознании простодушных кекотанов произошел перелом. Утром оба суденышка оказались в плотном полукольце дикарей, тащивших, сгибаясь под тяжестью, огромные корзины с кукурузой, сушеной и свежей рыбой, олениной, устрицами – всем, что они так умело брали у дикой природы.

Смит торговался, как последний скряга, так ловко сбивал цены, что за малую часть, припасенную для бартера, нагрузил доверху и «Дискавери», и шлюп. Торг шел под дулами мушкетов колонистов, настороженно следивших, чтобы никто из покупателей не приближался к кораблям с оружием. Оба судна, тяжело осевшие в воде, отправились в обратный путь – с добрыми вестями и спасительным грузом.

Возвращение Смита было триумфальным. Впервые за долгие месяцы в Джеймстауне ели досыта. Индейцев же охватила торговая лихорадка, «лесной телеграф» разнес по побережью весть об удачном торге. Окрестные племена, завидуя кекотанам, слали к форту гонцов в каноэ, наперебой приглашая в следующий раз обязательно наведаться в их поселок.

Смит не замедлил закрепить свой успех и совершил еще несколько таких же плаваний, которые обогатили припасами кладовые голодающего Джеймстауна.

В колонистах проснулась надежда. Ждали Ньюпорта с письмами из дома, товарами, продовольствием и пополнением из Англии.

Ждал этого события и новый губернатор Рэтклиф, хотя и не без тревоги. В конце-концов они прибыли сюда не на отдых. Война с индейцами и высокая смертность среди колонистов, конечно, служили веским оправданием тому, что колония пока не принесла Лондонской компании ничего, кроме огромных расходов.

Но поскольку он сместил представителя компании, ее прямого назначенца Уинфилда, то, следовательно, взял на себя и ответственность перед сиятельными господами в Лондоне. Что он им напишет, когда Ньюпорт приплывет обратно?

Форт и колония Джеймстаун. Рисунок из альбомов Теодора де Бри

Рэтклиф вновь собрал совет, во главе которого он теперь стоял. После недолгих дебатов пришли к следующему решению. Если они пока не нашли ни золота, ни других ценных металлов, то стоит попытаться решить хотя бы второстепенную задачу, из многих, возложенные на них Компанией. В условиях, когда вражда дикарей утихла и продовольственная проблема в целом была решена, можно попытаться организовать поиски пролива в Тихий океан, куда, как они предполагали, вел путь по реке Чикахомини (притоку Джеймс-ривер, ориентированному на запад).

Лучшей, и по сути единственной, кандидатурой на это рискованное предприятие, кроме Джона Смита не было. Он и сам рьяно побуждал к этому, его деятельная натура не выносила многомесячного заточения в форте.

В чем Смит сильно сомневался и во что вообще не верил, как он писал в своих мемуарах, так это в том, что Чикахомини ведет через материк к океану. Но он считал, что такое плавание дает шанс исследовать прилегающие к колонии земли, о которых они до сих пор почти ничего не знали.

Он не мог выйти в плавание на «Дискавери», который повредил днище, напоровшись на отмель. В свое знаменитое приключение, вошедшее необычной, грустной и лирической нотой в жестокие анналы покорения Америки, капитан Смит отправился на маленьком шлюпе с командой из восьми человек.

Суденышко отчалило от временной пристани Джеймстауна в начале декабря и вскоре его парус скрылся за излучиной.

Полагали, что плавание продлится месяцы, но не прошло и двух недель, как суденышко вернулось. На берег сошли только пятеро уцелевших. Из их сбивчивого, путаного рассказа губернатор Рэтклиф понял две вещи.

Первая - Чикахомини всего лишь короткий приток Джеймс-ривер и не ведет никуда.

И вторая – в этом «никуда» навсегда пропали Джон Смит и с ним трое англичан из его экипажа. Их безжалостно, с особой жестокостью убили индейцы, когда команда решила размять ноги на берегу.

Это была правда. Почти правда. Трое колонистов из неудавшейся экспедиции действительно погибли. Но капитан Джон Смит все еще был жив.

Поухотаны. Индейцы Вирджинии - реконструкция художника Джеймса Вулдриджа по альбомам Теодора де Бри

Вся дальнейшая история основывается исключительно на мемуарах Джона Смита, которые он опубликовал, когда оказался в Англии. Других свидетелей его драматических и романтических приключений в плену у поухотанов не существует, если не считать индейцев, а они писать мемуары не умели.

Что же, последуем и мы по страницам этих мемуаров.

Шлюп то с попутным ветром, то на веслах двигался вверх по течению Чикахомини, которая через несколько дней начала заметно сужаться, пока не превратилась в узкий рукав. Стало ясно, что впереди могут быть только ее истоки, но никак не проход к Тихому океану. Плавание само собой прекратилось. Смит объявил, что они возвращаются в Джеймстаун. Но перед этим он захотел добыть дичи и разведать окрестности, ведь так далеко от колонии никто из них еще не добирался.

Англичане причалили к берегу. С собой капитан взял двух колонистов, Эмри и Робинсона, и проводника-индейца из племени чикахомини, так называли себя дикари, жившие вдоль одноименной реки. Команде под страхом наказания запрещалось сходить на берег. Но едва Смит и трое его спутников исчезли в зарослях, как стосковавшиеся по суше колонисты в полном составе – шесть человек - высадились и разбрелись, кто куда хотел.

Берег только с виду казался мирным и пустынным, поблизости бродил отряд воинов из племени памунки, охранявший племенные охотничьи угодья.

И памунки, и чикахомини, и паспахети, и кекотаны – все они, как и другие мелкие племена, принадлежали к одной «империи», которой правил вождь Вахунсенак, но подлинного единства между ними не существовало. Воин из «союзного» племени, рисковал головой, окажись он на территории, которую его соседи считали своей охотничьей вотчиной. В лесах пролегли ревниво оберегавшиеся невидимые границы, за нарушение которых грозила смерть.

Сами того не зная, англичане нарушили эти границы, но опасность заключалась не только в этом. До сих пор у них не было никаких контактов с памунки, и, следовательно, основания рассчитывать на их дружеский прием.

Не была официально закончена и война с индейцами, такого приказа Великий Вождь не отдавал. Сидя в своей резиденции в Веровокомоко, он полагал, что беспощадный мор, о котором ему доносили, день за днем уничтожавший бледнолицых, скоро совсем доконает их, и тогда все их имущество: железные инструменты, одежда, оружие – все само падет ему в руки. Он больше не посылал к Джеймстауну военные партии, но и мира не объявлял. В колонии даже не подозревали, что Великий Вождь существует, что окрестные племена объединены единой властью, хотя центр этой власти находился всего в 20 милях к востоку от Джеймстауна.

Смит со своей группой продвигался в это время в 50 милях к западу от колонии, а отряд воинов памунки незаметно окружал экипаж шлюпа. Англичане осознали, какая беда им грозит, лишь когда в воздухе загудели стрелы. Этот сигнал смерти англичане уже прекрасно знали. Даже не подумав защищаться, сослуживцы в панике кинулись на свой корабль и поспешно отчалили, оставив на берегу одного своего не столь расторопного товарища – Джорджа Хассена. Индейцы настигли его, больше беднягу никто никогда не видел.

Смит и его спутники находились слишком далеко, чтобы услышать отголоски этой быстротечной драмы. Они развели костер на промерзшей речной банке (был декабрь), чтобы зажарить дичь, которую подстрелил Смит.

Затем, отобедав, маленькая группа вновь и на свою беду разделилась. Вечно одержимый охотой к странствиям и приключениям, капитан решил осмотреть окрестности на милую-другую от берега. Эмри и Робинсон его энтузиазма не разделяли.

Тогда Смит оставил их у костра, приказав в случае чего дать сигнал выстрелом из мушкета, чтобы он сразу вернулся. Сам же, прихватив с собой проводника-индейца, отправился напрямик навстречу неприятностям.

Они впрочем, и так преследовали их по пятам. Напугав до полусмерти экипаж шлюпа и убив Хассена, памунки незаметно подошли к костру, где отдыхали Эмри и Робинсон. В этих воинских уловках, как и все индейцы, они были мастера. Мушкетного выстрела Смит так и не услышал, он и на полмили не отошел от костра, когда за спиной раздался торжествующий рев дикарей. Так Эмри и Робинсон, даже не успев воспользоваться оружием, разделили участь Джорджа Хассена. Американская глушь навсегда поглотила их жизни.

Проводник Смита, услышав боевые завывания памунки, затрясся от страха и сказал капитану, что теперь они оба – погибли. Тот и сам видел, как между деревьев замелькали быстрые силуэты индейских воинов. Свистнула стрела и вонзилась ему в бедро. Он упал на одно колено, отполз к толстому дереву, спрятавшись за его ствол. Стрелы продолжали лететь со всех сторон, некоторые находили цель, но застревали в его толстой зимней куртке, которая спасла ему жизнь.

Смит приготовил свой кремневый пистолет, навел и выстрелил. Выстрел звонко прогремел в морозном воздухе. Никогда прежде памунки не сталкивались с огнестрельным оружием. Раздался крик. Ближайший воин изумленно схватился за грудь, на которой, в том месте, куда ударила пуля, расплывалось кровавое пятно, и рухнул замертво. Его товарищи схватили убитого за ноги и утащили за деревья. Оттуда они вновь стали пускать стрелы.

Капитан несколько раз перезаряжал и стрелял, никого больше не убив и не ранив. Пальба лишь удерживала индейцев на некотором расстоянии, не более того. Так, конечно, долго продолжаться не могло, вокруг уже скопилось до полусотни воинов, слишком много против него одного.

Внезапно стрелы перестали падать. Только сейчас Смит осознал, что его проводник-индеец, выскочив из дерева, за которым прятался, что-то отчаянно кричал воинам памунки, указывая на него рукой. В его воплях звучало, постоянно повторяясь, одно и то же слово «вероанк» («вождь!»).

У индейцев существовал свой примитивный, но строго чтимый военный кодекс. Простого воина, попади он в плен, ждал, как правило, один конец – мучительная и долгая смерть у столба пыток. Женщин и детей побежденного племени часто щадили, их распределяли по поселкам победителей.

Вождь, «вероанк», считался особо почетным живым трофеем, его сразу не убивали и не подвергали пыткам. Пленного предводителя берегли для представления на племенном совете вождей, которые и должны были решить его участь: костер, пытки, заточение на случай обмена пленными, или милосердная смерть от удара палицы, что случалось не часто и являлось своего рода знаком уважением к рангу и боевым заслугам пленника.

Памунки поверили, что Смит - «вероанк», что, в общем, было правдой.

Начались переговоры. Проводник переводил.

Памунки предлагали Смиту сдать, обещая сохранить ему жизнь, как «вероанку», а там – как их вождь решит.

Индейцы берут Смита в плен - иллюстрация из мемуаров самого капитана Смита: «Истинное повествование о достопримечательных событиях в Вирджинии» (1608 г.)

Смит и раньше попадал в безвыходные ситуации, опыт бывалого солдата подсказывал ему, что сейчас сопротивление бесполезно. Плен – еще не смерть. Он бросил в солдату индейцев свою пистолет и встал, припав на раненую ногу. Тотчас его окружила толпа памунки в боевой раскраске. Раненого капитана взяли под руки два воина особо крепкого сложения – его конвоиры и санитары одновременно. Своего проводника с этого момента он больше не видел.

Так, ведя под руки, индейцы и предоставили англичанина своему предводителю. Им оказался не кто иной, как сам верховный вождь памунки, по имени Опеханкано.

Смит описывал его как высокого, статного индейца, неопределенного возраста. Правая сторона его черепа была гладко выбрита, волосы на левой половине свисали через плечо, заплетенные в тугую косу. В ней торчало несколько орлиных перьев. Индейцы брили левую сторону головы, чтобы длинные волосы не попадали в тетиву лука во время выстрела.

На вид Опеханкано можно было дать и 50 и все 70 лет. Его лицо густо покрывала сеть морщин, заплетенные в косу волосы отливали густой сединой, но широтой плеч, статью и крепостью мышц он выглядел, как все еще полный сил, зрелый мужчина.

ГЛАВА - 29

ПОКАХОНТАС СПАСАЕТ СМИТА

Покахонтас спасает капитана Смита от смертельного удара палицы.

Лучшая, на взгляд автора, реконструкция этой исторической сцены

В плену у памунки капитана содержали сначала, как почетного гостя. Поместили под охраной в отдельной хижине, помогли залечить рану, кормили как на убой – молчаливые женщины, их называли - "скво" приносили огромные порции оленины на деревянных блюдах, толстые ломти кукурузного хлеба – столько еды, что ее хватило бы на несколько человек. От такой заботы Смита даже одолело опасение, а не откармливают ли его на заклание, как деликатес?

У англичан из Джеймстауна не было причин подозревать индейцев залива Чесапик в людоедстве, и все же...

Пленника часто водили к вождю, который интересовался главным образом, как охраняется форт, сколько в нем людей, зачем белые прибыли сюда, ждут ли они еще подкрепление?

Опеханкано держался величественно, Смит даже предположил, что именно он – владыка всех племен, проживающих на побережье. И почти угадал.

Опеханкано был средним братом верховного вождя Вахунсенана и первым в линии наследников его «короны», которая у индейцев шла по старшинству. Если бы Вахунсенан (будем называть его с этого момента также Поухотаном, по названию главной ветви его племени, как впоследствии его звали англичане и с каким именем он вошел в историю) умер или пал в бою, то тогда власть перешла бы к Опеханкано.

Поухотан сделал брата вождя памунки, вероанком (малым вождем), но казнить или миловать такого диковинного пленника, как Смит, было не во власти последнего.

При всем своем богатом жизненном опыте, капитан в не мог разгадать, что кроется в душе Опеханкано. Их беседы походили на разговор двух старых друзей. Во время контактов с индейцами Смит пытался учиться основам их языка, он пробовал общаться с вождем на его родном наречии анголкинов, но большей частью они общались все же на языке жестов.

В свою очередь вождь порастил пленника, упомянув о загадочном поселении белых людей, за пределами его владений, которые одеваются так же, как Смит, и у них такие же светлоглазые, бородатые лица.

Неужели он набрел на разгадку тайны пропавшей колонии Роанок? Никогда позже Смит не удалось проверить этот сомнительный рассказ. Что имел в виду вождь? О каких людях он говорил?

Разумеется, Смит не мог знать, что в этих же самых местах 35 лет назад индейцы истребили испанскую католическую миссию, которую возглавлял иезуит - отец Сигура. Убийство миссионеров совершил их воспитанник, индеец, которого звали Паквинквинео, а после крещения - Луис. (см. главу 19). Затем, после этого кровавого акта (по одной из версий), соплеменники и дали ему новое имя - "Тот, у кого белая душа", что на их языке произносилось, как "Опеханкано".

По возрасту, пленивший Смита Опеханкано вполне мог быть тем самым, некогда молодым, воином, убийцей священников. Если так и, если правда часть уцелевших колонистов Роанка добралась до Джеймс-Ривер, то участь их вряд ли отличалась от судьбы несчастных миссионеров.

Впрочем, вождь упомянул об этом лишь однажды, вскользь и больше к этой теме не возвращался. Расспросив пленника, обо всем, чего он хотел, Опеханкано задумался. Будь его власть, он не раздумывая казнил бы англичанина. Капитана даже привязали к столбу пыток и десяток воинов с луками на изготовку встали полукругом перед ним, готовые расстрелять живую добычу.

Но вождь колебался и отменил казнь. Вместо этого он приказал собрать отряд воинов, чтобы идти в Веровокомоко. От убийства его удержал только страх перед гневом его старшего брата, Верховного Вождя, который наверняка сам бы хотел взглянуть на «вероанка» белых, прежде чем отправить его в мир теней.

Путь был недолгим, и вскоре маленькая процессия достигла столицы поухотанов. В отличие от других поселков, не имевших ограждения, Веровокомоко был обнесен толстым частоколом, внутри стояли дома ближних родственников Вахунсенана (Поухотана).

В Веровокомоко прибытия пленника ждали. Судьбу Смита должно было решить собрание племенной аристократии. В просторный дом вождя набилось свыше 100 человек, образовавших плотный круг. Сам Верховный Вождь восседал на стопке толстых циновок. Лицо его, как и у Опеханкано выглядело старым, тело – еще крепким и пропорционально сложным.

Косу, подобно другим индейцам, вождь не носил, его длинные, густые и прямые волосы, свободно падавшие на плечи, символизировали его высокое положение.

На его шее висело ожерелье из редких пурпурных раковин. Лицо его, с широкими скулами и прямым носом, выражало невозмутимое величие.

Были среди присутствующих и несколько женщин, жены наиболее приближенных к Поухотану вождей и его собственные.

Суд Поухотана. Селение поухотанов (по рисункам Теодора де Бри)

За свою жизнь Поухотан был женат более чем на 100 женщинах, но гарема в прямом смысле у него не было. Его система многоженства коренным образом отличалась от принятой у восточных, средиземноморских владык. Помимо чисто сексуальных удовольствий, она эффективно служила для укрепления родовых связей, создания собственного, преданного лично ему клана. Раз в год Вахунсенан (Поухотан, как мы условились его называть по имени его племени) объявлял конкурс на новую жену. Ему приводили на выбор несколько девушек, как правило, из больших семей, славившихся доблестью своих воинов. Вождь выбирал понравившуюся ему юную скво и вел в свой дом. Родичи невесты получали богатый дар: шкурами, вампумом (жемчугом, или, точнее - бисером, добывавшимся из раковин речных моллюсков), а также медью, особо ценившейся.

Когда новоизбранная жена чувствовала, что забеременела, ее отправляли обратно в родную семью. С этой минуты вождь брал на себя заботу о ней и ребенке, посылая подарки и продовольствие.

По достижении подросткового возраста дочь или сын отправлялись в Веровокомоко, к отцу. Там Поухотан определял их дальнейшую судьбу. Из мальчиков готовили воинов, наиболее ловкие, сильные и смелые становились вероанками (небольшими селениями, как правило – на границе враждебных племен, где проходили боевую подготовку. Девочек выдавали замуж в семьи наиболее удачливых воинов и охотников).

Через эти перекрестные браки Поухотан имел в племени надежную опору в лице многочисленного влиятельного военизированного клана, связанного кровными узами и преданного лично ему. Отдать за него дочь в верноподданных семьях считалось честью.

Но редко какая женщина оставалась надолго в его жилище. Исключение составляли его уже немолодая «старшая жена» по имени Вингоноски (что означало - «Хорошая женщина») и несколько других, такого же возраста, бывших невест и жен, выполнявших роль прислуги в его большом доме.

И вот перед этим удивительным человеком, Вождем, отцом-основателем огромного семейства, предстал чужеземец - Джон Смит.

Допрос длился недолго. Верховный Вождь задал те же вопросы, что и Опеханкано: зачем белые прибыли и как укреплен Джеймстаун. Отвечая, Смит беззащитно мешал правду с ложью, надеясь спасти себе жизнь.

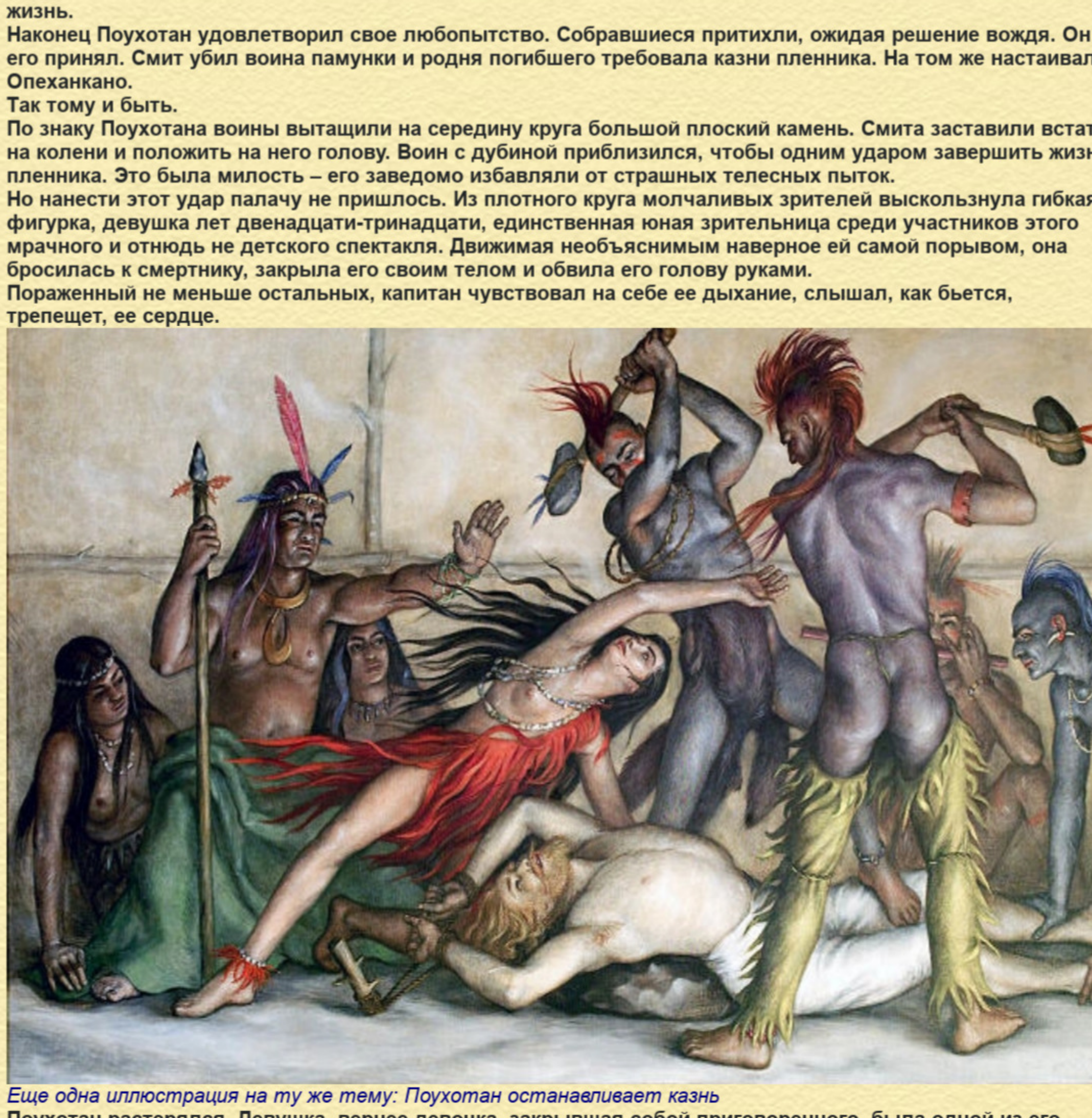
Наконец Поухотан удовлетворил свое любопытство. Собравшиеся притихли, ожидая решение вождя. Он его принял. Смит убил воина памунки и родня погибшего требовала казни пленника. На том же настаивал и Опеханкано.

Так тому и быть.

По знаку Поухотана воины вытащили на середину круга большой плоский камень. Смит заставили встать на колени и положить на него голову. Воин с дубиной приблизился, чтобы одним ударом завершить жизнь пленника. Это была милость – его заведомо избавляли от страшных телесных пыток.

Но нанести этот удар палачу не пришлось. Из плотного круга молчаливых зрителей выскользнула гибкая фигурка, девушка лет двенадцати-тринадцати, единственная юная зрительница среди участников этого мрачного и отнюдь не детского спектакля. Движимая необъяснимым заворожением ей самой порывом, она бросилась к смертнику, закрыла его своим телом и обвила его голову руками.

Пораженный не меньше остальных, капитан чувствовал на себе ее дыхание, слышал, как бьется, трепещет, ее сердце.

Еще одна иллюстрация на ту же тему: Поухотан останавливает казнь

Поухотан растерялся. Девушка, вернее девочка, закрывавшая собойговоренного, была одной из его дочерей. Она недавно прибыла в Веровокомоко, достигнув того возраста, когда детей его бесчисленных жен отправляли обратно к отцу. Ее звали Матоака, но при «дворе», за живой характер, природное любопытство, импунсивность ее прозвали «Маленькая Шалуня», или - «Покахонтас».

Поухотан благоволил ей, потакая ее капризам, «Маленькая Шалуня» считалась его любимицей. Она-то и укрывала капитана от карающего удара дубины.

Что подвинуло ее на такой поступок? Романисты часто норовят связывать Джона Смита и Покахонтас любовной линией. Историки и сам Смит это наотрез отрицают, что подтверждают и последующие события.

Невысокого роста, почти коротышка, едва ли не самый низкорослый среди колонистов, капитан выглядел невзрачно на фоне статных, рослых воинов ее племени.

В нем не было ничего из тех черт, что привлекает женские симпатии.

В его жизни вообще не случилось романов: только войны, риск, путешествия и приключения.

Не любовный порыв, а доброе сердце юной индейской «принцессы» стало единственной преградой, остановившей смертельный удар.

А может быть, что вполне вероятно, и не только это, как мы сможем увидеть в дальнейшем...

Вахунсенан был потрясен. Как, впрочем, и все из его окружения, что присутствовали в тот день на намеченной казни. Впечатлительные индейцы усмотрели в этом волю богов.

Смита развязали. Казнь отменили. Послали за советом к шаманам.

Те рекомендовали следовать знаку судьбы и пленнику разрешили вернуться в Джеймстаун. Правда с условием – он должен заплатить выкуп: прислать два больших точильных камня и «большое ружье». Под большим ружьем подразумевалась пушка.

Это были фактически условия мирного договора между англичанами и поухотанами.

Смит на все согласился, лишь бы получить свободу. Колонисты давно уже считали его погибшим, когда 2 января 1608 года капитан внезапно появился у ворот форта. Его сопровождал небольшой эскорт из индейских воинов во главе с Равахунтом, одним из ближайших советников Поухотана, которому тот доверил получение выкупа.

Смит сдержал слово – индейцы получили, что требовали, но унесли с собой только два точильных камня. Капитан великодушно разрешил им забрать и «большое ружье». Все население маленькой колонии с любопытством наблюдало, как краснокожие тщетно пытались сдвинуть с места бронзовую морскую кулеврину. Им пару раз удалось столкнуть тяжелую пушку с места, но и только.

Поняв, что остался в дураках, Равахунт раздраженно увел своих воинов, но Поухотан отнесся к недоразумению с юмором. Позже он прислал в дар колонистам дюжину индеек и попросил вместо «большого ружья», что-нибудь, «что можно унести».

ГЛАВА - 30 МИР, С ПИСТОЛОТОМ У ВИСКА

Дары верховному вождю - капитан Ньюпорт встречается с Поухотаном

Возвращение Смита, которого считали погибшим, в Джеймстауне встретили с восторгом и удивлением, но не все. Поначалу губернатор Рэткиф обвинил его в смерти Эмри и Робинсона, но дальше взаимной свары дело не дошло.

Все перевернуло радостное событие – в залив вошел английский корабль «Джон и Фрэнсис». Это был так сильно приподнявшийся Христофор Нюпорт с припасами и 60 новыми колонистами. Через несколько месяцев пришло еще одно судно, «Феникс», под командой Томаса Нельсона, высадившее 40 человек. Нюпорт был потрясен бедственным положением колонии: из 105 поселенцев, которых он тут оставил в прошлый раз, в живых осталось меньше половины. Лондонская кампания пока несла одни убытки. Новость о том, что Джеймстаун находится в сердце обширной конфедерации индейских племен во главе с верховным вождем, заставила пересмотреть и политику по отношению к индейцам. Капитан Нюпорт пожелал лично встретиться с Поухотаном, который в свою очередь, прознав, что прибыл великий белый вождь», прислал приглашение нанести ему визит в Вервокомоко.

Встреча состоялась в феврале 1608-го. Нюпорт, взяв с собою Смита, прибыл, поднявшись по реке на маленьком «Дискавери» с сильным эскортом из 40 вооруженных колонистов. Поухотан получил подарки: камзол из красного сукна, шляпу и охотничьего пса – белую борзую.

Вождь остался доволен, но, как залог мирных отношений с англичанами, потребовал новых подарков: 50 ножей и несколько ружей с запасом пороха. Кроме того, просил выстроить ему в Вервокомоко настоящий европейский дом.

В оружии ему отказали по вполне понятным причинам, но прислали группу плотников и стекольщика, чтобы они построили ему европейское жильё. А также кое-какую мебель и даже – ванную.

Казалось, мирные отношения между поселенцами и индейцами отныне прочно налажены и ничто не может помешать новорожденной колонии развиваться и процветать. Так считал Нюпорт. Так считали в Лондонской компании.

Совершенно иного мнения придерживался Джон Смит. Он на себе испытал харизму Поухотана, но убедился, что тот лишь терпит присутствие белых, а на самом деле желал одного – чтобы они ушли туда, откуда явились. А ещё лучше - в загробный мир. Индейцам, считал он, и писал в своих мемуарах, никогда нельзя доверять. Он не устал это повторять и однажды его предупреждение вспомнят, но будет поздно. Не получив ни ножей, ни ружей, Поухотан остался недоволен и стал посылать в Джеймстаун гонцов с мелкими подарками – пара индюшек, несколько корзин кукурузы. Оказавшись в форте, посланцы старились стащить все, что попадалось на глаза. Прежде всего – железные инструменты, топоры, лопаты, мотыги.

Только когда расхитителей стали ловить и сажать в сарай под замок, где их вскоре собралась целая дюжина, кражи прекратились.

Поухотан потребовал выпустить пленников, но Смит отказался. В его руках теперь сосредоточилась вся административная и военная власть – в сентябре 1608 г. его давнее соперничество с губернатором Рэткифом завершилась победой Смита. Совет колонии большинством голосов выдвинул деятельного капитана в губернаторы. Так человек, прибывший в Новый Свет в качестве трюмного арестанта, встал у руля первого поселения, заложившего истоки Новой Англии. Современная Америка начиналась здесь, в Джеймстауне, отчаянно борясь за свое выживание.

Став главой совета, Смит обнаружил, что у него две главные проблемы. Первая – как накормить 200 колонистов. Нюпорт и Нельсон привезли много людей, но мало продовольствия.

Второй проблемой оказались индейцы. Поухотан прислал сердитое послание, требуя вернуть ему пленников. Однако новый губернатор по-прежнему держал их под замком, а вождю велел передать, что выпустить их только тогда, когда тот вернет похищенные инструменты. В отместку индейцы захватили двух лесорубов и предложили обмен: 12 их соплеменников на 2-х белых.

Смит посчитал, что такой размен, на первый взгляд выгодный, не в его пользу. Пойти на него – значило выказать свою слабость. А слабых, как он убедился, индейцы презирали. Он принял другое решение.

С группой хорошо вооруженных колонистов, которых он несколько дней специально обучал тактике боя в лесу, Смит совершил рейд по небольшим прибрежным селениям.

"Продотряды" Смита жгут индейские селения, чтобы принудить их к торговле и поставкам съестных припасов. Из альбомов Теодора де Бру

Обитателей под дулом мушкетов и выстрелами в воздух выгоняли из хижин, после чего несколько их жалких жилищ демонстративно предавали огню. Урожай изымался в пользу колонии. Никто не погиб, но по реке стала распространяться паника, доклевываясь до Вервокомоко.

В Джеймстауне вновь появился личный посланник Поухотана, Равахонтас. С ним шли носильщики с дарами – олениной, кукурузой и плодами. Вождь просил принять их в знак его дружбы, взамен просил освободить пленников и не тревожить больше индейские поселки на Джеймс-Ривер.

Смит уступил. Не столько из-за даров, сколько вняв впечатляющему аргументу, которым Поухотан подкрепил свои просьбы. Этим аргументам была юная Покахонтас, сопровождавшая Равахунта в его миротворческой миссии. Она не вела никаких переговоров, ее присутствие было чисто символическим. Но Смит хорошо понял намек вождя, напомнившего ему, как он был близок к смерти и кому он обязан своим спасением.

Пленных индейцев отпустили. Покахонтас перед уходом просила показать ей форт. Ее провели по всей колонии. Дочери вождя было сейчас не более 13 лет и одевалась она, как было принято у девушек ее племени, то есть ходила почти обнаженной, за исключением самых интимных частей ее гибкой фигуры. За ней следовал не менее экзотический эскорт - несколько индейских девочек её же возраста, вооруженные маленькими луками, не способными стрелять, а служившими лишь символами оружия.

Девочки эскорта были также едва прикрыты, так что их маленький тур по Джеймстауну, чье население состояло сплошь из мужчин, вызвал настоящий шок. Если кто-то чем и занимался в тот момент, то бросил свою работу, все глазели на гостью и её подружек с тем же жадным любопытством, с которым она изучала быт и привычки белых людей.

Первая проблема, уладить трения с индейцами, таким образом разрешилась. Хотя Смит по-прежнему не оставлял показному миролюбию поухотанов.

Оставалась вторая, самая главная проблема: накормить 200 голодных ртов и обеспечить их жильем, ведь приближалась зима, а только часть колонистов имела крышу над головой. Работающих как и прежде было меньше, чем празднично шагукающих. Особенно раздражала Смита вновь прибывшая аристократия, не делавшая ровным счетом ничего, чтобы позаботиться о своем будущем и об общем благе.

Система, которую он ввел, чтобы спасти зарождающийся город от деградации, очень напоминала военный коммунизм. «Кто не работает, тот не ест!» – объявил новоизбранный губернатор. Это означало, что ежедневные продовольственные нормы на человека будут отпущаться только тем, кто взял в руки лопату или топор.

Аристократию распределили: кого в плотники, кого - в лесорубы, кого – в землекопы. Голод - не тетка, и высокородные сэрсы стали энергично наживать себе трудовые мозоли. Некоторые даже вошли во вкус, успешно освоив столь нужные колониальные профессии.

Но далеко не всем трудовая повинность пришлась по нраву. Политика военного коммунизма спасла в тот год Джеймстаун, однако в недалеком будущем стоила Смиу его поста и в целом – карьеры в Новом Свете. Благодаря этим радикальным мерам к зиме удалось построить достаточно новых домов, но с продовольствием было по-прежнему туго. Не принесли ожидаемого результата и бартерные походы в индейские поселки, так успешно удававшиеся Смиу в прошлом. Торг шел очень вяло. А во время плавания к ненсимондам индейцы внезапно на своих юрких лодках пытались показать шлюпу англичан.

Смит хорошо приготовился к такому повороту событий. На бортах судна по его приказу были развешены специально изготовленные большие деревянные щиты с бойницами для мушкетов. Стрелы густо утакали их, но не причинили вреда людям. Прячась за щитами, колонисты открыли огонь, ранили нескольких индейцев и ненсимонды спешно повернули к берегу.

Смит не удовлетворился этой маленькой победой, англичане высадились и по приказу капитана принялись ломать вытесненные на берег индейские каное.

Ненсимонды, попятавшиеся в прибрежных зарослях, разразились жалобными воплями. Уничтожалась самая ценная их собственность. Свои каноз они изготавливали из цельного ствола дерева. Сначала середина его выжигалась, потом выстругивалась, изогнутого труда стоило придать корпусу изящную обтекаемую форму. Каноз одинаково нужны были и для рыбной ловли, и для войны и для торговых походов.

Видя, как гибнет их «флот», индейцы запросили пощады. Нападение обошлось им дорого. Смит устроил в селении продразверстку и вдвоем обложил его продналогом – отныне ненсимонды обязались засеивать отдельную плантацию, чтобы ежегодно снабжать Джеймстаун провизией.

К великому разочарованию капитана ему так и не удалось собрать к зиме достаточно припасов. Правда многочисленные плавания расширили его познания в географии региона, он первым из европейцев исследовал реку Потомак, достигнув точки, где стоит сейчас столица США – Вашингтон. Но в закромах Джеймстауна все также гулял ветер. По тому, как индейцы неохотно шли на бартер, Смит пришел к выводу, что на торговлю с колонией наложено эмбарго и его источник находится в Вервокомоко.

Он не ошибся. Поухотан запретил своим подданным продавать провизию в Джеймстаун. Поселенцы больше не могли ничем ему быть полезны. Он не получил от них ни железных инструментов, ни оружия, ни товаров, которые бы его заинтересовали. Образ жизни колонистов его корбил: ему доносили, что большинство из них не работают, не пахут и не сеют, живут, как паразиты и все время требуют накормить их. Пришельцев становилось все больше. Они уже захватили часть его царства. Сбывалось давнее пророчество шамана.

Убедившись, что белье надежно укрыты своим частоколом, а их оружие сильнее его луков и стрел, Поухотан решил прибегнуть к уже проверенной тактике – уморить колонию голодом. Ни зернышка кукурузы в Джеймстаун, ни рыбышки, ни куса оленины.

Смит отчаянно искал решение. Оно пришло в виде дерзкого плана – отправиться по реке с сильным отрядом прямо в Вервокомоко, захватить самого Поухотана в заложники, заставить его нагрузить трюмы зерном и отменить эмбарго.

Слово у капитана не расходилось с делом. В январь 1609-го Смит прибыл в Вервокомоко с целой флотилией: сам он плыл на «Дискавери», за ним шли еще две баржи, которые он планировал нагрузить зерном и, если понадобится, то сделать это силой. Англичан насчитывалось до 30 человек. На берег осторожный Смит сошел лишь с одним провожатым, другие остались на кораблях, держа мушкеты наготове.

Вождь принял его радушно, но переговоры шли вяло. Поухотан убеждал, что запасов провизии у него ровно столько, сколько нужно, чтобы прокормить собственное племя. Кое-что, конечно, он продаст в обмен на товары англичан, а пока, пусть путники заночуют в одной из хижин его гостеприимного селения.

От природы провозитный, Смит во всем чувал ловушку, и сейчас тоже подозревал ее. Но Джеймстаун нуждался в провизии, и капитан принял предложение.

Спал он с пистолетом в руке, и взял его на изготовку, когда среди ночи за стеной послышались осторожные легкие шаги. Хрупкая фигурка появилась в проходе. Покахонтас, это была она, скользнула внутрь и, дрожа от волнения, знаками стала убеждать его завтра же покинуть Вервокомоко. Отец, убеждала она, хочет перебить всех англичан. Он сделает это, когда начнется торговля и появится удобный момент для нападения.

В своих мемуарах Смит писал, что эта удивительная девушка в ту ночь второй раз спасла ему жизнь. Почему, спросил себя, дочь вождя рисковала собой, чтобы предупредить англичан? Никто так никогда и не смог разгадать, что творилось в ее юной душе. Возможно, ее импульсивная натура тяготилась узкими рамками племенного быта. В чужом, нищем и голодном, но таком загадочном, Джеймстауне она увидела осколок огромного неведомого ей мира, который лежал за океаном, а Джон Смит был кем-то вроде стража у ворот, который мог провести его туда. Он был ей нужен, она была нужна ему.

На следующий день большая группа индейцев притащила на берег корзины с провизией. Англичанам предложили отложить оружие, чтобы им было легче грузить продукты на борт. Смит на уловку не попался. Его очень тревожило, что в поселке собралось слишком много воинов. Капитан потребовал встречи с Поухотаном, но ему сказали, что вождь покинул Вервокомоко. Предупреждение Покахонтас подтверждалось и Смит, не желая более рисковать, приказал отчаливать, так и не забрав корзины на берег.

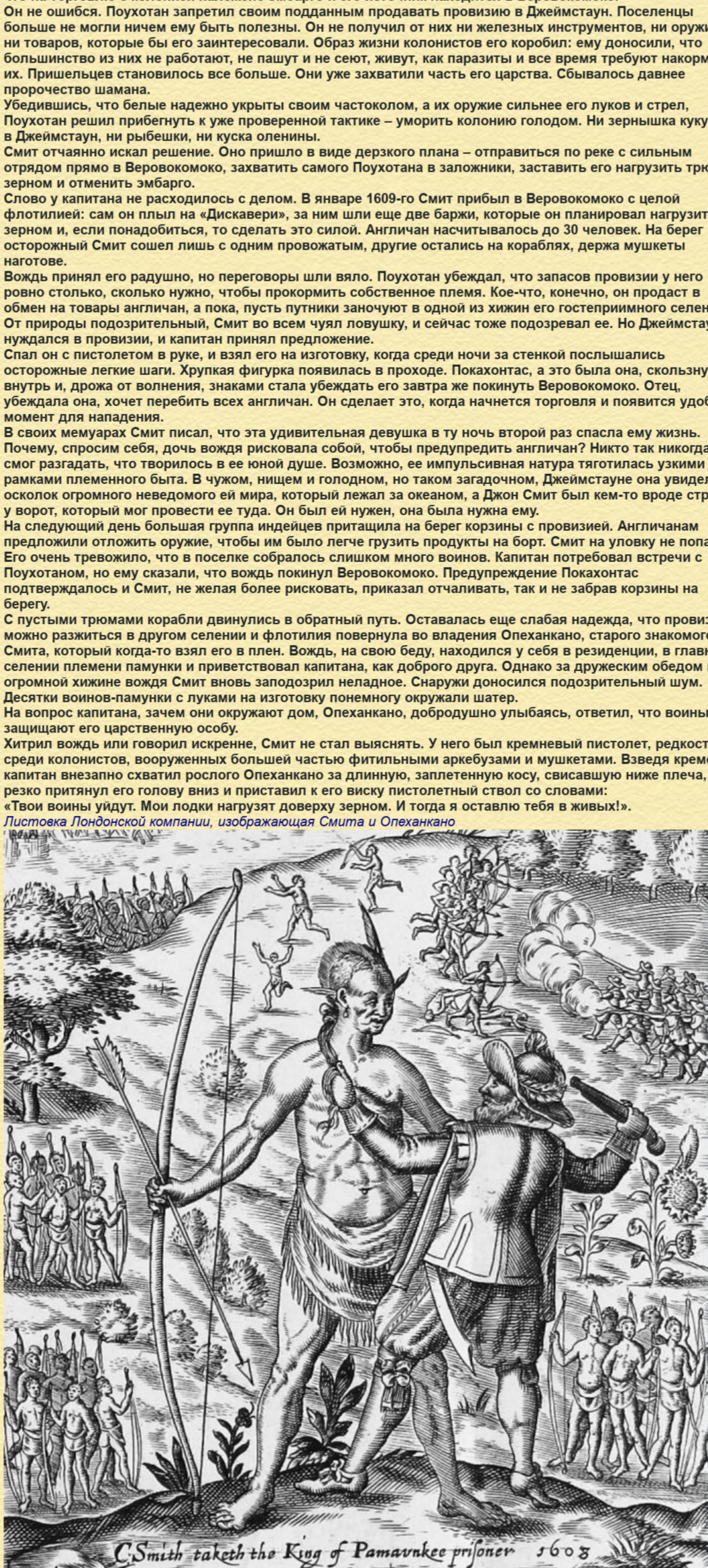
С пустыми трюмами корабли двинулись в обратный путь. Оставалась еще слабая надежда, что провизией можно разжиться в другом селении и флотилия повернула во владения Опеханкано, старого знакомого Смита, который когда-то взял его в плен. Вождь, на свою беду, находился у себя в резиденции, в главном селении племенного вождя и приветствовал капитана, как доброго друга. Однако по дружеским обедом в огромной хижине Смит вновь заподозрил неладное. Снаружи доносился подозрительный шум.

Десятки воинов-папуки с луками на изготовку понемногу окружали шатер.

На вопрос капитана, зачем они окружают дом, Опеханкано, добродушно улыбаясь, ответил, что воины защищают его царственную особу.

Хитрый вождь или говорил искренне, Смит не стал втираться. У него были кремневый пистолет, вездеход среди колонистов, вооруженный большей частью вытиснятыми аркебузами и мушкетам. Вздвяд кремень, капитан внезапно схватил рослого Опеханкано за длинную, заплетенную косу, свисавшую ниже плеча, резко притянул его голову вниз и приставил к его виску пистолетный ствол со словами: «Твои воины уйдут. Говори лодки пригустай доверку зерном. И тогда я оставлю тебя в живых!».

Листовка Лондонской компании, изображающая Смита и Опеханкано

Этот эпизод, в отличие от многих других, которыми так полны его яркие мемуары, происходил при свидетелях - колонистах, сопровождавших его в этом походе - и стал широко известен. Лондонская кампания, при том, что ее руководство, мягко говоря, не питало симпатий к Смиу, даже выпустила специальную рекламную листовку, на которой был изображен коротышка-капитан, приставивший пистолет к голове гиганта-вождя. Пиар уже в те времена делал свое дело.

От папуки флотилии ушла, тяжело осев под грузом зерна.

Опеханкано стоял на берегу, провожая ее мрачным взглядом.

В его душе бушевала буря, которая обязательно обернется для англичан большой кровью.

Но этот, 1609-й год, колония под лидерством Смита пережила на удивление спокойно.

«Никто из нас не убит и мы никого не убили», - с удовлетворением записал в своем дневнике капитан, не подозревая, что срок его правления стремительно подходит к концу.

ГЛАВА - 31

ДЖЕЙМСТАУН В ОСАДЕ. РЕЗНЯ В ОРАПАКИ

Весной 1910 г. белые облачка парусов вновь оживили гладь Чесапикского залива. С завидным упорством Лондонская компания продолжала вдыхать жизнь в угасающую колонию, до сих пор не принесшую ей ни пени ни прибыли. Были выпущены новые акции, привлечены новые пайщики. Почти 1000 торговцев средней руки решили вложиться в рискованное предприятие.

Шесть кораблей и несколько сот колонистов прибыли в Джеймстаун этим летом. И с ними новые инструкции от Лондонской компании. Они лишили Смита губернаторского поста, который он получил на выборах большинством голосов совета колонии. Слишком самостоятельный характер капитана, его политика военного коммунизма, отсутствие влиятельных покровителей сослужили ему дурную службу.

Новым губернатором был назначен Томас Уэст, лорд де ла Варр, но он пока находился в Лондоне. В его отсутствие начальство над колонией временно принял аристократ Джордж Перси.

Смит сразу стал никем. Он все еще считался военным экспертом, знатоком индейцев. Но из первой волны колонистов в живых осталось совсем не много тех, кто знал, какую важную роль он сыграл в основании будущего города. У вновь прибывших капитан не пользовался авторитетом.

Скопление нескольких сот новых жителей в стенах маленькой колонии привели к первой попытке экспансии из Джеймстауна. Отчасти это диктовалось необходимостью – узкий клочок суши, на котором располагалась колония, просто не мог прокормить столько ртов.

Из города отделились две большие группы. Одну, из 60 человек, вел Джон Мартин, другую, в 120 колонистов, Френсис Уэст.

Уэст отправился своими людьми вверх по течению Джеймс-Ривер, где облюбовал себе место по соседству с селением, которым правил вождь Парахунт.

Мартин двинулся в низ по реке, в земли нэнсимондов, где правителем являлся сын Парахунта.

Конфликты с индейцами начались почти сразу же. Европейцы быстро потратили крохи продовольствия, взятого из тощих кладовых Джеймстауна, и обратили голодный взор на закрома своих краснокожих соседей. Мартин потребовал у нэнсимондов большой плодородный остров, а когда получил отказ – захватил его силой.

Англичане словно обезумели. Им чудилось, что в убогих индейских хижинах они найдут несметные сокровища. Стоявшее на острове маленькое индейское селение было разграблено, продовольствие конфисковано, хижины сожжены, пытавшихся сопротивляться убивали на месте, остальные разбежались.

Нападение англичан на индейское селение

Не найдя ничего ценного, мародеры кинулись грабить старинное индейское кладбище. В тщетных поисках золота они вытаскивали истлевшие мощи, сдирали с них погребальные украшения, ворошили кости, топтали прах.

В довершение всего кто-то выстрелом из пистолета ранил в грудь сына Парахунта. Весь в крови, он бросился в воду, оставляя за собой алый след, но смог добраться до берега, а оттуда – в селение отца.

Парахунт-старший в то же самое время терпел всецельские притеснения от обосновавшихся у него под боком поселенцев Джона Уэста. Белые ходили в индейский поселок, как в свой личный сарай, брали продовольствие, хватали заложников.

Когда же появился истекающий кровью сын вождя и принес весть об осквернении кладбищенских святынь, нэнсимонды встали на тропу войны. Ночью они атаковали колонистов Уэста, перебив тех, кого застали в лагере, освободили своих пленников, а затем, рассыпавшись по округе, убили еще семерых англичан, которые порознь охотились в лесу.

Напуганный Уэст с несколькими уцелевшими бежал на лодке по реке в Джеймстаун.

Та же судьба постигла колонию Мартина. Его "офицер" Майкл Сиклмор с десятком людей отправился к нэнсимондам за продовольствием. Индейцы уничтожили их всех, а широко открытые рты мертвецов наполнили зерном.

Началось повальное бегство переселенцев под защиту стен и пушек Джеймстауна. Одну лодку с 17 человек индейцы по пути перехватили, убив всех, кто в ней находился.

Смит уже никак не мог повлиять на ситуацию. Его дни в Новом Свете подошли к концу. Он пытался уладить дело миром, даже встретился с Парахунтом, который его хорошо знал, добившись перемирия, но на обратном пути в Джеймстаун храбрый капитан стал жертвой тяжелого несчастного случая. В город его принесли полумертвого и первым же кораблем отправили в Англию. Яркая, но короткая карьера Джона Смита в Америке закончилась. За время долгого плавания на родину, Смит залечил увечье и сошел на берег в Лондоне вполне здоровым, но в Джеймстаун ему уже было не суждено вернуться.

Как и все его предшественники, временный губернатор Джордж Перси сразу же столкнулся с проблемой острой нехватки продовольствия – в кладовых запасов едва хватало на месяц-другой и это – в канун грядущей зимы. У Перси не оставалось иного выхода, как попытаться наладить торговлю с индейцами.

Удивительно, но после того, что натворили мародеры Мартина и Уэста у нэнсимондов, колониальный совет все еще считал, что старый Поухотан по-прежнему к ним расположен. Отчаянная нужда (или непроходимая глупость!?) заставила англичан снарядить торговое посольство к Великому Вождю. Его возглавил экс-губернатор Рэтклиф. С собой он взял 50 человек и одно из речных судов, которыми располагала колония.

Поухотан больше не жил в Веровокомоко. Он бросил насиженное место вскоре после того, как его последний раз потревожил Смит, посчитав, что поселок слишком легко доступен со стороны реки, и основал новую резиденцию, Орапаки, в глубине берега. Он, конечно же, был к курсе всего, что происходило в его «империи», а также в Джеймстауне. Ему донесли о бесчинствах англичан во владениях нэнсимондов и о том, что «вождь Смит» отбыл за океан.

Поухотан не раз, наверное, жалел о том, что благодарно заступничеству Покахонтас пощадил капитана, и в то же время Смит был единственным среди белых, кого он всерьез уважал, побаивался и считал за равного себе противника. Теперь же Великий Вождь полагал, что колония осталась без сильного лидера, а раз так, то у него развязаны руки.

Торговая экспедиция Рэтклифа достигла Орапаки и была встречена с демонстративным радушием. Поухотан лично пришел поприветствовать гостей, выразив согласие обеспечить их зерном в обмен на медную посуду и ткани. Смит не преминул бы взять вождя в заложники и торговать «с пистолетом у виска». Рэтклиф и не подумал об этом. На борту он оставил 20 человек, а сам с 30 сошел на берег.

Для торговли отвели большое строение в полумиле от реки, где англичане провели ночь. Торг начался с утра, цены индейцы просили весьма умеренные и большие корзины очень быстро заполнились доверху отборным кукурузным зерном. Рэтклиф ликовал. Он уже видел себя спасителем Джемстауна, триумфатором, которого с восторгом встретят изголодавшиеся сограждане.

Сгибаясь под тяжестью ноши, англичане цепочкой направились к берегу. Когда они проходили по густому кукурузному полю, индейцы внезапно, сразу со всех сторон напали на них. У колонистов не было и шанса. Их тяжелые фидельные мушкеты не были готовы к стрельбе, руки – заняты корзинами.

Индейцы убивали свои жертвы так быстро, что они даже не успели подать сигнал своим товарищам на корабле. В резне на кукурузном поле уцелел лишь Рэтклиф. Ему сохранили жизнь, но только для того, чтобы умереть на столбе пыток. Незадачливый соперник Смита страшно кричал, когда старые скво острыми ракушками срезали по частям его кожу и плоть и бросали в костер. Вдоволь натешившись изверским ритуалом, являвшимся для них не только мщением, но и чем-то, вроде жестокого шоу, поухотаны изжарили пленника на медленном огне, а затем сожгли останки.

Только 16 из 50 англичан, отправившихся в это роковое путешествие, вернулись домой. Покончив с главными силами отряда, индейцы напали на корабль. Еще несколько европейцев расстались со своей жизнью, прежде, чем уцелевшие, отчаянно сражаясь и отбив таки нападение, сумели отчалить и бежать. Колония понесла новые людские потери и осталась без продовольствия. Наступила вторая голодная зима в Джеймстауне.

Похороны очередного, умершего от голода, колониста Джеймстауна

Индейцы не нападали в открытую, но убивали любого, кто пытался удалиться от форта. В осажденном городе стали есть собак, кошек, крыс, мышей. Дошло до людоедства и только виселица и кнут помогали Перси кое-как поддерживать порядок.

«Мы все теперь жаждали, что с нами нет Смита», – писал один из выживших в своих воспоминаниях о голодной зиме 1609/ 1610 года. Поухотан мог праздновать победу – его тактика измора принесла свои плоды, к лету 1610 в колонии из 500 жителей уцелело не более 60.

Но напрасно Большой Вождь ждал, когда истощенный город падет к его ногам со всеми сокровищами белых, их ружьями, топорами, лопатами и медной посудой. Как только корзинки вступили в свои права, из Англии прибыл целый флот, 9 кораблей под командой Джорджа Сомерса.

За этой флотилией пришло еще три корабля, на одном из них находился новый губернатор – лорд де ла Варр со значительным числом наемников. Ему стоило большого труда убедить выживших в голодную зиму колонистов остаться.

С индейцами новый правитель обещал расправиться мушкетами своих наемных солдат.

Джеймстаун, казалось бы уже обреченный, ожил. Сотни новых поселенцев заняли жилища своих усопших предшественников и стали стремительно расселяться по побережью. От колонии отпочковалось первое дочернее поселение - Хенрико. Вновь прибывших уже не терзала «злая лихорадка», они старались наладить жизнь традиционными методами: заводили плантации, фермы и разводили скот.

Колонисты встречают нового губернатора - лорда де ла Варра

Экспансия востречила индейцев, они все еще держали вокруг города и лорд де ла Варр предпринял несколько карательных акций. От пацифистских настроений, с которыми Лондонская компания некогда готовилась заселить Новый Мир, не осталось и следа.

Капитан Томас Гейтс с отрядом был направлен к кекотанам, убившим за несколько дней до того колониста Хэмфри Бланта. Напав внезапно на индейское селение и перебив с десятком жителей, Гейтс изгнал племя с его исконной земли, которую отдали под новые плантации.

Другой отряд в 70 человек под командованием Джорджа Перси нанес поражение паспахегам, спалив их главное селение и перебив много его обитателей. Вождь Вовинчопунк попытался дать отпор, но, потеряв много воинов, ушел в леса.

Разъяренные англичане захватили в плен его детей и жену.

Путь в Джеймстаун заблокировали безжалостно расправившись с малолетними пленниками. Детей сбросили с лодок в реку и стреляли в них из мушкетов, пока последняя голова, окруженная кровавым венцом, скрывалась под волнами. Их мать заколол шпагой один из "лейтенантов", некто Дэвис.

Несмотря на эти показательные расправы Поухотан упрямо не желал заключать мир, его нападения продолжались вплоть до 1612 года и еще не один житель Джеймстауна расстался со своим скальпом. Человеком, который прекратил войну, растянувшуюся на три года, стал капитан Сэмюэл Аргайл. Он нашел ключ к суровому сердцу Великого Вождя. Этим ключом оказалась юная Покахонтас.

ГЛАВА - 32

ПОКАХОНТАС ПРИНОСИТ МИР

Похищение Покахонтас. Капитан Аргайл представляет ее губернатору Джеймстауна Томасу Дэйлу

Затяжное противостояние Джеймстауна с поухотанами побудило многие племена отложиться от них, вернув себе независимость, которую Великий Вождь некогда отнял насильно. Торговое эмбарго тоже больше почти не действовало, близкие к Джеймстауну селения охотно вступали в торговлю с англичанами. Вдоль реки Потомак лежали владения одного такого независимого племени - потавомек. Его вождь Джепезус, формально подвластный Поухотану, вел вполне независимую политику, поставлял в Джеймстаун зерно в обмен на разные европейские товары.

Однажды сюда на шхуне зашел капитан Сэмюэл Аргайл. На этой личности стоит остановиться особо. В Джеймстаун он прибыл одновременно с новым губернатором - лордом де ла Варром, «Лондонская кампания» наняла Аргайла, чтобы он проложил новый маршрут в колонию, минуя Канары - испанские острова у побережья Европы, за которыми начинался океан (именно так раньше следовали морские караваны).

Аргайл успешно справился с задачей, в 1610 г., командуя флагманским кораблем эскадры, на котором плыл и сам губернатор, он провел свои корабли в Вирджинию «экспрессом», севернее прежнего пути, прямо через Атлантику, минуя Канарские острова.

В Америке капитан энергично исследовал морские и речные пути вокруг Джеймстауна, искал места богатые рыбой, завозил контакты с нейтральными племенами. Так он познакомился и с вождем Джепезусом. Весной 1613 года Аргайл вновь отправился к потавомекам, как обычно - торговать. Здесь капитана ждал большой сюрприз – в поселке гостила Покахонтас, Джепезус ей приходился родственником.

Аргайл сразу сообразил, какой ценный заложник идет прямо к нему в руки. Захватив дочь Великого Вождя, к которой Поухотан питал особую любовь, он мог заставить ее отца, наконец, заключить мир. Оставалось только заманить девушку на борт. В этом охотно поспособствовал Джепезус. Свободу юной «принцессы» он оценил в медный котелок и несколько побрякушек.

Похищение прошло как по нотам. Сначала Джепезус с женой взойшли на борт, пригласив Покахонтас вместе с ними посмотреть корабль. Затем вождь и его скво удалились, оставив девушку одну.

Аргайл тотчас приказал поднимать паруса и взял курс на Джеймстаун. Поняв, что ее провели, «принцесса», разумеется, рассердилась, но в целом восприняла случившееся довольно спокойно.

Она спросила, встретит ли ее в городе капитан Смит? Ей сказали, что он умер в море. До самой встречи Покахонтас и Смита в Лондоне, она была убеждена, что «маленький капитан» мертв.

Грустную Покахонтас доставили в колонию. Заботу о ней приняли самые влиятельные люди в городе.

Юная дева (ей всего-то исполнилось 17 или около того) не сопротивлялась, приняла эту опеку. Ее явно тянуло в загадочный мир белых, и, оказавшись в нем, она стала быстро перенимать их образ жизни, привычки, одежду – все. Даже религию. Пастор Уайат крестил ее и Покахонтас, она же Матоака, стала Ребеккой.

Крещение Покахонтас

Лорд де Ла Варр, сложив с себя по болезни губернаторские полномочия, находился в Англии, в Джеймстауне временно распоряжался сэр Томас Дэйл, человек деятельный и жесткий. Сначала он направил Поухотану ультиматум, требуя вернуть пленных колонистов, в разное время захваченных его войнами, а также их оружие и вещи. Великий Вождь уже знал, что его дочь находится в руках врагов. Он отпустил пленных – 7 человек, но все еще колебался, не уверенный, что Покахонтас вообще жива.

Тогда Дэйл собрал отряд в 150 наемников и вооруженных колонистов и выступил в поход, взяв с собой юную заложницу. Англичане имели сведения, что оба главных вождя, Поухотан и его брат Опеханкано, находятся в родовом селении последнего, у индейцев памунки.

Индейцы поначалу на переговоры не пошли, завязалась схватка. Колонисты убили шестерых воинов и стали хозяевами селения в 40 хижин, которое сожгли.

Памунки отступили, англичане стали преследовать их и столкнулись с объединенным войском краснокожих: памунки и их союзников, числом в несколько сот человек.

Дэйл приказал показать им Покахонтас, которую он вел с собой все это время. Ей разрешили поговорить с соплеменниками. Среди воинов находились два ее брата. Подойдя к сестре, они стали уговаривать ее бросить белых и перейти на их сторону. К их изумлению она отказалась. "Принцесса" сделала свой выбор в пользу европейской цивилизации, частью которой уже стала.

Это была последняя стычка между колонистами и поухотанами. Мир воцарился в долине Джеймс-Ривер и пока жив был великий Поухотан, кровь не пролилась ни разу.

Джеймстаун стал набирать силу, обрстая кукурузными и табачными плантациями. Табак стал его «золотой жилой», спрос на него в Европе оказался необычайно высок, дурная привычка быстро находила тысячи поклонников, несмотря на то, что английский король Джеймс был ярым ее противником и даже пытался запретить курение.

Первым, кто стал разводить табак на продажу, был фермер Джон Рольф. Его дочь жена умерли и он фермерствовал в одиночку. Миловидная Покахонтас привлекла его внимание, оно оказалось взаимным, но чрезвычайно религиозный плантатор сильно колебался, прежде, чем решился на женитьбу.

Рольф спросил у губернатора Дэйла разрешения на брак, которое было изложено на многих страницах и выглядело скорее не как прошение, а покаяние – его терзали сомнения, правильно ли он, правосторонний христианин, поступает, намереваясь взять в жены дикарку с ее дремучим религиозным прошлым.

Со своей стороны Дэйл считал, что такой брак пойдет на благо колонии и укрепит хрупкий мир.

В апреле 1614 года свадьба состоялась. Покахонтас (теперь уже Ребекка) стала первой среди индейцев Новой Англии, вышедшей за муж за европейца и принявшей христианство.

Венчание Покахонтас и Джона Рольфа

«Лондонская компания», чьи дела шли по-прежнему неважно, решила использовать необычную пару, чтобы сделать себе паблицити, а попросту говоря - рекламу. Покахонтас в прессе представляли, как «принцессу», дочь могущественного индейского вождя. Рольф и его невеста получили приглашение от Кампании в Лондон, куда и прибыли в июне 1616-го. Заботы о молодой чете взяли на себя лично лорд де Ла Варр и его супруга.

«Принцессу» сопровождал главный шаман Поухотана - Томокомо. Вождь дал ему тайное поручение – подсчитать, сколько на свете живет белых. Для этого шаман вез связку бус, которые намеревался использовать как счеты. Огромный Лондон, с населением на тот момент в 200 000 человек, похожий на муравейник, настолько потряс Томокомо, что тот выбросил бусы и большую часть путешествия пребывал в мрачном молчании.

Полной противоположностью ему вела себя Покахонтас. Ее интересовало и радовало все: люди, наряды, сам город, несмотря на его чадающие трубы и смог. Она посетила знаменитый шекспировский театр «Глобус», и, наконец, даже королевский дворец. Лорд де Ла Варр и Томас Дэйл приложили немало усилий, чтобы их принял лично король Джеймс.

Но был еще один человек, усердно хлопотавший об этой почетной аудиенции – Джон Смит.

Судьба капитана после возвращения из Джеймстауна складывалась не слишком удачно. Америка как магнит манила его. Нашлись спонсоры, дерзившие ему деньги и корабли – в 1614 году Смит на двух небольших судах с командой из полсотни матросов исследовал берега к северу от Вирджинии в поисках места для новой колонии. Позже с его легкой руки эти места нарекут Новой Англией – название, которое станет символом всего колониального присутствия Великобритании на американском континенте.

В следующем году капитан еще раз водил корабли в Америку. Нанял его крупный землевладелец Джон Поул, попытавшийся основать новую английскую колонию (будущая колония Мэн), но миссия провалилась. Смит успешно доставил и высадил колонистов и вернулся в Англию за письмами, но во время второго путешествия его перехватил французский корсар дю Пойрон. Тот факт, что Англия и Франция находились в мире, французского капитана ничуть не смутил. Корабль он конфисковал, а Смита и его моряков с окasaki отправил назад, в Европу.

Пережив, вдобавок, ещё и кораблекрушение и другие неприятности, Смит в итоге оказался в Англии. И опять ни с чем – колония Джонс, не выдержав первой же зимовки, эвакуировалась вместе с ее лидером. С тех пор Смит оказался не востребуем.

К приезду Покахонтас капитан вновь находился на распутье, по впечатлениям о своих последних путешествиях он опубликовал несколько книг: «Истинное повествование о достопримечательных событиях в Виргинии» и «Описание Новой Англии», первые издания, поведавшие его соотечественникам о том, что представляет колониальная жизнь со всеми ее трудностями и опасностями.

Не была забыта в них и Покахонтас. Книги принесли автору авторитет и известность, чего ему так не хватало прежде.

Узнав из своих источников о том, что его спасительница находится в Англии, капитан написал письмо королю. В нем он подробно напомнил о заслугах юной колонией перед английской, спасшей не только его жизнь, но и многих других подданных английской короны.

Письмо Смита и хлопоты четы де Ла Варр не остались без ответа – юная Ребекка была с мужем представлена перед королем Джеймсом. Король был любезен с «принцессой», и это необычное раннее навеки вошло в анналы истории.

Рольф с женой и двухлетним сыном от их брака Томасом собирались отплыть обратно в Вирджинию – табачные дела плантатора шли в гору и он рвался к своему бизнесу. Смит воспользовался случаем и нанес чете визит. Последняя встреча Покахонтас состоялась в 1617 г. Она прошла совсем не так, как можно было ожидать. Только в Англии Покахонтас узнала, что Смит не умер, как ей говорили в Джеймстауне, а жив. Когда он появился в их доме, она настолько разволновалась, что Джон Рольф и Смит деликатно оставили ее на полчаса одну.

Потом они все же поговорили. Покахонтас вела себя сдержанно. Она уже достаточно долго прожила в мире белых, чтобы понять, что тот образ Смита, которого она считала за «великого белого вождя», не имеет ничего общего с реальным человеком. Он был лишь один из сотен тысяч англичан, которых она видела в огромном лондонском муравейнике. Смит в своих книгах очень скупно касался этого деликатного момента.

Встреча была недолгой, и, откланявшись, капитан ушел.

Семья Рольфа стала готовиться к отплытию. Корабль капитана Аргайла уже ждал их в порту, когда на борту Ребекка внезапно почувствовала себя очень плохо. Она уже давно испытывала недомогание, но муж считал, что это всего лишь простуда. Но Покахонтас становилось все хуже, она буквально угасала на глазах. Стало ясно, что болезнь (пневмония или туберкулез – точно не установлено) смертельна.

Умирающую перенесли на берег, в последние минуты ее жизни возле ее постели находились ее муж Джон Рольф, их малолетний сын Томас, шаман Томокомо, лорд де ла Варр с супругой, капитан Аргайл...

Видя их грустные лица, Покахонтас постаралась поддержать тех, кто пришел утешить ее на смертном одре:

«Все умирают, – сказала она спокойно. – Но наши дети останутся жить».

Это были ее последние слова. Ее похоронили 21 марта 1617 года, ей не было еще и 20 лет.

Портрет Покахонтас, сделанный королевским художником. И картина, посвященная последним минутам ее жизни...

По-прежнему сложилась судьба участников этой романтической и трагической истории. Капитан Смит больше так и не попал в Америку, он зарабатывал на жизнь публикациями новых книг и карт американского побережья, открыл контору, где консультировал колонистов, управляющихся в Новую Англию. Он умер в 1631 году в возрасте 51 года, так и оставшись бездетным холостяком.

Похититель Покахонтас, так круто изменивший ее жизнь, капитан Сэмюэл Вайтгост свою губернаторскую карьеру. Подобно Смицу он всю жизнь провел в плаваниях и авантюрах. В бытность свою губернатором Джеймстауна лорд де ла Варр сделал его "адмиралом" и послал разрушить первые французские поселения на северном побережье Америки (к этому рейду мы еще вернемся в нашей книге).

После отставки своего покровителя, лорда де ла Варра, с губернаторского поста Аргайл поступил на королевскую службу, неся ее столь усердно, что король Джеймс удостоил его звания рыцаря и адмирала.

В 1625 году он стоял во главе флота из 28 вымпелов, крейсировавшего у берегов враждебной Франции. Умер он как истинный моряк, на борту своего корабля 24 января 1626 г.

Сын овдовевшего плантатора Джона Рольфа, от его брака с Покахонтас, Томас, до совершеннолетия жил в Англии. В 20 лет он выразил желание отделиться от предков, встретился с престарелым Опеханкано в его селении, который его тепло принял. Затем Томас поселился в Джеймстауне, где и прожил остаток жизни.

Джон Рольф после смерти Покахонтас женился в третий раз, разбогател на табачной торговле, вошел в состав колониального совета. Его жизнь оборвалась в 1622 году. В тот год за один день Джеймстаун лишился четверти всего своего населения, погибли сотни человек. Эта дата черной страницей прописана в истории Новой Англии, 22 марта 1622 г. индейцы напали на беспечный город! Произошла резня.

ГЛАВА - 33

МЕСТЬ ОПЕХАНКАНО. ДЕНЬ, КОГДА УПАЛИ НЕБЕСА

Поухотаны готовятся к нападению на селение колонистов

Старый Вахунсенак не надолго пережил свою любимую дочь - Покахонтас. Он скончался в апреле 1618 года. Последний период его правления остался в памяти колонистов, как золотое время мирного сосуществования между Джеймстауном и индейцами. Англичане без опаски охотились, собирали урожай и заводили новые фермы далеко за пределами материнской колонии, не боясь получить стрелу в спину. Город также впервые обрел стабильный источник дохода и причиной тому стал спрос на табак, который все больше приживался в Европе. Табак сеяли всюду, даже у порога домов в самой колонии. Табачные плантации множилось по обоим берегам Джеймс-Ривер, там же вырастали усадьбы владельцев. Процветало и обычное земледелие, город впервые смог обходиться без закупок зерна у индейцев. Вокруг города все меньше оставалось ничейных земель, их занимали «сквоттеры», фермеры, которые самовольно селились там, где им приглянулся плодородный участок. Но для индейцев эта земля не была ничейной. Для них это были традиционные охотничьи или рыбные угодья и буферные зоны между их становищами.

Поухотан не предпринимал ровным счетом ничего, чтобы остановить эту экспансию. Он хорошо помнил, как безрезультатно завершили все его попытки ликвидировать колонию в зародыше. Он знал от своего шамана, Томокомо, побывавшего в Лондоне, что белых в мире – без счета и, начини он новую войну, на место убитых чужеземцев придут другие.

Старый вождь все больше отходил от дел, полюбил уединение, часто бродил по лесу, замыкаясь в своих мыслях, и очень переживал смерть своей «маленькой шалуньи» – Покахонтас.

Когда его дух покинул землю, власть над империей принял Опеханкано. Хотя у Поухотана был и старший брат, Опитчапам, но он был уже дряхл и сам отказался от власти со всеми тяготами, которая она несла. Новый верховный вождь поначалу продолжил политику своего предшественника – видимость мира и спокойствия сохранялась на берегах Джеймс-Ривер. На добровольные пожертвования из Англии была даже построена школа для индейских детей, где преподавали азлы грамотности, и, конечно – Библию, которая стала главным предметом. Особую активность проявлял прибывший с последней волной поселенцев проповедник Джон Торп. Он встал во главе школы и не раз встречался с самим Опеханкано, пытаясь объяснить ему преимущества «истинной веры».

Вождя, однако, его доводы не впечатлили. Чтобы добиться его расположения Торп построил ему, как некогда Смит для Поухотана, в его родовом селении европейский дом. Опеханкано благосклонно отнесся к подарку и долго баловался с замками, удивляясь, как они работают, но агрессивным евангелистским планам проповедника всячески препятствовал. Единственное, на что он согласился, это разрешил тем индейцам из его племени, кто захочет работать на фермах колонистов, жить среди англичан. Это вполне согласовывалось с тайным планом, который он вынашивал. После смерти брата Опеханкано жил, одержимый одной главной идеей – навсегда покончить с присутствием чужеземцев в его империи. В советниках у него по-прежнему ходил шаман Томокомо, который, вернувшись из своего путешествия в Лондон, активно агитировал соплеменников против англичан. Он утверждал, и не без основания, что белых так много, что они не остановятся, пока вся индейская земля вся не перейдет к ним.

Рассвет Джеймстауна - поселение сквоттеров за чертой города

Осенью 1621 года в Джеймстаун прибыл новый губернатор, Френсис Уайатт. Первое, что он сделал - послал Опеханкано уверения в своей дружбе.

«Скорее небеса упадут на землю, чем мир будет нарушен», – ответил вождь.

Численность населения колонии на тот момент составляла 1200 человек. Самой крупной считалась община Мартина Хэндрида, в 50 милях от Джеймстауна, насчитывающая более 70 фермеров, вместе с их женами и детьми.

Небеса рухнули на землю следующим летом, когда колонисты убили индейского вождя Нематтано за то, что тот в свою очередь убил и ограбил английского торговца. Именно после гибели своего «вероанка» Опеханкано перешел к практическому осуществлению давнего замысла – нанести сокрушительный удар по колонии.

Весной 1622 года Верховный Вождь отправил в племена, все еще хранившие ему лояльность, гонцов, чтобы те прислали лучших воинов. Чтобы такая активность не вызвала подозрений в Джеймстауне, он объявил, что произойдет ритуальное перезахоронение останков его великого брата – Вахунсенака (Поухотана), для чего он и собирает столько своих подданных.

Был март месяц, колонисты высыпали на поля – сеять табак и кукурузу. Никто из них не брал в поле оружие и не готовил дом к обороне. Заповедь Джона Смита – «индейцам никогда нельзя доверять» – давно была забыта. Ведь уже столько лет колонисты жили в мире и согласии со своими дикими соседями.

А в это время Опеханкано в своей резиденции инструктировал своих «вероанков», как именно они должны действовать.

Ранним утром 22 марта его воины небольшими группами стали выходить из леса, направляясь к разбросанному вокруг города фермам. Они не взяли с собой ни луков, ни, даже, томагавков и не покрыли себя боевой раскраской, как это было принято, когда индейцы выходили на войну. Некоторые несли лишь ножи, спрятав их под одеждой, да и то они были не у всех. Многие держали в руках корзины, как будто собирались заняться торговлей.

Индейцев, работавших по найму на плантациях, заранее предупредили, что, как только наступит момент, они должны напасть на своих хозяев с тем оружием, которое окажется под рукой.

Только один из поухотанов нашел в себе силы пойти против своего вождя и не участвовать в готовящейся бойне – некто Чанко, работавший на колониста Ричарда Пэйса, который дружески относился к индейцам, а к нему – особенно. Чанко предупредил его о готовящемся нападении. Перепуганный плантатор собрал семью, перебрался на лодке через Джеймс-Ривер и направился к губернатору.

Сэр Фрэнсис Уайатт спешно объявил тревогу, но было поздно. Предупредить колонистов на дальних плантациях можно было только одним способом – разослать по реке лодки с вооруженными людьми, но когда они на веслах достигли своих целей, застали лишь смерть и опустошение.

В числе первых погиб проповедник Джордж Торп. Один из его слуг накануне вечером заподозрил неладное и пытался уговорить хозяина уехать в город. Но тот был столь уверен в своей дружбе с Опеханкано, что не внял предупреждению. Слуга бежал, а простодушный евангелист остался. Его участь была страшнее, чем других жертв. Своими проповедями об адских мучках, которые ждут индейцев, поклоняющихся их языческим богам, он восстановил против себя многих поухотанов. Ему разрезали голову, затем изрубили тело на куски. Его евангелистский колледж также был уничтожен, 17 человек, находившихся там в момент нападения, погибли.

Индейцы вырезали также общину Мартина Хэндрида, умертвив всех 70 ее обитателей обоего пола.

«Джеймстаунская резня» - истребление поухотанами колонистов Джеймстауна 22 марта 1622 года

Везде убийства совершались по схожему сценарию. Несколько индейцев подходили к ферме и, улыбаясь, заводили с хозяевами дружеский разговор. Он длился не долго: убийцы хватали первый попавшийся инструмент: лопату, косу, грабли – и смертельный град ударов обрушивался на колонистов. Не щадили никого: в домах и на полях, впопалку лежали тела мужчин, женщин, детей, девушек и грудных младенцев.

В резне 22 марта 1622 года погибли 347 англичан.

Узнав, что в Джеймстауне поднялась тревога и там готовятся к обороне, Опеханкано отказался от атаки на город и отозвал своих воинов. Он был вполне удовлетворен достигнутым успехом. Торжествующие индейцы, не понесшие никаких потерь, к вечеру расселись в окрестных лесах.

Губернатор Уайатт не многое мог предпринять в ответ на это варварское нападение. Не хватало способных колонистов, не хватало оружия. Ему одновременно требовалось охранять город и защищать несколько крупных плантаций, без которых Джеймстаун остался бы без урожая и продовольствия на предстоящую зиму. Только в июне губернатор решил послать два небольших отряда к реке Раппаханок.

Не встретив сопротивления, англичане сожгли кукурузные поля и джигины индейцев и вернулись в город. В Англии, где нападение вызвало всеобщее возмущение, и в Лондонской кампании ожидали от Томаса Уайатта более решительных действий, требуя «вырвать с корнем эту нечисть с лица земли». Губернатор, в свою очередь, писал в ответ, что «врага не так просто уничтожить, открытой боя он принимает и лучше знает свои леса».

Все услуги предложил Джон Смит. Он просил 100 солдат, обещая, что с этими силами вполне справиться с воистинными индейцев. Но неприятн к своевольному маленькому капитану у руководства компании была так велика, что ему отказали и он потерял свой последний шанс вернуться в Америку.

Солдат в Джеймстаун так и не послали. Однако король Джеймс выделил из армейских arsenалов 1000 мушкетов, столько же алебард, 300 пистолетов, 50 стальных кирас, а также 42 бочки пороха.

Оружие прибыло на кораблях вместе с новыми колонистами, которые, несмотря на все случившееся, стремились в первую английскую колонию. Уже через год после нападения Джеймстаун только за счет иммигрантов восстановил численность своего населения.

Война, развязанная поухотанами, превратилась в обмен взаимными набегами на поля и пашни, без прямого вооруженного противостояния. Уже зимой 1623 года обе стороны в результате такой тактики оказались на грани голода, но индейцы, вынужденные еще и покинуть свои дома, страдали больше.

Опеханкано предложил переговоры. В качестве аванса со своей стороны он пообещал освободить несколько колонистов, которых ему удалось захватить во время набегов и тебещ их держали заложниками. Губернатор Уайатт ответил согласием.

Место встречи определили на реке Памунки, где сосредоточились главные силы вождя и находилась его «столица».

Из Джеймстауна отряды лейтенанта Таккера с 12 солдатами. Он прибыл на лодке и в качестве условия для будущих переговоров потребовал освобождение заложников. Опеханкано, явившись с большим отрядом воинов, сдержал слово – пленников передали англичанам. В ответ Такер выгрузил личный подарок от губернатора Уатта – бочку белого вина. Первые две кружки он налил себе и вождю и после того, как они осушили их на глазах индейцев, бочку отдали поухотанам.

Но лейтенант пил вино, наливая его себе из фляги, спрятанной в рукаве камзола. Такую же потайную флягу имел каждый из англичан. В бочке же содержался сильный яд, который признал по все средства губернатор доктор из Джеймстауна Джон Потт. Совесть его не терзала. После резни 22 марта вся среда для уничтожения коварного врага были признаны оправданными и богоугодными. А учитывая, как неуловимы индейцы и их вождь, вряд ли можно было надеяться, что другой случай нанесит им такой удар скоро представится.

Не прошло и часа, как около 200 воинов корчились в смертельной агонии, а тех, кто еще мог двигаться, англичане безжалостно расстреливали из мушкетов.

Опеханкано получил свою порцию яда и был ранен выстрелом из мушкета, но, обладая воистину железным здоровьем, выжил и с горсткой уцелевших бежал. Военные действия и взаимная ненависть вспыхнули вновь.

Перелом произошел после того, как осенью 1624 года состоялось единственное крупное военное столкновение этой войны. Англичане совершили большой рейд во владения памунки и принялись жечь, вырубать кукурузные поля. Их отряд насчитывал 60 вооруженных колонистов, каждый имел мушкет, шпагу для ближнего боя, стальной шлем и кирасу.

Отряд разделился: меньшая часть уничтожала посевы, остальные, построившись полукругом, их прикрывали. Памунки, числом около 800, решили атаковать – не только, чтобы спасти свой урожай, но и доказать свою высокую воинскую репутацию. Сражались они традиционным способом, засыпая англичан стрелами, но избегаля рукопашного боя.

Перестрелка шла весь день и показала полное превосходство мушкета над архаичным оружием поухотанов.

К вечеру индейцы потеряли только убитыми около двух десятков человек, тела которых остались на поле боя, в то время, как европейцы – ни одного. Моральный дух племени был полностью сломен, однако противостояние продолжалось еще долго.

Мирный договор был заключен лишь в августе 1628 года, при том, ни одна из сторон не одержала решительной победы. Англичан, несмотря на их полное превосходство, война истощала. Табачная торговля почти прекратилась, в колонии свирепствовал голод, фермеры боялись выходить на поля. И мир, хотя и очень не надежный, был скреплен договором. Ключевые его условия со стороны англичан стал запрет индейцам даже приближаться к плантациям колонистов, а торговлю могли вести только те из них, кто имел разрешение колониального совета.

В 1633 году новый губернатор Соабаль в Лондона, что отношения между белыми и индейцами «прекрасные». Опеханкано ничем не давал о себе знать, не известно даже было, жив ли он вообще.

Старый вождь был жив. Индейская конфедерация, которую создал его брат, распалась, ослабленная внутренними раздорами и эпидемиями. Джеймстаун, напротив, бурно разрастался, от него отпочковались городки Ненсимонд, Чарлз-Сити, Глочестер, Ричмонд и другие, число плантаций многократно умножилось. Поухотанов теснили повсеместно, их древние владения, особенно – плодородные участки на берегах рек, сужались, как шагреневая кожа. Пророчество вождя Вахунсенена сбылось. Через 10 лет после «Джеймстаунской резни», в долине Джеймс-ривер и на ее притоках проживало свыше 5 200 англичан.

Но Опеханкано все еще вынашивал планы отбросить пришельцев с его исконной земли. Он выжидал долго, год за годом.

В 1644-м на короткий срок ему удалось тайно сплотить ослабевшее и озлобленное племена. Все, кроме ненсимондов, дали ему своих воинов. Как и 22 года назад временем для нападения выбрали раннюю весну, время сева, когда колонисты трудились на полях. Нападение произошло 18 апреля. Никто в этот раз не предупредил поселенцев, поэтому потери превысили число жертв прошлой побоища – погибло до 500 человек. И как прежде нападавшие, не понеся потерь, сумели уйти в леса тайными тропами.

Но это был последний всплеск стихийного сопротивления поухотанов неумолимому насту английской колонизации. Ответный удар окрепшей колонии не замедлил последовать. Каратели не знали жалости и не вели переговоры. Они так методично проводили тактику выжженной земли, что у индейцев быстро не осталось ни одного кукурузного поля, ни одного целого жилища. Они скитались по лесам, разбредаясь на мелкие группы, чтобы не умереть с голоду.

В июле 1645 чихаюмины потеряли свой последний поселок, Орианиок, остатки их бежали далеко на север. Чтобы не дать им шанса вернуться и вновь отстроится, как не раз происходило в прошлом, англичане поставили в тех местах форты.

Другой форт построили на реке Аппоматокс, что лишило обитавшее там одноименное племя доступа к его лучшим рыбным угодьям.

Все кончилось в один день, когда отряд солдат, которым командовал молодой губернатор, сэр Уильям Бэркли, преследуя группу воинов памунки, нагнал ее, частью перебив, частью взяв в плен. Среди пленников Бэркли обнаружил самого Опеханкано.

Англичан изумил облик вождя. Ему было на вид уже 100 лет или около того. Он был так стар, что не мог идти и его под руки несли его воины. Кожа его свисала с костей, как пергамент, а веки на глазах срослись, не в состоянии разомкнуться. Но этот дряхлый старик все еще сохранял ясный ум и по-прежнему был состоянием как верховный правитель у своих немногочисленных подданных.

Бэркли доставил своего почетного пленника в Джеймстаун, где Опеханкано посадили под замок. Но суда над вождем, если таковой и планировался, не успели организовать. Еще раньше его застрелил один из стражников, в отместку за побоище 18 апреля 1644 года, в котором погиб кто-то из его близких.

Смерть Опеханкано положила конец существованию некогда могущественной конфедерации поухотанов. Их противостояние с Джеймстауном, растянувшееся на 30 с лишним лет, было первой долгой войной между колонистами и коренными американцами. Она показала, что индейцы и европейцы не могут сосуществовать вместе. 50 лет после описываемых событий в пределах Джеймс-Ривер осталось не более 600 индейцев, да и те владели убогим существованием в резервациях. Индейская цивилизация была обречена.

ГЛАВА - 33

ОСНОВАНИЕ ПЛИМУТА И БОСТОНА

«Мэйфлауэр» и его пассажиры перед отплытием в порту Плимута

Джеймстаун не долго оставался единственной английской колонией на американском побережье. В 1620 в Плимуте поднял паруса еще один морской извозчик, 180-тонный «Мэйфлауэр». Он вез группу английских пуритан - пилигримов, религиозных протестантов. Джон Смит, искавший любую возможность возобновить свою карьеру в Новом Свете, предложил колонистам свою помощь, опыт и лидерство. Но замкнутая в себе община пилигримов отвергла его кандидатуру, хотя и воспользовалась составленными Смитом картами побережья и внимательно изучила его книги. У них был собственный религиозный и общественный лидер, Уильям Брэдфорд. Он и возглавил экспедицию.

Все же путешественники понимали, на какой риск они идут, отправляясь на континент, населенный дикими племенами, поэтому специально наняли профессионального военного, ветерана европейских войн Майлза Стэндиша, поручив ему заботу о безопасности колонии.

Секретарем экспедиции и ее хронографом был Натаниэль Мортон. Его перу принадлежит монография: «Хроника новой Англии» (New England's Memorial). В ней описана и первая стычка пуритан с индейцами. Терзаемый жестокими штормами «Мэйфлауэр» в ноябре достиг американского побережья у мыса Код, который открыл ране один из основателей Джеймстауна Бартоломью Гонсолд. Он имеет форму большого крюка, образуя просторный, защищенный от бурь залив. Пилигримы несколько раз высаживались на берег в поисках подходящего места для своей колонии. Они не раз видели индейцев, ловивших рыбу, нанизывая ее на тонкие колья, но в контакт с ними не входили.

Во время одной из высадок англичане разделились. Часть из них караулила лодку и устроила временный лагерь, соорудив баррикаду из бурелома. Другая пошла вглубь берега.

«На закате внезапно послышались страшные крики. – пишет Натаниэль Мортон. – Двое ушедших бежали назад к баррикаде и стрелы так и вились вокруг них. Те, которые охраняли лагерь, ждали их с заряженными мушкетами, но не стреляли, потому что не могли толком прицелиться. Крик индейцев звучал устрашающе. Один из их воинов подошел на расстояние в половину мушкетного выстрела и выпустил одну за другой три стрелы, но все они прошли мимо.

В свою очередь в него трижды стреляли из мушкета, но он нисколько не испугался. Только когда пуля ударила в дерево возле его головы, осыпав его щепками и кусками коры, только тогда он укрывлся в зарослях».

Выстрелы отпугнули индейцев и они ушли. На месте нападения англичане подобрали 11 стрел. У одних были наконечники из грубой бронзы, у других – из оленей кости и орлиных когтей, древки некоторых из них украшала резьба и узоры.

Пилигримы в конце-концов нашли подходящий участок земли, на холме, на месте брошенного индейского поселка. На картах Смита оно было обозначено, как «Плимут». Колонистам понравилось название, напоминавшее им об Англии, и в Северной Америке появилась одноименная колония.

На берег сошли 102 человека. Зиму пережили только 44. Но они не были изнеженными «джентльменами», как большинство первых поселенцев Джеймстауна, их суровая религия, взывавшая к аскетизму и трудолюбию, помогла преодолеть последствия голода, лихорадки, смертей и трудности сурового климата. Зимой индейцы не раз появлялись возле колонии, но держались в отдалении, близко не подходили.

Регион контролировали несколько племен, управлявшихся сашемами – вождями. Самыми сильными и многочисленными считались ваппанаги, пекоты и нарагансетты. Историки оценивают их первоначальную численность до 40 000 человек. Чума, завезенная кораблями европейцев, произвела чудовищное опустошение среди краснокожих. Пекотов осталось чуть более 3000, нарагансеттов немногим больше, еще меньше – ваппанаогов.

Весной, в марте, в Плимут пришел неожиданный гость, предводитель племени ваппанаогов, которого англичане называли Массасой, что среди индейцев означало просто титул – «верховный вождь». Его истинное имя было - Осапекин. Он заключил с англичанами договор о мире, которого обле стороны строго придерживались сорок лет, вплоть до 1661 года, когда дух великого сашема покинул землю.

Прочность договора во многом объяснялась слабостью обеих заключивших его сторон. Массасой, чьи подданные вымирали от чумы и прочих, завезенных европейцами болезней, испытывал постоянное давление со стороны более могущественных соседей, ему нужны были союзники. Ну а Плимут только пускал корни в американскую почву и любой конфликт с коренными обитателями побережья был для него нежелателен.

Следующий год щедро одарил трудолюбивых пуритан – урожай превзошел все ожидания. Его празднование послужило многовековой американской традиции – Дню благодарения. В пирушестве принимал участие и Массасой со своими ближайшими родичами и младшими вождями. Индейцы явились в парадном убранстве, с разукрашенными лицами и в пышных уборах из орлиных перьев.

День благодарения. Художник - Жан Жером Феррис

Но далеко не все из вождей разделяли подобное миролюбие. Пуританам все время приходилось держаться настороже. В ноябре 1621 года нарагансетты прислали в Плимут формальное объявление войны: несколько стрел, вонзенных в змеиную кожу. Губернатор Брэдфорд ответил на вызов. Вместо стрел змеиную кожу набили пулями и отослали обратно.

Индейцы так и не напали, но пилигримы, страшась такой явной угрозы, впервые обнесли свой поселок деревянным забором. Длина его составляла 1000 метров, высота – 3 метра. Внутри вели трое ворот, запиравшихся на ночь. Их постоянно охраняли часовые.

Зимой 1621 года от Плимута отпочковалось первое поселение – Томас Вестон с несколькими колонистами занял плодородный участок земли в местечке, которое индейцы называли Вессагуску. Такая самостоятельность не понравилась индейцам, их вожди Вуттавет и Пексут решили весной устроить нападение на людей Вестона, а затем и на Плимут. За помощью они послали в другие племена, вернее даже не племена, а в ближайшие селения, семь из них согласились примкнуть к восстанию.

О заговоре узнал Массасой и верный своему договору с пилигримами передал им предупреждение через дружественного англичанина индейца – Хабомака.

Губернатор Брэдфорд немедленно направил в Вессагуску своего наемника, капитан Майлза Стэндиша с восьмью вооруженными колонистами. Отряд явно предназначался не для войны, это было своего рода вооруженное посольство, для прощупывания почвы - что там готовят "эти дикари"? Хабомак сопровождал их в качестве проводника и переводчика.

Отряд Майлза Стэндиша на марше во главе с проводником - Хабомаком

Узнав о появлении в его владениях вооруженных англичан, Вуттавет и Пексут со своей стороны тоже решили встретиться с капитаном. Поначалу никто не планировал сражаться. Встреча состоялась в одном из маленьких индейских поселков и быстро переросла в ссору, вожди в гнев требовали, чтобы Стэндиш немедленно ушел и чтобы англичане более не смели расселяться по землям их племени.

Переговоры они вели надменно, хвастаясь своей силой и численным превосходством. Их воины, вооруженные луками и дубинами, стояли снаружи поблизости.

Тогда Майлз Стэндиш предпринял шаг, своим чуждым с безрассудством, не увенчавшийся он успехом. Пока шли переговоры, капитан тайно дал знать своим людям убить обоих вождей. Завязалась короткая схватка, в ходе которой англичане не воспользовались мушкетами или пистолетами, только шпагами и кинжалами.

Стэндиш лично заколол Пексута, в то время, как его люди стреляли Вуттаветом, а тело обезглавили. С голозой мертвого вождя, нанизанной на шпагу, капитан вышел наружу. Стоявшие там воины, даже не подозревавшие, какая драма разыгралась внутри, пришли в смещение, а когда англичане начали стрелять - бежали.

Голову Вуттаветаметта впоследствии насадили на крюк у плимутских ворот. Это была самая короткая из индейских войн, которые когда-либо происходили в Северной Америке.

В 1622 году, когда еще о резне в Джеймстауне, которую возглавил вождь Опаханкано, достиг колонии пилигримов, они еще более усовершенствовали свои укрепления. В центре поселения, стоявшего на холме, они построили еще один внутренний форт – квадратный блокгауз, сложенный из дубовых бревен, возвышавшейся над всем городком. На его верхней площадке в стояло 6 пушек. Там же находился постоянный наблюдательный пост, следивший за передвижениями вне колонии.

Сходящиеся от ворот прямые аккуратные улицы пересекались в центре, где стоял крепкий дом губернатора Брэдфорда. Его, в свою очередь, окружал частокоч с бойницами для стрельбы из четырех малокалиберных переносных пушек.

К середине 30-х годов население Плимута перевалило за тысячу. Именно с рождением Плимута европейские спонсоры, но поскольку явных и быстрых прибылей она не дала, они от нее отказались и пилигримы получили полную независимость, над ними отныне номинально властвовал лишь король.

Англичан гнали за неказенное множество причин. Одной из них были религиозные разногласия на родине и демографический взрыв. Другой – нехватка земли. В Англии широко начало развиваться овцеводство в ущерб традиционному земледелию и многие фермеры разорялись. А в Америке земли было в достатке. Поселенцы сотнями умирали от дизентерии и тепловых ударов в душных трюмах кораблей, пересекающих Атлантику, но их место тотчас занимали новые.

В 1629 году король Джеймс (Карл I) подписал патент, разрешающий, основать одну колонию. Финансировала предприятие «Кампания Массачусетского залива», за которой стояли титулованные и состоятельные лица, оппозиционно настроенные к королевской власти. Опорой новой колонии также стали пуритане – недалеко от родственного им по вере Плимута они основали Салем.

Сначала сюда из Англии переселились лишь 300 человек, но уже в 1630 году управляющий компанией Джон Уинтроп, он же и губернатор, сам прибыл вслед за первопроходцами, ведя за собой сразу 1000 своих религиозных последователей. Они заложили фундамент новой крепкой, быстро развивающейся колонии Массачусетского залива. Первое время «столицей» ее являлся Ньютаун (впоследствии – Кембридж), но позднее роль политического и экономического центра взял на себя Бостон, основанный все тем же предприимчивым Уинтропом.

Таким образом, Англия в начале 17-го века уже располагала тремя колониями в Северной Америке: Вирджинией (Джеймстаун), Колонией Массачусетского залива (Бостон) и Плимутом.

На северо-западе английские торговцы, следуя вдоль побережья Атлантического океана, дошли до реки Кеннебек и на этом остановились, встретив там первые французские торговые посты.

Территория между Кеннебеком и Бостоном называлась Мэн. В 1607 году первую попытку колонизировать ее предпринял француз Жак Картье, но неудачно, через год его поселение было уничтожено, а в Мэне пока сохранились лишь торговые посты. Удаленные и плохо защищенные, они привлекали французских пиратов и в любой момент могли быть атакованы индейцами.

Хотя колонии считались подданными короны, но в своей борьбе за выживание опирались на собственные силы и средства. Ни одного солдата, ни одной пушки на охрану своих новых заокеанских владений официальный Лондон не посылал, а колонии того не требовали. Они не могли за свой счет оплачивать пребывание на чужой территории королевских войск и в решении военных конфликтов полагались лишь на собственное ополчение. На раннем этапе колонизации оно никак не было организовано и собиралось только в случае крайней необходимости. Вооружение колониста составлял фитильный мушкет и шпага или морской тесак. Надежным средством защиты от индейских стрел оставалась кираса.

Потенциальными противниками англичан в Америке были, конечно же, в первую очередь, индейцы, во вторую – голландцы и французы. Соседство с голландцами особенно раздражало, они поселились на острове Манхэттен, в непосредственной близости от Бостона.

Но с голландцами англичане пока уживались, а с французами, обосновавшимися далеко на севере, на реке Святого Лаврентия, они воевали.

В 1613 году капитан Аргайл из Джеймстауна совершил рейд в Новую Францию.

В 1628 году еще более опустошительный набег произвел адмирал Кирк (к этим рейдам мы еще вернемся). Французы пугали той же монетой. В 1632 году французы пираты захватили и разграбили торговую факторию плутин у Кеннебека и торговых пост Томаса Аллертонна. Два англичанина при этом убиты, трое взяты в плен.

В следующем году другой французский пират, капитан д'Ану, напал на английский торговый пост в Мэне, разорил его и сделал своей временной базой.

В Плимуте забеспокоились. Колониальный совет (магистрат), решил покочнить с дерзким д'Ану. Весь ход дальнейшей военной операции наглядно свидетельствует, что все ночные бои в то время военных возможностей колоний. Пуритане снарядили отряд в 20 солдат (вооруженных горожан) под командованием уже известного нам Майлза Стэндиша. Запросили о помощи Бостон, но тамошние пуритане на просьбу своих единовещерцев ответили отказом.

Тогда пуритане решили нанять капитана Гирлингза, чей 300-тонный корабль, вооруженный несколькими пушками, стоял на рейде. Гирлингз заломил непомерную цену: 700 бобровых шкур, больше, чем пуритане скупали у индейцев за целый год. Но магистрат согласился.

Майлз Стэндиш посадил своих 20 ополченцев на баркас, груженный шкурами, и поплыл указывать путь. Гирлингс решительно двинулся следом.

Когда корабли достигли места, где засели французы, Стэндиш предложил вступить с ними в переговоры. По его мнению, видя абсолютное превосходство англичан, д'Ану сам поднимет белый флаг.

Однако нервы у Гирлингза не выдержали и, «не желая ничего слушать», - как докладывал впоследствии Стэндиш, - он вдруг открыл стрельбу из всех орудий, как сумасшедший!.

Французы успели огрести свое пиратское гнездо земляным валом и теперь затаились за ним – ядра, выпущенные издалека, им не причиняли вреда, а ближе подойти английский капитан не рисковал.

К вечеру Гирлингз израсходовал весь порох. Стэндиш отдал ему запас и Гирлингз сдал еще несколько выстрелов. Когда и этот порох вышел, капитан заявил, что «дело не удалось», поднял паруса и ушел. Требовать оговоренную оплату наглости у него не хватило.

Оставшись один, Стэндиш поспешил обратно в Плимут, а д'Ану, едва враги удалились, сам дал деру, только его и видели.

В Англии у пуритан оставались сильные религиозные противники, под их влиянием Карл I, опасавшийся чрезвычайной независимости колоний, вынашивал идею отправить в Америку военный экспедиции для утверждения там своей власти. Вспыхнувшая в Англии гражданская война похоронила этот план.

Однако, осознавая свою уязвимость, пуритане в 1634 г. сформировали военный совет из 9 наиболее влиятельных колонистов. По его решению всех мужчин, способных носить оружие свели в три полка, во главе каждого стоял полковник, назначенный из военного совета. Были определены пункты сбора на случай гипотетического вторжения.

Эти три полка так и остались чисто бумажными формированиями и ни разу не сошлись. И все же английскому колониальному ополчению скоро предстояло пройти первое боевое крещение.

ГЛАВА - 35
УБИЙСТВА НА КОННЕКТИКУТ-РИВЕР. ПОЯВЛЕНИЕ УНКАСА

Торговля пуритан с пекотами

Бедная, по большей частью песчаная, почва вокруг Плимута давала сравнительно невысокий урожай, да и население города быстро росло. Не удивительно, что взгляды англичан обратились к плодородным берегам Коннектикут-Ривер. Один за другим вдоль нее вырастали поселения: Хартфорд, Виндзор, Везерфилдс и Спрингфилд, пока еще небольшие (в них во всех проживало около 250 человек), но находившиеся в самом центре исконно индейской среды обитания.

По мере того, как европейцы продвигались все дальше от побережья, их отношения с коренными жителями долины ожидаемо ухудшались.

Индейцы пока терпели поселенцев главным образом по одной причине – торговля с ними давала товары и предметы обихода, без которых они уже не могли обходиться: железные ножи и топоры, медную посуду и ткани. Им запрещалось продавать только мушкеты. Главным оружием индейцев по-прежнему оставался лук.

Большое и сильное племя пекотов, контролировавших плодородную долину между одноименной рекой - Пекот, и рекой Коннектикут, получало наибольшую выгоду от этих сделок. Покупая товары у белых, пекоты с выгодой ценились одинаково высоко.

В этой торговле обе стороны широко использовали особую «валюту», вампум - шлифованный бисер, добываемый из раковин речных моллюсков, белый, и, особенно дорогой и редкий, - пурпурный. Вампум у всех племен ценился одинаково высоко.

«Котировка», если пользоваться современным банковским термином, составляла десять английских шиллингов за фатом (одну мерку) вампума. Две полные ладони вампума в 240-260 «жемчужин» составляли один «фатом», то есть - одну мерку. Такую арифметику легко понимали индейцы. Пурпурный вампум ценился в четыре раза дороже белого.

Первое время монополию на торговлю с пекотами держали не англичане, а появившиеся здесь ранее голландцы. Их форт «Добрая надежда» на реке Коннектикут стал торговой факторией, центром, куда приходили индейские торговые караваны.

По мере проникновения англичан в долину, они решили торговать с пекотами напрямую и в самом устье Коннектикут-Ривер поставили свой форт, Сэйбрук (см. карту 5). Строить и охранять его отправился пуританин шотландского происхождения - лейтенант Гарднер. У него едва набралось около трех десятков солдат. Разумеется, в прямом смысле слова солдатами они не были, в гарнизон Сэйбрука записывались наиболее бедные из колонистов, которым назначили за службу небольшую плату из казны Плимута - ею распорядился колониальный совет - магистрат, он же собирал налоги и решал текущие проблемы колонии.

Подобно другим фортам раннего периода колонизации Сэйбрук являлся лишь небольшим укрепленным торговым постом. Его окружал частокол, внутри стоял деревянный барак. Вооружение составляли две легкие вертлюжные (крепящиеся на оси), пушки.

При всей слабости такого форта, он имел и преимущество. В прошлом - опытный наемник, Гарднер выбрал для него место, поставив частокол вокруг родника, чтобы форт всегда имел свой источник воды.

Вне укреплений практичный комендант устроил кукурузные поля, а в самом форте разбил еще и огород. Его не смущало, что во дворе кудахчут куры и хрюкают свиньи, гарнизон вынужден был кормить себя сам. Вооруженный конфликт с индейцами назревал и вскоре разразился. Поводом к нему стали, однако, не территориальные разногласия. И начали его даже не англичане. Когда одно из мелких племен, завистливо наблюдавшее, как поток товаров идет через голландскую факторию «Добрая надежда», само попыталось отправить туда небольшой торговый караван, недовольные пекоты устроили ему засаду, убив нескольких воинов и разграбив товар.

Ничтожное на первый взгляд происшествие имело далеко идущие последствия. Голландцы решили показать, кто истинный хозяин на реке. К пекотам направился корабль, якобы – для закупки мехов, на самом деле – с целью покарать индейцев за нападение. Племенем правил старый вождь Татобем. Ничего не подозревая, сашем взшел на палубу, чтобы приветствовать «добрых друзей-голландцев».

И тотчас оказался пленником. В обмен за его жизнь купцы потребовали богатый выкуп – бушель (25 кг.) вампума, а также выдвинули ультиматум – не препятствовать другим племенам побережья слать свои караваны в форт «Добрая надежда».

Индейцы быстро собрали выкуп и согласились с тем, что «Добрая надежда» отныне – зона свободной торговли для всех племен.

На этих условиях голландцы вернули пекотам их вождя – но мертвого. И даже не тело, только голову. После чего убийцы подняли паруса и ушли восвояси, посчитав, что такой урок дикари не забудут.

Варварское по сути и подлое по исполнению убийство Татобема на первых порах не повлекло, как можно было ожидать, за собой серьезных последствий. Индейцы не поднялись, как один, и не пошли войной на обидчиков. Вместо этого ближайшие сподвижники покойного сашема затеяли яростную борьбу за титул верховного вождя.

На его место обозначились сразу несколько претендентов. Первый в ряду соискателей состоял сын убитого, Сассакус. Кроме него свои кандидатуры выставили пользовавшиеся популярностью среди соплеменников, Викаш, близкий по родству к покойному Татобему, и авторитетный воин Сосо, отличившийся ранее в военных набегах.

Наконец имелся еще один, самый одиозный претендент, на котором стоит остановиться подробнее. Звали его – Ункас.

Это его имя взял Фенимор Купер для героя своего знаменитого романа «Последний из Могикан». Но куперовский Ункас, в котором писатель собрал все лучшие, как он их понимал, черты североамериканского индейца: храбрость, силу, верность, благородство - с живым оригиналом роднит лишь одно только имя.

Все остальное – фантазия писателя, к тому же действие «Последнего из Могикан» происходит более, чем сто лет спустя после описываемых нами событий.

Хотя Ункас в англо-американской историографии пишется, как «Uncas», на языке родного племени оно звучало, как «Wonkus», что означало - «лисица», или, в его случае - «Лис».

Как самый молодой из кандидатов, Ункас имел меньше всего шансов унаследовать власть верховного сашема, но имел больше амбиций, чем все остальные соискатели вместе взятые. В борьбе за «престолонаследие» он опирался на свое знатное по племенным меркам происхождение: его дед был одним из вождей пекотов, а бабка – дочерью вождя наррагансеттов, соседнего и тоже многочисленного племени. Татобему же он приходился зятем.

Со своим свекром заносчивый и сварливый Ункас не ладил. Настолько, что разгневанный Татобем изгнал его из племени, не посмотрев на родство.

Ункас ушел к наррагансеттам, но и там не засиделся. Поразмыслив, он изобразил раскаяние и вернулся к родными очагам. Татобем великодушно принял «блудного сына», а вскоре нелепо погиб от рук голландцев.

Ункас немедленно включился в предвыборную борьбу. Претензии его на эту роль никто всерьез не воспринимал. Совет вождей подавляющим большинством избрал верховным сашемом сына Татобема – Сассакуса. Другие соискатели признали выбор, но не Ункас, сразу начавший будоражить соплеменников против нового лидера.

Новоизбранный верховный вождь, разумеется, не мог терпеть такого отношения к своей персоне, так что он, как и в свое время его отец, решительно изгнал строптивца из племени.

История повторилась. Через какое-то время смутьян пришел обратно, прося о прощении. Сассакус крови не жаждал, простил. Ункас, однако, вновь принялся плести свои интриги, стал собирать коалицию против вождя, намереваясь сместить его и занять его место.

Дело кончилось новым изгнанием, а потом еще одним – всего же Ункас возвращался, был прощен и снова изгонялся – пять раз!

Пятое изгнание оказалось и последним. Повозгласив себя «истинным вождем» и призвав пекотов следовать за ним, Ункас ушел вверх по течению реки Пекот, на самую границу отвергнувшего его племени, где основал собственное поселение - Шанток.

Влияние его, однако, оказалось не так велико, как он рассчитывал, с ним ушли не более 50 его сторонников, в основном - бессемейных. Но неожиданно даже для него самого Шанток начал разрастаться, сюда устремились отщепенцы из других племен, изгнанные за какие-то прегрешения, или бежавшие от кровной мести, или покинувшие родные селения по иным причинам. Ункас охотно принимал всех, не важно, какой они крови и какое у них прошлое.

Худо-бедно, а вскоре Шанток мог вместить уже около 100 воинов.

Поначалу среди пекотов их стали называть «могикане», что на индейском наречии означало «люди, живущие у реки». Так же звалось и большое, древнее племя, обитавшее у реки Гудзон, но к «могиканам» Ункаса оно не имело никакого отношения. Сам же Ункас продолжал утверждать, что он - истинный и единственный законный вождь пекотов.

Сассакус, разумеется, понимал, что молодой Лис фактически бросил ему вызов, причем кроме, как войной этот спор о верховенстве над племенем ему было не разрешить. Сил у верховного вождя было вполне достаточно, чтобы прихлопнуть Шанток, как муху, но сначала ему следовало утвердить себя в глазах собственного народа, а для этого - отомстить за смерть Татобема.

Титул верховного сашема лег тяжелым бременем на голову наследника, он не хотел объявлять полномасштабной войны англичанам, что лишило бы пекотов всех выгод от торговли с ними. Выход Сассакус нашел весьма сомнительный – за смерть одного Татобема, решил он, должен умереть один или несколько бледнолицых. Жертва вскоре была найдена.

Зимой 1634 г. в Плимуте хватились торговца Джона Стоуна. Последний раз его пинасу видели в устье реки Коннектикут. Стоун вел свой корабль, не подозревая, что по берегу следует военный отряд пекотов во главе с Сассакусом. Вскоре индейцы показали открыто, знаками давая понять, что хотели бы торговать. Стоун ничего не заподозрил, до сих пор индейцы не причиняли англичанам неприятностей.

Пинаса причалила, Сассакус поднялся на борт и тут же, внезапно, томагавком раскроил капитану череп. Его воины быстро прикончили девятых матросов, составлявших команду. В миг пинаса была разграблена, а затем – сожжена.

Посчитав, что смерть старого Татобема отмщена, Сассакус увел своих людей в лес.

Подробности гибели Стоуна англичанам сообщил Ункас, искавший союзников в борьбе за свой вожделенный "трон". В поисках таковых он сначала обратился к наррагансеттам, но те с презрением отклонили столь сомнительный союз, считая самозваного вождя лишь изгоем.

Тогда Ункас и предпринял первые шаги для сближения с пуританами. Он приглашал английских торговцев в Шанток, осыпал подарками, сбывал им по умеренной цене меха и другие дары леса, а заодно передавал им информацию о том, что происходит в соседних племенах.

Плимутский городской совет, магистрат, потребовав от пекотов выдачи убийц Стоуна, пригрозив разорвать с ними торговый договор. Сассакус в свою очередь напомнил англичанам, что белые первыми положили начало вражде, убив его отца, великого сашема Татобема, а что касается нападения на Стоуна, так он, мол, к этому не имеет отношения. И не важно, что Татобема убили голландцы, а не англичане. Для них, индейцев, все бледнолицые на одно лицо, они их не различают. Ункас же, с его слов, не кто иной, как изменник, презираемый всем племенем, ему нельзя верить.

Ни та, ни другая сторона войны, в ущерб торговле, не желали и, после почти полугода годового разбирательства, взаимных упреков и переговоров дело Стоуна спустило на тормоза, тем более что пекоты теперь вели себя смирно. Даже расправу со строптивым Ункасом, успевшим расположить к себе пуритан, вождь Сассакус отложил до более подходящего момента.

Но затем произошло еще одно убийство.

Бой у острова Блок, Джон Гэллоп и его матросы пытаются отбить торговое судно, захваченное индейцами

В английских колониях в то время пользовался популярностью Джон Олдман, по прозвищу «Безумный Джек», торговец, путешественник и авантюрист по натуре, какими были большинство переселенцев из Европы.

В 1633 году по указанию и авантюристом Массачусетского залива, чей столицей являлся Бостон, поручило ему наладить торговлю в бассейне Коннектикут-Ривер. Олдман совершил большое плавание, посетил множество прибрежных индейских поселков, всюду завязывая торговые связи. В Бостон он вернулся, проделав в общей сложности путь в 160 миль, установив своеобразный рекорд среди английских торговцев, никогда так далеко не забиравшихся. Позднее этот путь долго называли «Старой Коннектикутской торговой тропой», или «Тропой Олдмана».

Летом 1636 года он вдруг внезапно исчез. Последний раз его видели в форте Сэйбрук, где торговец держал свой товар. Оттуда он уплыл на пинасе с экипажем всего из двух помощников - индейцев, взяв курс на остров Блок у морского побережья, и больше его уже никто не видел живым.

Случилось так, что 20 июля того же 1636 года другой торговец, по имени Джон Гэллоп, на своем баркасе шел вдоль берега, но, попав в полосу сильного ветра, сдрейфовал к острову Блок. Там он увидел ботающиеся на волнах суденышко Олдмана. Палуба его была полна индейцев, которые перегружали товары из трюма в свои каное.

Гэллоп сразу заподозрил нелепое, а когда индейцы неумело попытались поставить парус и уйти, его подозрения переросли в уверенность. У него в команде было только три человека, а из оружия – мушкет, заряженный утиной дробью, и пистолет у его шкипера, но он решительно стал преследовать беглецов.

Подойдя на расстояние выстрела, Гэллоп открыл огонь. Едва дробь застучала по борту и стала попадать пологих дикарей, те частью попрыгали в воду, частью спрятались в трюме.

Используя маленький запасной ящик, храбрый торговец с помощью матросов сблизил оба суденышка и перешел на пинасу Олдмана. Еще несколько выстрелов дробью в открытую крышку палубного люка заставили прятавшихся в трюме индейцев искать спасения. Они выпрыгивали наружу, кидались в воду, шестеро утонули в бурных волнах, двое спаслись.

Свяжав пленников, Гэллоп спустился в низ и нашел там еще теплое тело «Безумного Джека» – Олдмана. Его голова, разможенная томагавком, плавала в луже крови. Убийцы раздели свою жертву донага и в своих опытных варварских традициях отрубили ей конечности.

Гэллоп попытался, было, взять трофей на буксир, но сильная волна не дала ему это сделать. Он бросил эту затею, предал волнам Массачусетского залива изуродованное тело Олдмана, после чего поспешил в Плимут – сообщить о своей страшной находке.

ГЛАВА - 36
 ВОЙНА С ПЕКОТАМИ

Высадка англичан на остров Блок и схватка с индейцами

Убийство Олдмана, несомненно, было актом обычного разбоя. Индейцев привлекли товары торговца, не более того. Убийцы даже не являлись пекотами, напротив, считались вассалами нейтральных наррагасеттов, а их поселок, стоявший на острове Блок, откуда они и напали на суденышко Олдмана, в силу своего уникального положения давал им чувство ложной безнаказанности, что и побудило их к грабежу. Но колониальные власти смотрели на события иначе. С их точки зрения - оставлять такое преступление безнаказанным значило спровоцировать новые убийства, а возможно и всеобщую резню белого населения, как это уже имело место в Джеймстауне в 1622 г. Вновь вспомнили и не завершённое «дело Стоуна» – должок, который настало время взыскать.

Магистрат Плимута принял решение выслать на остров Блок карательную экспедицию, имеющуюся там индейское поселение уничтожить. Миссию возложили на Джона Эндикотта, помощника губернатора, которого по такому случаю произвели в «капитаны». Он встал во главе отряда из 90 вооруженных колонистов, в помощники ему выделили еще двух капитанов, Джона Андерхилла и Натаниэля Тернера. Операция против острова Блок планировалась, как показательная – продемонстрировать силу англичан, непреклонность их правосудия.

Отряд Эндикотта погрузился на три речных судна и 22 августа взял курс на остров Блок. Островитяне, прознав про это по «лесному телеграфу», не стали ждать, пока карающая рука пуритан опустится на их жилища. Они перевезли семьи на материк, на острове остались только воины. Никаких иллюзий по поводу того, зачем прибыли корабли белых, они не питали – незваных гостей встретил град стрел. Англичане выжились в такую сильную волну, что мушкетеры на борту не могли прикрыть своих товарищей, прыгавших в воду и строившихся на берегу под градом стрел. Но кирасы и толстые куртки надежно защищали европейцев, и, хотя индейцы стреляли метко, потерь среди белых не было. Лишь один человек оказался ранен в шею, но толстый кожаный воротник спас ему жизнь. Две стрелы получил Андерхилл: одна ударила в шлем, другая пронзила рукав его куртки, не причинив вреда.

Едва отряд оказался на суше, индейцы, верные своей излюбленной тактике, рассыпались в зарослях и отступили.

Эндикотт повел своих людей в глубь острова. Там они нашли брошенный поселок, сожгли его, а всю живность: свиней и собак, перестреляли.

Наутро англичане прочесали остров, имея несколько стычек с мелкими группами индейцев. Всякий раз, выпустив стрелы, дикири ударили. Наконец остров опустел: его обитатели на каноэ ушли к матерiku, оставив преследователям свои жалкие хижины, которые англичане сожгли. Показательная, как она изначально планировалась, акция возмездия полностью провалилась.

Раздраженный Эндикотт вновь посадил свою маленькую армию на суда и поплыл в устье Коннектикут-Ривер, к форту Сэйбрук, чтобы выполнить хотя бы вторую часть поручения магистрата – потребовать у пекотов выдачи убийц Джона Стоуна.

С тем он и прибыл в форт Сэйбрук. Его комендант, Лайон Гарднер, стал уговаривать капитана отказаться от своего намерения. Ведь когда плимутский отряд уйдет, указывал он, гнев индейцев падет на форт Сэйбрук, охраняли который только 24 человека. Но Эндикотт не послушал.

Четыре дня отряд из Плимута простоял в Сэйбруке, главным образом из-за плохой погоды, после чего пошел на судах к ближайшему поселку пекотов. Индейцы были настроены враждебно, встретили его стрелами. Англичане ответили огнем. По словам Эндикотта он убил 13 индейцев, сжег поселок и урожай кукурузы. Пекотам не оставили никакого выбора – припертые к стенке, они встали на тропу войны.

Ни плана ее ведения, ни четких целей они не имели. Сассакус, правда, выслал послов к наррагансеттам, приглашая их к объединению против англичан, но сочувствия не нашел. А в октябре в Бостон прибыл сам верховный сашем наррагансеттов, Миантономо с двумя сыновьями. Делегация встретилась с губернатором Генри Вэйном. Не желая рвать свои выгодные торговые отношения с колонией, вождь всеячески уверял его в том, что «она всегда любила англичан и хотят жить с ними в мире».

В подтверждение он преподнес дар: 40 мерок вавпума. Но этого губернатору оказалось мало. Вэйн потребовал еще и военного союза, на что также получил согласие. Сашем пообещал выставить вспомогательный отряд.

Пекоты со своей стороны могли собрать до 1000 воинов. Этим сил хватило бы, чтобы выместить бледнолицых по крайней мере из коннектикутской долины, а также разрушить их торговые центры. Заодно и поквитаться с голландцами за давнее убийство Татобема. Но голландский форт «Добрая Надежда» ни разу не подвергся атаке. Товарно-денежные отношения уже проникли в примитивный мир индейцев и понемногу разрабатывали их. Сассакус, располагая немалой по колониальным меркам военной мощью, все еще питал иллюзии, что конфликт угаснет и он возобновит с белыми торговлю, восстановит свою меховую монополию.

Весь свой гнев, как и предвидел лейтенант Гарднер, пекоты обрушили на его крошечный форт Сэйбрук. Едва Эндикотт с его отрядом, разорив индейский поселок, отбыл обратно в Плимут, пекоты произвели первое нападение. Они убили одного из солдат Гарднера, часового, охранявшего других, которые занимались уборкой кукурузы, схватили второго, а троих стали преследовать и загнали сарай, стоявший вне частокола, посреди поля, где было сложено их оружие. Как бы ни было хрупким это убежище, оно убергло спрятавшихся в нем от немедленной смерти. Просидев в нем всю ночь, англичане слышали, как кричит их пленный товарищ, которого медленно сжигали на костре.

Утром на лодке, с подкреплением из форта, прибыл сам Гарднер и по реке вывез уцелевших. Жертвами индейцев стали также несколько фермеров и торговцев, неосторожно оказавшихся в этих краях. В трех милях от форта Сэйбрук они поймали купца из Бостона Джозефа Тилли. Его привязали его к дереву на виду у форта, подвергнув изощренным пыткам. Несчастный торговец жил в страшных муках еще три дня.

Гарднер ничем не смог ему помочь, хотя и попытался, сделав вылазку, но потерял двух человек убитыми. Еще один был смертельно ранен стрелой в бок, которая вошла с такой силой, что пронзила ему ребро. Гарднер тоже получил стрелу, но прочная куртка из бычьей кожи оказалась надежной защитой – лейтенант отделался легким ранением.

Сэйбрук оказался в осаде. Колониальные власти про него словно забыли, впад в странное оцепенение. Зимой 1636/37 в «войне» не произошло никаких событий. Вот когда Гарднер благодарил Бога и собственную прозорливость за то, что поставил форт, возведя частокол вокруг источника с водой, а в стенах развел огород. Только так осажденный и удалось вытерпеть зиму.

Но весной ситуация изменилась. Военный отряд пекотов, числом до 200 воинов, 23 апреля внезапно атаковал речной поселок Везерсфилд. Застигнутые за работой в поле, колонисты стали легкой добычей индейцев. На земле осталось шесть убитых фермеров, три женщины и еще двух девушек-подростков нападавшие увели в плен.

Типичная картина внезапного нападения индейцев на поселок колонистов

Только после драматических событий в Везерсфилде плимутские власти зашевелились. Начался сбор ополчения. Каждый, мобилизованный в него, колонист обязан был явиться к месту сбора, вооруженный за свой счет, имея исправный мушкет, холодное оружие (шпага, тесак), фунт пороха и запас свинца в 20 пуль.

В походе ополченец должен был сам себя кормить, для чего ему предписывалось иметь запас зарядов и дров на разную дичь. Но, как показали события, на охоту времени не оставалось, а дичь встречалась редко, ополченцы сильно голодали.

Командовать отрядом поручили капитану Джону Мэйсону, заместителем у него стал Джон Андерхилл. Местом сбора отряда назначили Сэйбрук, куда в начале мая Мэйсон и прибыл, приведя с собой 100 вооруженных колонистов. Пекоты отступили от форта еще раньше, оставив только разведчиков. Причиной тому было появление на сцене третьей силы. К Сэйбруку неожиданно подошел Ункас с отрядом своих воинов, числом в 70 человек. Изворотливый ум мятежного сашема подсказал ему, что вспыхнувшая война англичан с его соплеменниками дает уникальный шанс возвысится. Если Сассакус потерпит поражение, несомненно встанет вопрос о новом верховном вожде, таком, которого признали бы прежде всего в Плимуте и Бостоне. А кто, как не он, успевший завязать добрые отношения с пуританами, лучший претендент на освободившийся «трон»?

Но дружба надо было доказать с оружием в руках и Ункас вступил в войну. К весне, узнав о выдвижении отряда англичан к Сэйбруку, он также двинулся туда, взяв стюлово воинов, сколько мог, за исключением тех, кто остался охранять его «столицы» - Шанток.

Знакомый с местностью, хитрый Лис успел к форту раньше, чем Мэйсон с его плимутским ополчением. Прогнав, вернее напугав, без боя, одним своим появлением крутившийся возле форта небольшой отряд пекотов, Ункас приветствовал коменданта Гарднера, объявил себя верным союзником англичан и разбил лагерь рядом с фортом.

Вскоре подтянулось и ополчение Мэйсона. Ждали также отряд из союзного Плимута Бостона, но он опаздывал.

Воины Ункасы выглядели, как пекоты, единственным их отличительным знаком была желтая краска, которой они выкрасили руки до локтя. Между Гарднером, Мэйсоном и Андерхиллом возникли разногласия по поводу того, принять или нет эту неожиданную помощь. Гарднер и Андерхилл считали, что при первом удобном случае они ударят в спину. На что Мэйсон, которому принадлежал верховное командование, заметил, что без Ункасы и его искусных в поиске троп и следов разведчиков им будет трудно идти в самое сердце владений пекотов.

Тогда Гарднер потребовал доказательства лояльности.

Чтобы убедиться в верности новых союзников, им предложили разобраться с разведчиками пекотов, все еще прятаясь в реке. Ункас тотчас отрядил на поиски часть своих людей. На следующий день он положил к ногам Мэйсона три отрезанные головы и привел одного пленного, которого по его приказу показательно казнили, привязав между деревьями и разорвав пополам. Такое доказательство лояльности англичанам было сочтено вполне достаточным.

Мэйсон и Андерхилл обсуждали два плана удара по пекотам. Первый предусматривал поход морем к устью реки Пекот и высадку десанта в центре владений Сассакуса. Но этот план отклонили.

Второй – более длинный и долгий пеший маршрут через владения наррагансеттов. Этот вариант и был утвержден, главным образом потому, что их вождь Миантономо по договоренности с губернатором Вэйном обещал дать своих воинов в помощь.

На том и сошлись. Из Сейбрука Мэйсон на судах перебросил свое смешанное, англо-индейское войско во владения Миантонома. Сашем встретил его дружески, подтвердив, что верен союзническому долгу. В помощь англичанам он собрал 500 воинов.

Так и не дождавшись подкрепления из Бостона, сводная армия двинулась по индейской тропе к Павкатук-Ривер, за которой начинались земли пекотов и стояли два самых крупных их селения: Веншукс и Мистик. Оба селения были защищены частоколом. Сколько в них находится воинов, никто точно не знал, предполагали что 200 – 300 в каждом.

Едва вступили на враждебную территорию, Мэйсон обнаружил, что его армия тает, как снег на солнце. Не желая сражаться со своими братьями по крови, наррагансетты дезертировали сотнями, к концу пути их осталась всего горстка. Только «желторуки» Ункасы безмолвно следовали за своим вождем.

Потрясенный, капитан Мэйсон спросил его, можно ли рассчитывать, что оставшиеся наррагансетты не бросят его в беде?

«Они побегут все до единого, – ответил Ункас. – Но мы все будем биться вместе с вами!».

Ункас представляет англичанам доказательство своей лояльности - отрезанные головы пекотов

Так и вышло: когда отряд достиг цели, у Мэйсона оставалось 100 англичан, 70 «желторуких» и менее сотни наррагансеттов. Военная ценность последних была столь сомнительна, что их решено было в бой не вводить, а расставить позади кордоном – ловить уцелевших после битвы пекотов.

К форту Мистик англичане подошли на закате. Хотя его люди устали после утомительного перехода, Мэйсон решил атаковать. Англичане разделили силы поровну: Мэйсон, с половиной своих людей, встал напротив северного входа, Андерхилл и Ункас со своими воинами - у южных.

По сигналу, оба отряда пошли на штурм. Короткая схватка в воротах, пока их разбивали топорами, стоила жизни двум англичанам. Как только баррикады, преграждавшие вход, рассыпались и штурмующие ворвались внутрь, бой превратился в отдельные стычки.

Мистик был тесно застроен хижинами, между которыми причудливо разбегались утоптаные дорожки. Очень скоро капитан Мэйсон понял, что не управляет ходом событий. Индейцы появлялись из мрака, пускали стрелы, нападали из боковых проходов и там же исчезали. Англичане, неповоротливые в своих кирасах и толстых куртках, безуспешно толпились в потемках, стреляя наугад.

Мэйсон писал в мемуарах, что идея поджечь форт пришла ему в голову, когда он увидел нескольких своих солдат, которые лежали, воткнув шпаги в землю, в полной растерянности: «Было очевидно, что мы так ничего не добьемся».

По приказу капитана солдаты стали поджигать хижины. Андерхилл со своей стороны, увидев зарево, тоже развел огонь. Чтобы пламя быстрее занялось, в него горстями бросали порох. Запалил поселок с двух сторон, так что огонь отрезал оба выхода, англичане поспешно убрались разружу.

В считанные минуты Мистик превратился в сплошное огненное море. Пожар распространялось так стремительно, что мало кто вырвался из этого страшного огненного капкана, а те, кому это удалось, находили смерть от пуль англичан или томагавков их краснокожих союзников. За один лишь час со вторым по величине поселением пекотов все был кончено.

По оценке самого капитана Мэйсона сгорело заживо до 700 индейцев. Потери победителей исчислялись двумя убитыми в начале боя и двумя десятками раненых, но только четверо находились в таком состоянии, что не могли идти.

Наутро по помощи Мистику прибыл сильный отряд пекотов из индейской «столицы» – Веншукс, но когда индейцы увидели дым, поднимавшийся над развалинами, обуглившиеся трупы своих соплеменников, мужество покинуло их. Пекоты так и не рискнули напасть на истощенный отряд Мэйсона, отступавший к берегу, где его ждали лодки и запоздалое подкрепление – отряд в 50 ополченцев, прибывших, наконец, из Бостона под командованием капитана Патрика. Оба командира пришли к выводу, что сил у них не достаточно, а, главное, истрачено все продовольствие, и поход на этом завершился.

Форт Мистик, подожженный английскими колониальными ополченцами

Для Сассакуса ужасная жернова Мистика стала полной катастрофой, пекоты разуверились в своем вожде и уже не помышляли о войне.

Однако события развивались совсем не так, как рассчитывал Ункас. Племя распалось на несколько групп, каждая думала только о бегстве. Чтобы окончательно покончить с ними, Бостон, спустя месяц после уничтожения Мистика, собрал свежий отряд, 120 вооруженных колонистов, под командованием Израэля Стоутона. Стоутон двинулся, чтобы разорить Веншукс, но нашел поселок брошенным. Англичане начали просчитывать местность и обнаружив большую группу индейцев, прятаящихся несколькими милями к северу, в болоте под названием Охомаки (Совинье гнездо). Последовала резня: пуритане убили до 40 пекотов, включая женщин и детей, остальных пленили.

Ободренные собственными успехами и легкостью, с какой была выиграна вся кампания, власти обеих колоний направили всем племенам залива предупреждение, что будут карать всех, кто даст убежище беглецам. Само слово «пекот» оказалось под запретом. Англичане объявили, что отныне это племя как таковое не существует. Пойманных индейцев свозили в Бостон, где клеймили и продавали карибским рабовладельцам.

Сассакус сумел уйти. С ним оставались лишь несколько ближайших советников. Преследуемый Ункасом, он сумел добраться до места обитания могавков (одного из племен конфедерации ирокезов), где след сашема на некоторое время затерялся.

Могавки в то время не испытывали симпатии к англичанам и не состояли с ними в договоре. Но и ссориться с ними не хотели - в августе 1638 года они прислали в Бостон шесть человек: один – Сассакуса, пять других – его последних приверженцев. Был ли это действительно скальп сашема, или могавки укрыли его у себя из солидарности, не известно – геной экспертизы тогда не существовало.

© Книга Александра Морозова

ЧАСТЬ VI. ПУРИТАНЕ ПРОТИВ ИНДЕЙЦЕВ

ГЛАВА - 37

ЛИЧНАЯ ВОЙНА УНКАСА

Первая встреча Ункаса и капитана Мэйсона в форте Сэйбрук, во время войны с пекотами.

Разгром пекотов разрушил весь естественный баланс сил в регионе. Теперь племена в случае разногласий обращались непосредственно в Бостон или Плимут и белый губернатор выступал в качестве судьи, вплоть до того, запрещал или разрешал войну между индейцами. Любим жеодоусобицы, однако, англичане боялись, страшась того, что искра вражды может перерасти в большую войну, которая коснется и их. Поэтому они всячески пытались вести свой арбитраж так, чтобы индейские раздоры решались миром. Ункас, чье врожденное дипломатическое чутье привело его к альянсу с пуританами, умело воспользовался ситуацией. Он единственный из независимых вождей выиграл от победы англичан. Остатки пекотов, пытавшихся укрыться в других племенах, отторгались ими и только Шанток оказался единственным местом, где беглецы могли найти приют без опасения, что их выдадут.

Ункас приютил несколько десятков таких беженцев вместе с семьями. Встречал он их радушно, давал продовольствие, напоминая, что он - родной им по крови, истинный пекот!

Чтобы еще более укрепить свой авторитет среди бывших соплеменников, в 1638 г. сразу после гибели Сассакуса, убитого ирокезами, он женился на вдове покойного, а ранее уже был женат на дочери погибшего от рук голландцев его предшественника - Татобема.

Как и большинство вождей Ункас имел несколько жен (всего за свою жизнь - семь), но все его брачные союзы тоже строились на такого рода, далеком влиянии, расчетах. Так в 1640 г. он заключил еще один выгодный брак, взяв в свой гарем дочь Сабикванаша, вождя одного из малых племен, обитавших у Коннектикут-Ривер. После чего продал его земли англичанам.

Оказавшись бездомным, Сабикванаш вынужден переселиться поближе к зятю вместе со всем своим кланом. Шанток постепенно оброс небольшими дочерними поселениями, где обитали представители самых разных племен.

На исходе лета 1639 г. Ункас сообщил колониальным властям, что несколько десятков пекотов нашли убежище на Пакватук-Ривер. Магистрат немедленно отрядил капитана Мэйсона с отрядом в 40 человек, чтобы снести селение, а пекотов доставить в Бостон. По пути к Мэйсону присоединились 100 воинов Ункаса, хотя такой помощи англичане не просили. Но Ункас не мог упустить случая, чтобы не извлечь свою выгоду из сплетенной им же интриги.

Пекоты были застигнуты врасплох, большинство бежали, но некоторые угодили в плен. Ункас упрямился, не безвозмездно, конечно, Мэйсона, отдать ему пленников, привел их в Шанток и насильственно сделал своими подданными.

С этого момента между ним и Мэйсоном установились прочные деловые отношения, постепенно переросшие в дружбу.

За счет таких приращений хитрый сашем довел численность своих подданных с 200-300 до 1000 и более. Неожиданно он стал силой, с которой вынуждены были всерьез считаться его дикие соседи.

Такое резкое возвышение ранее ничтожного по своему влиянию, да, к тому же и самозваного вождя, но, особенно, его укрывательство пекотов встревожило колониальные власти, опасавшиеся возрождения уничтоженного ими племени, чьи земли англичане уже поделили под новые фермы, поселения и пастбища.

Ункаса вызвали для разбирательства в Бостон, где он предстал сразу перед двумя губернаторами обеих колоний, Бостона и Плимута: Уинтропом и Хейнсом. Вождь явился, прихватив с собой 20 мерок вавumpу, чтобы подсластить неприятный, как он это предвидел, разговор.

Приняли его крайне холодно, сразу дав понять, что не потерпят укрывательства беглых пекотов, несмотря на его активную помощь в войне с ними.

В эту минуту Ункас понял, что судьба его висит на волоске. Своей мечтой стать великим сашемом пекотов, заняв место Сассакуса, он едва не вырыл себе могилу и сейчас находился в шаге, чтобы упасть в нее. Его изворотливый ум замесался в поисках выхода из столь опасной ловушки и нашел решение.

«У меня нет пекотов, — ответил Ункас. — Все мои люди — мохегане!». После чего театрально положил себе руку на сердце и торжественно произнес:

«И разве это мои люди? Нет, это — ваши люди, и, когда будет нужно, я приведу их сражаться вместе с вами. И это не мое сердце. Оно — ваше, как и моя верность!».

Расторопные Уинтроп и Хейнс едва не прослезились. Они приняли вавump и подтвердили полную расположенность англичан к «нашим добрым союзникам — мохеганам». С Ункаса были сняты все обвинения и он, живой и здоровый, отправился домой.

Но в Шанток вернулся другой Ункас. Выволочка, которую ему устроили в Бостоне, где он оказался на волосок от гибели, очистила его разум.

Собрав своих ближайших сородичей, в первую очередь личный семейный клан и некоторых, наиболее верных его сторонников, из числа тех, кто с ним основал Шанток, Ункас заявил, что слово «пекот» отныне следует забыть. Отныне все они — новое племя, мохегане, их тотем — волк, а он — верховный вождь!

Ункас не изобретал нового названия для своего народа. Когда-то давно, пекоты были частью другого, более многочисленного племени — делаваров, обитавших вдоль реки, носящей такое же название. В стародавние времена, когда численность делаваров выросла, часть из них оселилась в долину, образованную течением рек Коннектикут и Пекот. Самым сильным среди переселенцев был клан мохеган, что на их языке означало — «волки».

Но впоследствии всем стал заправлять другой разросшийся клан, осевший у реки Пекот, по названию которой и пошло новое имя племени.

Теперь же, когда пекоты прекратили вследствие войны с англичанами свое существование, Ункас воспользовался этим старым названием племени, продолжая собирать под свое крыло беженцев, бродяг, изгоев и прочих отщепенцев самых разных индейских общин, для которых Шанток стал убежищем.

Появление мохеган, день ото дня усиливавшихся, пришлось не по нраву соседним племенам, особенно — нарагансеттам, которыми правил престарелый вождь Миантономо. Лестью, подарками и своими связями среди пуритан Ункас добился того, что Шанток стал центром торговли англичан с индейцами. Торговец Джонотан Брюстер постоянно держал здесь свой торговый пост, а в Бостоне и Плимуте интересы Ункаса, с выгодой для себя, представлял победитель пекотов капитан Мэйсон. Благодаря им мохегане первыми среди индейцев долины обзавелись ружьями, несмотря на формальный запрет продажи мушкетов со стороны колониальных властей.

Торговая сделка - рисунок художника Роберта Гриффина

В поисках новых источников пушнины охотничьи партии новоявленных мохеган без стеснения проникали на земли нарагансеттов, а пограничные с ними поселки и вовсе вынужденно платили дань: мехами и вавumpом.

Такая наглость и прямой грабеж бесили Миантономо, Ункас стал его личным врагом. Еще недавно в подобном случае Миантономо объявил бы войну, но, после трагедии Мистика, боялся разозлить англичан.

Поэтому сашем сначала выбрал осторожную тактику и вскоре на предводителя мохеган было совершено первое покушение. Кто-то пустил в него стрелу из зарослей и угодил в цель. К счастью, рана оказалась не серьезной.

Ункас запаниковал, поспешил с жалобой в бостонский магистрат, утверждая, что это дело рук Миантономо. К чести пуритан, они пытались примирить вождей, не желая войны племен на границах своих колоний. Под нажимом из Бостона Миантономо неохотно отправил приглашение в Шанток, предлагая вождю мохеган нанести ему визит и отобедать у костра дружбы.

Ответ на это пришел саркастический:

«Друзья могут обедать вместе, но Ункас и Миантономо — нет!».

Война между ярыми соперниками становилась неизбежной и летом 1643 года она разразилась. Военный отряд индейцев внезапно атаковал группу мохеган, плывших на каноэ, после того, как они собрали дань с местных нарагансеттов.

Ункас не мог оставить инцидент без ответа — собрав воинов, он разорил одно из селений, принадлежащих личному клану Миантономо. Мохегане застали нарагансеттов врасплох, убив семерых, а остальных обратили в бегство. Их хижины предали огню.

Миантономо предпринял ряд неудачных попыток добиться у колониальных властей наказания Ункаса за такое бесчинство, но не преуспел и решил, наконец, открыто выступить против мохеган.

Войско нарагансеттов и их союзников, собралось, чтобы разорить ненавистный Шанток и покончить с его амбициозным правителем. Миантономо даже совершил вояж на голландский остров Манхэттен, пытаясь найти помощь у тамошних вождей, но безуспешно.

Однако и без того он собрал большие силы, общей численностью около 1000 воинов. Против этой внушительной армии Ункас мог выставить лишь 400 воинов, но он решительно выступил навстречу. Враги встретились в 4 милях от Шантока, на поле, которое с тех пор стало называться «полем сашемов». И те, и другие уже имели значительное количество мушкетов, но у мохеган их было значительно больше.

Миантономо перед боем одел тяжелую кирасу, которую ему подарил один из белых торговцев, дружески к нему настроенный.

Битва началась не сразу.

Сначала Ункас дал знать, что хочет переговоров. Миантономо, сознавая свое превосходство, снисходительно согласился.

Вожди в первый раз встретились лицом к лицу. Точно не известно, о чем они говорили. Согласно легенде, поскольку никто из европейцев при разговоре не присутствовал, Ункас предложил:

«Зачем проливать кровь наших воинов, когда это вражда между мной и тобой. Давай разрешим ее поединком. Побеждаешь ты — Шанток и мои люди твои. Побеждаю я — ваше войско уходит!».

Миантономо рассмеялся, заметив, что у него намного больше воинов, поэтому, пусть Ункас сдастся и он, может быть, пощадит его жизнь.

Вождь мохеган, однако, и не надеялся, что его могущественный соперник согласится на поединок. С его стороны это была всего лишь уловка.

Внезапно Ункас упал на землю. Его воины только и ждали этого, заранее условленного, сигнала - издав дружный боевой клич, они выпустили тучу стрел и дали залп из всех имеющихся у них мушкетов. Затем стремительно бросились в атаку.

Все произошло так быстро, что нарагансетты растерялись. От растерянности до паники один шаг, и спустя какие-то мгновение все их войско бежало, безжалостно преследуемое мохеганами, потеряв всякий порядок и желание сражаться. На «поле сашемов» осталось лежать до 30 мертвых нарагансеттов.

Кираса, которую одел Миантономо, сыграла ему плохую службу, он бежал медленно и попал в руки преследователей.

Ункас торжествовал. Триумф его был полный: более, чем вдвое сильнейшая армия врагов рассеяна, их предводитель стал его пленником.

«Проси пощады, и Ункас, может быть, пощадит твою жизнь, — насмешливо предложил он. Но Миантономо гордо молчал.

В ярости, Ункас приказал привести ему пленных нарагансеттов и размозил нескольким из них головы томагавком.

На Миантономо это не произвело никакого впечатления, он все также хранил презрительное молчание. Сашем с удовольствием прикончил бы его на месте, но не посмел этого сделать.

Пленника, не спуская с него глаз, доставили в Шанток, где он провел несколько дней, в то время, как его соплеменники спешно собирали вавump, чтобы выкупить своего лидера.

Ункас без зазрения совести взял выкуп, но не отпустил пленника, зная, что его судьбу его решат в Бостоне. Миантономо препроводили в городок Хартфорд, откуда Ункас отправился в бостонский совет, чтобы решить судьбу великого сашема. Там он запросил разрешение казнить своего давнего врага.

Пуритане учли заслуги вождя мохеган перед колониями и официально дали ему лицензию на убийство. В решении магистрата говорилось: «Жизнь Ункаса не может оставаться в безопасности, пока жив Миантономо».

Для наблюдения за исполнением приговора направили двух солдат.

Маленькая мрачная процессия двинулась из Хартфорда в Шанток. У Миантономо не оставалось сомнений, что его ждет. Наверное, в последние минуты перед смертью великий сашем искренне жалел, что в свое время не принял предложение пекотов о союзе против англичан. Кто знает, как бы в этом случае повернулась история.

Они достигли места, где произошла их битва — «поля сашемов». Здесь по знаку Ункаса его брат Вавекуа взмахнул томагавком и ударил Миантономо в затылок. Двое англичан, невольных свидетелей убийства, демонстративно отвернулись.

Вольная реконструкция образа Ункаса и казни Миантономо

Триумф Ункаса был недолговечен. Сокрушив Миантономо, он лишь разжег к себе всеобщую ненависть. Против Ункаса сформировались триумвират: три верховных вождя, во главе которых стоял преемник казненного Миантономо, Писсикус - они мечтали уничтожить его и только страх перед англичанами сдерживал их. Все трое постоянно ненавидели своего давнего врага, что пытался извести его с помощью магии, для чего привлекли лучших шаманов.

Чары не подействовали и в ход пошло другое оружие. За баснословный «гонорар», 200 мерок вавumpу, триумвиры наняли киллера — бродячего индейца Куттакина.

Наемник активно взялся за дело. В Шанток часто ходили караваны белых торговцев и убийца устроился на один из них — грузчиком. В апреле 1642 г. судно прибыло к могилам. Ункас по обычаю поднялся на борт, чтобы приветствовать гостей. И сразу же получил в грудь удар ножом.

Куттакин почти добился своего — весь в крови, сашем с криком свалился на палубу. Куттакин пытался прыгнуть за борт, но был схвачен свитой вождя и подвергнут пыткам. Ему отрезали пальцы на руке, которой он держал нож, а в последствии казнили, но не раньше, чем он дал показания, назвав имена заказчиков.

Несколько дней Ункас находился на грани жизни. Он потерял много крови, нож задел жизненно важные органы, но выносимый, как и все индейцы, самозваный вождь выжил.

Покушение succeeded Ункаса еще более агрессивным, а покровительство англичан рязвало ему руки. Мелкие отряды под началом его брата Вавекуа и его сына Ованеко шныряли на границах племени, грабя мелкие селения и насильственно обращали их в «мохеган».

Ункаса ненавидели. Ункаса боялись. Ункаса презирали.

Даже в Бостоне признавали, что «Ункас сам восстановил против себя всех, кого только мог».

Результатом этой ненависти стало общее выступление индейцев мохеган массачусетских индейцев, которых объединил преемник Миантономо — вождь Писсикус. Война разразилась в 1657 году. Шанток был осажден и захвачен.

С горсткой уцелевших воинов Ункас укрылся в одном из своих вассальных поселков. В Бостоне его мольбы о помощи поначалу не возымели былого успеха: властям надоел сварливый и вечно конфликтный сашем.

Спасли Ункаса его личные друзья: торговец Джонотан Брюстер и капитан Джон Мэйсон. Брюстер добился разрешения продать мохеганам большую партию ружей и сам его доставил. Индейцы не посмели тронуть белых, позволив им пройти в осажденный поселок. Со своей стороны капитан Мэйсон сумел нажать на магистрат и тот заставил вождя Писсикуса вернуться в свои пределы. Больше никто уже не смел атаковать мохеган. Наступил долгий, почти в 15 лет мир.

Последний раз Ункас взялся за оружие в 1675 году, когда произошло то, чего так боялись власти Объединенных колоний — всеобщее выступление индейцев против них, получившее название «Война Короля Филиппа» - о ней речь впереди. Военные действия охватили огромную территорию — в 300 квадратных миль. Погибли сотни англичан, само существование колоний оказалось под вопросом. Ункас также немедленно мобилизовал своих воинов и вывел их на помощь свои беднолицым союзникам.

После поражения восстания, индейская угроза Новой Англии была окончательно устранена и Ункас правил уже безо всяких помех. Какой бы сложной и противоречивой фигурой он ни был, он добился своего, стал признанным верховным сашемом, каким и оставался при жизни, властителем собственного народа, пусть и неоднородного по составу.

Видя, как английские колонии поглощают индейские территории, он не пытался темпировать, напротив, вписался в процесс, признав его неизбежностью. Часть своих менее ценных земель он продал, а на остальные заключил письменный договор со своим старинным другом, капитаном Мэйсоном, предоставив ему и его наследникам право получать половину прибыли от сделок с его землей. Мэйсоны стали семейными адвокатами Ункаса, который скончался в своем селении Шанток летом 1684 года.

Похоронили его, как и подобает сашему, в полном боевом уборе, с оружием и предметами, необходимыми в путешествии к небесным соборам его предков. Никто из колониальных властей на похоронах не присутствовал и никаких состязаний не происходило. Бывший союзник англичанам стал теперь не нужен, земли его племени очень скоро попали под пресс английской цивилизации.

Основанный в 1699 году город Колчестер поглотил охотничьи угодья мохеган. Сын Ункаса, Ованеко, сильно пристрастился к выпивке и за бутылку виски сотнями акров распродавал земли своего отца. Все же мохегане в первые годы 18-го столетия еще имели приличный участок земли, но и его поглотил разросшийся город Нью-Лондон.

Остатки мохеган владели жалкое существование. Вдова Ованеко после его смерти (от хронического пьянства) жила тем, что побиралась по дворам белых, как последняя нищенка.

Джон Мэйсон, а после его смерти, его сын, внук и даже правнук пытались отстоять права покойного Ункаса хотя бы на часть его бывших земель или — на денежную компенсацию. Разумеется, двигал ими не абстрактный гуманизм, а прямая выгода — ведь Ункас завещал им 50% процентов от всех сделок с бывшими своими земляными угодьями.

И Мэйсоны упорно стучались во все инстанции. Дело дошло до королевского разбирательства: в 1735 году, Джон Мэйсон (внук покойного капитана) и внук Ункаса совершили путешествие в Лондон, где просили при дворе в свою защиту. Вняв ходатайству, король Георг I назначил новое разбирательство по «делу мохеган», но оно увязло в бесконечной волоките, коррупции и предвзятости колониальных чиновников. Да и само имя Ункаса уже стерлось из памяти нового поколения колонистов, как и его деяния.

Тяжба тянулася вплоть до 1743 года, когда суд окончательно признал секвестр индейских земель в пользу колоний правомерным и не подлежащим обжалованию. История мохеган Ункаса закончилась.

Разве что еще один штрих к ней. С веками менталитет цивилизованной нации меняется, в нем пробуждается то, что можно назвать исторической совестью. В 1836 году тогдашний президент США Эндрю Джексон посетил Коннектикут и побывал на могиле сашема. Здесь он символически заложил памятник в его честь. За 10 лет до этого Джеймс Фенимор Купер опубликовал свой лучший роман: «Последний из могикан», ставший всеамериканским, а вскоре и всемирным бестселлером.

Роман пробудил интерес к реальному Ункасу, чье имя автор поизматывал для главного героя, но допустил ошибку, причислив Ункаса к могикам из-за путаницы в названии племен, созвучия и прямого искажения при их адаптации на английский язык.

Мятежники вождя никогда не был так популярен при жизни, как стал знаменит после выхода в свет одноименной книги, не имевшей ничего общего с его реальной жизнью. И в 1833 году группа горожан из Норвика, городка, в их подмита, покаяния, посекел Ункаса Шанток, начала сбор средств для памятника вождю, который, в их понимании, «как никто из индейских правителей был верен своим союзникам».

Но только через 9 лет после приезда одного визита скромная гранитная стена была, в конце концов, изготовлена и установлена. Стоит она и по сей день. На ее основании высечено лишь одно слово - «УНКАС».

Сорок лет мира с индейцами: власти колоний торжественно встречают очередной визит великого вождя вождя Массасоя

Призрак всеобщего восстания индейцев преследовал английские колонии с того момента, как они обосновались в Америке. Проходили год за годом, но ничего подобного не случилось. Почти 40 лет после войны с пекотами и сожжения их поселка Мистик, Новая Англия не знала войн с ее коренными обитателями.

У племен обширной прибрежной полосы, где росли и множились колонии, оказалась хорошая память. Судьба непокорных поухотанов и пекотов, прекративших в результате их тотального избиения свое существование, стала для других уроком.

Наиболее крупные племена, способные противостоять европейской экспансии, такие как наarraгансетты, в самый пик своего могущества могли выставить 1000-1500 воинов. Однако предпочитали выгоды мира превратностям войны. Непрерывно шел выгодный обеим сторонам обмен: англичане поставляли инструменты, медные и железные изделия, ткани, а от индейцев получали меха. Торговля обогащала наarraгансеттов, они даже закупали в колониях предметы европейской роскоши.

Другим могущественным племенем были вампаноаги, чей верховный вождь, великий сашем Массасой приветствовал на американской земле первых пилигримов, заключив с ними мир, ни разу за его правление не нарушавшийся. Их родовые земли вклинивались большими участками во владения английских колоний: в Южном Массачусетсе, Род-Айленде и на берегах залива Наррагансетт.

А новорожденное племя мохеган Ункаса фактически являлось вассалом англичан, их верным военным союзником.

Могавки, самая восточная ветвь Конфедерации Ирокезов и потенциально – сильный противник, едва соприкасались с границами Новой Англии. Их больше заботила новая угроза с севера: союз их извечных врагов, гуронов, с французами. Конфедерация вела собственную войну и ее острие было направлено от Великих Озер к долине реки Святого Лаврентия.

Другие племена по одиночке большой опасности уже не представляли: во второй половине 17-го столетия население английских колоний составляло уже 50 000 человек.

Число коренных обитателей Северной Америки, проживавших в сфере английского влияния, напротив, резко снизилось: их насчитывалось не более 10 – 15 000. Только их совместное выступление могло нанести серьезный удар по колонизации. Но ни лидера, ни предпосылок для такого выступления пока не было.

Но в 1661 году умер старый Массасой. Вождь оставил после себя сыновей: старшего - Вамсутту и младшего - Метакомета (в другой транскрипции - Метакот).

По традиции власть перешла к старшему по возрасту Вамсутте.

Наследство, которое он принял, было не завидным. Многие изменилось за долгое время царствования Массасоя. Когда тот 40 лет назад заключал «вечный мир» с белыми, их была горстка. Сейчас их города, пашни и фермы неуклонно поглощали исконные земли его народа. Простой индеец не понимал, почему он больше не может охотиться и ловить рыбу там, где охотились и промыслили его отец, дед и прадед. Напряжение накапливалось вдоль границ, что рано или поздно привело бы к прямой конфронтации. Но Вамсутта видел, насколько сильны теперь англичане и волей-неволей старался следовать политике отца. По его настоянию он и Метакот посетили Плимут, чтобы принять крещение и получить английские имена, тем самым, подтвердив союз дружбы, заключенный их отцом.

Губернатор плимутской колонии оказался любителем древней истории и человеком, не лишенным чувства юмора. Он даровал Вамсутте имя – Александр, а Метакомету – Филипп, как звали двух знаменитых македонских царей.

Царствовал Вамсутта совсем недолго, года не прошло, как он принял бразды правления, а уже не стало и его. Смерть Вамсутты-Александра до сих пор овеяна загадками. Сделать он успел совсем не многое: провел торговые переговоры с наarraгансеттами и продал участок земли колонистам Род-Айленда. Отцы-пуритане из Плимутской колонии усмотрели в этом недопустимую самодетельность. Они сами зарились на эту территорию, а в контактах Вамсутты с наarraгансеттами заподозрили попытку заключить военный союз, чему они всегда противились. Любой шаг индейцев в сторону объединения рассматривался, как заговор.

С момента уничтожения пекотов англичане отвели себе роль верховного арбитра в отношениях с индейцами и «короля» Александра, то есть - Вамсутту, вызвали дать объяснения. Более искушенный в колониальной дипломатии сашем, такой как, например, Ункас, непременно поспешил бы в Плимут и постарался лестью, подарками отвести от себя угрозу.

Но Александр отказался, чем навлек на себя еще более сильные подозрения. За ним направили отряд солдат, с приказом привести «живым или мертвым». Вождь был застигнут врасплох в своем маленьком летнем охотничьем лагере и препровожден в ближайшее английское поселение - Маршфилд, где с ним встретились представители плимутского магистрата.

На переговорах Вамсутта решительно отверг все обвинения, заявив, что он, как и его отец, является другом англичан. Тем бы дело и кончилось. Молодого вождя отпустили с миром, посчитав, что он получил достаточный урок. Однако на обратном пути Александру вдруг стало плохо. У него начались сильные боли в желудке, он не смог двигаться. Воины на носилках принесли вождя в столичный поселок Вамсутты, на мысе Маунт-Хоуп, где он и испустил дух у ног разгневанного брата Метакота и рыдающей вдовы - Веттамой.

Оплакивание «короля» Александра (Вамсутты) на Маунт-Хоуп

Племя охватила скорбь, смешанная с гневом. И Филипп, и все остальные вампаноаги решили, что их вождь отравлен.

Пуритане сочли ниже своего достоинства оправдываться и доказывать свою невиновность. Вместо них это сделали историки. Несколько столетий спустя они нашли в колониальных архивах документ, подтверждающий, что Вамсутта заболел еще до возвращения из Маршфилда, его даже пытался лечить тамошний врач. Предполагают, что у вождя произошел острый приступ аппендицита, который и доконал его по дороге домой. Никаких подтверждений, что он был отравлен, не найдено.

Но совпадения обстоятельств, при которых произошла смерть, были не в пользу белых. Вампаноаги остались в твердом убеждении, что их предводителя подло, предательски умертвили.

Власть, таким образом, перешла к Филиппу. В последующие несколько лет до англичан не раз доходили слухи, что Метакомет готовится к войне, чтобы отомстить за смерть брата. Мирный договор, заключенный 40 лет назад с Массасоем, уже не казался им столь надежным, как прежде. В Плимуте сочли необходимым, чтобы «Король Филипп» подписал новый договор и продемонстрировал, что не таит злых намерений. Хорошо помня, чем кончился визит Вамсутты к бледнолицым, Метакомет неохотно, но все же принял предложение о новой встрече. Но только после того, как двое англичан, в свою очередь, согласились остаться у него заложниками на все время переговоров. Состоялись они в 1671 г. в городке Таунтон. Филипп прибыл с сильной охраной: 70 воинов, каждый был вооружен мушкетом.

«Король Филипп» заключает унижительный «договор о дружбе» с англичанами в Таунтоне

Все обвинения в свой адрес сашем отрицал. Если бы у него были враждебные намерения против англичан, говорил он, он бы воспользовался их недавней войной с голландцами, это был удобный момент для нападения.

Аргумент был убедительный, но пуритане требовали новых доказательств лояльности, настаивая, чтобы вождь сдал все огнестрельное оружие, которое есть у вампаноагов.

Требуемое заведомо неприемлемое – для индейцев мушкет к тому времени уже являлся не только оружием, но предметом гордости его владельца, самой дорогостоящей его собственностью и основным средством существования, ведь каждый индеец был, прежде всего, охотником.

И все же, скрепя сердце, Филипп пошел на унижительные пункты Таунтского соглашения. Ему пришлось сразу отдать 70 мушкетов, которые принесли охранявшие его воины, причем уговорить их сделать это потребовало от него большого труда.

Один из вампаноагов, бросив оружие себе под ноги, в ярости крикнул:

«Вождь с трусливым сердцем не может править!».

Филиппу ничего не оставалось, как молча проглотить это унижение.

Полного разоружения вампаноагов, однако, не последовало. Племя не сдало больше ни одного ствола. Новью англичан стала преследовать химера всеобщего восстания индейцев Массачусетского залива и в центре этого заговора им по-прежнему виделся Метакомет.

Со своей стороны, индейцы с ненавистью и затаенным страхом ждали от англичан очередной подлости. Оставалось поднести спичку, чтобы пламя взаимной ненависти вырвалось наружу.

Цепь разных частных событий способствовала войне, но мы их опустим, чтобы не усложнять наше повествование. Скажем только, что летом 1675 года обстановка в колониях сложилась такая, что, стоило кому-нибудь крикнуть: «Индейцы!», как фермер торопливо хватался за мушкет. Когда 23 июня несколько вампаноагов появились на окраине поселка Сванси, у кого-то из поселенцев сдали нервы – он выстрелил и убил одного.

Первая кровь пролилась. Товарищи убитого забрали тело, а на следующий день вернулись в большом числе. Они шли по полям, где привычно работали фермеры, убивая всех, кто подворачивался на пути. В тот день 9 жителей Сванси заплатили своими жизнями за смерть одного индейца.

Хотел того Метакомет, он же - «Король Филипп», или нет, эти убийства принудили его сделать выбор: отделить ради сохранения мира на расправу участников нападения, или просто требовали власти колоний, и которых наверняка бы повесили, или – взять их под защиту. Филипп выбрал второе, что означало войну.

ГЛАВА - 39

КОЛОНИАЛЬНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ НОВОЙ АНГЛИИ

Рота массачусетского ополчения Новой Англии середины 17-го века на сборах. Картина американского художника-баталиста Дона Трояни

Отличительной чертой Новой Англии, как уже ранее упоминалось, было отсутствие в ней регулярных войск. Знаменитые «красные мундиры» появятся здесь много позже, когда начнется решительная борьба за континент между Великобританией и королевской Францией. Но до этого было еще очень далеко и колонистам пока приходилось защищать себя самим. Война с пекотами, как бы незначительна она ни была, показала, что слабым звеном колоний является их разобщенность и несогласованность действий в случае военной угрозы, даже такой незначительной. Поэтому сразу же после ее окончания жители долины Коннектикут выступили с предложением об объединении всех колоний в один союз. Соглашение подписали в мае 1643 года в Бостоне губернаторы городов и колоний: Массачусетса, Плимута, Хартфорда и Нью-Хэвена. Союз получил название «Объединенные колонии Новой Англии» и преследовал чисто оборонительную цель – защищать друг друга в случае нападения.

В остальных колониях оставались полностью независимыми, каждая управлялась собственным правительством и губернатором.

В конфедерацию не вошли маленькие, фактически, едва народившиеся, Род-Айленд и Мэн, не присоединились к ней ни своевольная Вирджиния, которой война с пекотами не коснулась, ни еще очень слабый Мэриленд.

Потенциальными противниками считались, конечно же, индейцы, французские колонии на севере (пока еще не окрепшие), голландские – под самым боком, и даже далекая «родина-мать», Англия. Исход начавшейся там гражданской войны (1642- 1651) был не ясен и колонии готовились защищать свои интересы, если понадобится, то с оружием в руках.

Кровопролитные сражения между роялистами и сторонниками парламента, раздиравшие британские острова, в Америке отозвались лишь слабым эхом. В 1642 году британский парламент прислал капитана Ричарда Ингла на корабле «Реформэйшн», чтобы призвать колонии к присяге новой власти. Ингл отправил в отставку католического губернатора Мэриленда и основателя Бостона - Леонарда Калверта, который бежал в Вирджинию. Ее губернатор сэр Уильям Беркли, был ярым роялистом и дал беглецу убежище. Собрав небольшой отряд, Калверт вернулся в Мэриленд, изгнал парламентаристов, которые бежали на корабле в Англию, даже не пытаясь дать бой.

Когда весть о поражении роялистов и казни короля Карла I достигла Америки, Вирджиния, в лице все того же губернатора Беркли, немедленно признала законным наследником Карла II, находившегося в изгнании. Тем самым Беркли навлек на себя гнев победителей в лице лорда-протектора Оливера Кромвеля.

В 1652 году английские корабли вошли в Джеймс-Ривер, неся на борту сильный десант, состоявший из кромвелевских ветеранов гражданской войны, и навели пушки на город. Беркли намеревался сразаться. Он мобилизовал ополчение и нанял несколько голландских кораблей, занявших позиции на реке. Но командующий кромвелевской эскадрой предложил такие мягкие условия капитуляции, что Беркли в своем намерении воевать остался в одиночестве. Его ополчение стало разбегаться, а городской совет проголосовал за сдачу. Беркли сдал полномочия и вплоть до реставрации монархии в Англии Вирджиния управлялась, как парламентская республика.

Взвешавший на трон после смерти Кромвеля Карл II, в благодарность за верность короне, вернул Беркли губернаторский титул и тот бессменно правил еще 17 лет, ввергнув себя при этом в две войны, одну - с индейцами, вторую - гражданскую и к этим войнам мы, конечно же, в свое время вернемся.

Бостон и Плимут, отпочковавшиеся от них коннектикутские поселения и их более мелкие соседи во время гражданской войны в Англии держались нейтрально, занятые собственными проблемами. Однако ополчение периодически собиралось на учения и его списки регулярно обновлялись. Воинская обязанность в Объединенных колониях Новой Англии после войны с пекотами стала всеобщей, все боеспособное мужское население по европейскому образцу расписывалось по ротам и полкам, дислоцировавшимся по месту жительства.

Обычно пехотную роту входило 70 человек, в кавалерийскую – 50. Мушкеты ополченцев не имели штыка, поэтому в состав роты включали небольшое количество пикинеров. Когда началась война с «королем» Филиппом, выявилась полная непригодность в условиях американской глуши этого архаичного рудимента старой европейской военной доктрины. От пик в ходе этой войны отказались, сразу и навсегда.

Рота имела все внешние признаки регулярного европейского войскового соединения. Во главе ее стоял капитан, в штатном расписании значились лейтенант, сержанты и капралы, казначей, барабанщик и знаменосец.

Каждый ополченец приходил на сборы со своим собственным оружием, запасом пороха и пуль, а также провианта на неделю. Если рота уходила в поход, то солдатам и офицерам полагалась плата. В этом случае в ее состав включали квартирмейстера, хирурга и капеллана.

Майор командовал обычно соединенными силами городского ополчения из нескольких рот («полк») или возглавлял военную экспедицию.

На бумаге все это войско выглядело очень внушительно. Одна только колония Массачусетского залива (Бостон) могла выставить 33 пешие роты, 2300 солдат, и 3 кавалерийские – 150 всадников. Однако количество солдат не означало их качество. На военные упражнения ополченцы приходили от случая к случаю. Часто эти сборы сводились к формальной проверке наличия личного состава. Иногда рота давала несколько залпов из мушкетов, после чего расходилась. Строевая подготовка отсутствовала.

Капитаны особого рвения к службе не проявляли, среди них, за редким исключением, не было ни одного военного. В командирах рот стояли аптекари, плотники, портные, школьные учителя и т.п. Подавляющее большинство жителей колоний, призывавшихся в ополчение, были фермеры, мастеровые, слуги и наемные работники, мелкие торговцы, и очень немногие – профессиональные охотники и трапперы, привычные к обращению с оружием.

Исключения во всем ополчении времен войны с Королем Филиппом составляли два отряда добровольцев и их командиры. Если вы зайдете на сайт элитного подразделения современной американской армии – военных рейнджеров, то обнаружите там имя Бенджамина Чарча. Его называют первым американским рейнджером и для этого есть причины.

Бенджамин Чарч родился в 1639 году в Плимуте. В молодости плотничал, но затем включился в торговлю с индейцами. Его отряд, который он сам собрал и подготовил к боям, был уникален. В нем состояло всего-то около 30 человек. Но почти все они были крещеными индейцами или профессиональными охотниками, трапперами и следопытами. Никаких войск специального назначения в те времена, конечно, не существовало, но отряд Чарча в какой-то мере послужил их прототипом. А еще Чарч оставил мемуары, позволяющие восстановить историю этой войны, которые, в том числе, использовал и автор этой книги.

Другим особым подразделением командовал капитан Сэмюэль Мозли, причем в данном случае его ранг имел морское происхождение. Мозли прежде был капитаном корабля. Власти не раз нанимали его и его судно для охраны побережья, борьбы с пиратами и контрабандистами. На фоне полной неподготовленности офицеров колониального ополчения к войне с индейцами, Мозли оказался одним из немногих, кто имел военный опыт. Костяк его отряда составляли его бывшие моряки, остальные были добровольцами и всяким сбродом, отчаянным отребьем, готовым служить за плату. Своих людей он готовил, как охотников за головами и всегда держал при себе свору собак, специально натасканных на травлю индейцев.

Поэтому его отряд соотечественники в насмешку называли «пиратами», или «бандой», индейцы же его боялись и ненавидели.

Типичное колониальное поселение Новой Англии того же времени

Практически все поселения колонистов не имели укреплений, даже частокола - 40 лет мира отучили их от необходимости такой защиты. Разросшиеся и превратившиеся в настоящие колониальные города Плимут и Бостон тоже давно снесли свои стены. Однако сразу после войны с пекотами власти учредили систему «гарнизонных домов».

В каждом селении выбирались наиболее крепкие, добротные, вместительные здания, становившиеся, в случае нападения, укрытием для жителей. Каждой семье указывалось, в какой именно такой дом она должна бежать в случае тревоги: мужчины - шли туда со своим оружием, запасом пороха и пуль, женщины вели детей и несли сумки с едой.

Хозяин «гарнизонного дома» становился в этом случае его комендантом, а командиром ополчения, в котором состояли все боеспособные мужчины поселения, в случае войны автоматически назначался мэри или староста.

В зависимости от величины городка в нем могло находиться от 1 до 5 и более гарнизонных домов.

Хотя с индейцами уже несколько десятилетий царил мир, система продолжала существовать, списки таких домов и ополчения регулярно проверялись и обновлялись, что спасло много жизней.

ГЛАВА - 40

ООРУЖЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ И ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Индейский воин с мушкетом - картина художника Роберта Гриффинга

Консервативные, прижимистые фермеры неохотно расставались со старыми ружьями, на вооружении английского колониального ополчения повсеместно оставался тяжелый фитильный мушкет первой половины 17 века. Он хорошо себя показал в ранних столкновениях индейцами.

Но те времена, когда краснокожий воин выходил в бой с одним луком и стрелами, канули в прошлое. На сей раз Объединенным Колониям противостоял принципиально новый противник. Парадокс, но индейское войско на тот момент было вооружено лучше, чем колониальное. Для колониста мушкет оставался средством защиты, его наличие в доме диктовалось условиями жизни во враждебном окружении. Брали его в руки только, когда местный капитан ополчения призывал владельца на сборы. И иногда – для охоты, которая для фермера была скорее развлечением, чем средством прокормить себя и свою семью. Индеец, напротив, вкусив однажды преимущество огнестрельного оружия, не расставался с ним день и ночь. Охота издревле была его главным занятием, каждый краснокожий воин стал прекрасным стрелком из мушкета и готов был выложить гору лучших шкур за самое современное ружье, которое стреляло бы дальше, лучше прежнего и быстрее заряжалось. В то время, как ополчение еще было вооружено фитильными ружьями, окрестные племена повсеместно перешли на мушкеты с ударным замком. У англичан такие мушкеты имели лишь немногие, кто предпочел ремесло траппера или профессионального охотника нелегкому фермерскому делу.

Формально продажа мушкетов краснокожим соседям колониальными властями была строго запрещена, а нарушители этого эмбарго преследовались. Однако корысть и долгие годы мира с индейцами побуждали белых торговцев постоянно нарушать запрет, даже несмотря на страх сурового наказания. Продавая ружье втридорога, английский торговец обогащался больше, чем сбывая медную посуду, ткани, ножи и прочие, подобного рода, обычные предметы торга.

Ружья племенам коннектикутской долины поступали также по торговым тропам, проходившим по землям дружественных им делаваров и могижан - мушкеты можно было свободно купить в голландской торговой фактории Форт Оранж на реке Гудзон, где никакого запрета на торговлю огнестрельным оружием не соблюдалось, а о причинах такого альтруизма мы поговорим позже, в главах, посвященных Новой Голландии.

Закаленный жизнью в лесу, легкий на подъем, индейский воин превосходил белого ополченца во всем: в меткости, скорости передвижения, потребностях в еде, и, даже, как видим, в вооружении. Индейцы не только научились превосходно обращаться с мушкетом, но и ремонтировать его, среди них появились свои искусные механики и кузнецы, в индейских селах имелись даже оружейные мастерские. Они только не могли изготавливать порох, и вынуждены были покупать его у англичан или тех же голландцев. Теперь несколько слов о театре грядущих военных действий (см. карту). Для простоты картины представим себе простой квадрат и назовем его «Новая Англия». Разделим этот квадрат на четыре равные части. Правая нижняя, с причудливо изогнувшимся в виде большого крюка полуостровом Кэйп-Код, – это владения колонии Плимут, охватывающие большой дугой родовые земли вампаноагов, вотчину вождя Метакомета - «короля» Филиппа.

Левая нижняя часть квадрата – мохегане, и только она осталась нетронутой войной – Ункас надежно держал в руках ключ к своим владениям.

Между территорией союзных англичанам мохеган и враждебных им вампаноагов вклинились земли нейтральных в начале войны наarraгансеттов. В это время ими правил вождь Канончет. Помня о страшной участи пекотов и их поселения Мистик, сожженного англичанами, а также, учитывая соседство коварного Ункаса с его мохеганами, Канончет построил свой главный поселок глубоко в глуши, среди болот, постепенно превратив его в форт по европейскому образцу. Фортификацией руководил один из его малых вождей, по прозвищу «Джон – Каменная Стена». Он долго жил среди белых, научился у них, как делать кирпичную кладку, строить деревянные дома, а также прочим строительным премудростям, за что и получил свою кличку. По совету Джона - Каменная Стена внутри частокола Канончет приказал поставить не обычные легкие хижины, как это было принято, а дома из бревен, причем с бойницами и узкими окнами, удобными для стрельбы. Англичане ничего не знали об этом форте: ни как он устроен, ни где находится. Когда произошли убийства в Сванси, положившие начало войне, Канончет поначалу решил соблюдать нейтралитет. Не удивительно, что англичане всеми силами стремились удержать наarraгансеттов от вступления в войну, а Метакомет, напротив, пытался вовлечь в свои ряды.

Теперь посмотрим на две верхние четвертинки нашей карты. Они почти посередине вертикально разделены рекой Коннектикут. Это Западный (левая часть) и Восточный (правая часть) Массачусетс. И то, и другое – владения самой большой, самой густонаселенной и богатой среди британских владений в Америке – колонии Массачусетского Залива, административным центром которой являлся Бостон. Именно тут и предстояло развернуться самым кровопролитными столкновениями. Колониальное присутствие здесь имело давние корни и давление европейцев на земли индейцев ощущалось особенно сильно. Их поселения гнездились в основном вдоль берегов реки Коннектикут.

В тех местах обитали племена индейцев нипмуков. Всего их насчитывалось около 3000 человек, примерно 40 небольших поселений.

Племена поменьше (покумтуки, агавами, норвоттоки и проч.) признавали верховенство нипмуков и составляли одну из тех неустойчивых индейских «конфедераций», которых было так много в Северной Америке.

Уже за пределами нашего квадрата, вверх от него, простирались земли абенаков, но они не так тесно соприкасались с колониями, с ними граничила меньшая из них – Мэн. Эта территория была совершенно изолирована от основных событий и поначалу война её не затронула, но все же не обошла стороной и боевые действия там шли еще год после того, как завершились на главном театре.

Все эти племена вместе взятые, не могли дать более 1500 воинов, причем Король Филипп не являлся главнокомандующим, ему подчинялось только его родное племя – вампаноаги. Но сила Филиппа состояла во всеобщей ненависти, которую испытывали к англичанам племена Массачусетского залива. Почти всюду, куда бы Филипп не направлялся, он встречал потенциальных союзников.

ГЛАВА - 41

НАЧАЛО ВОЙНЫ. ОСАДА БРУКФИЛДА

Нападение на Брукфилд. Индейцы пытаются поджечь дом Айриса

Смерть 9 колонистов, убитых в Сванси, поставили Бостон и Плимут перед фактом – война с индейцами, которой они так опасались, уже на пороге. Ее ещё можно было предотвратить – быстрыми и решительными действиями. Колониальное ополчение впервые за многие годы подняли не на учения, а по боевой тревоге. Нападение на Сванси произошло 23 июня, а уже 26-го туда прибыли две роты плимутской милиции. К ним на помощь Бостон послал свое ополчение. Призвали также индейских союзников.

Собственно говоря, только одно племя встало на сторону англичан – это мохегане Ункаса. Однако страх перед индейцами был так велик, что даже от своего верного вассала колониальные власти потребовали заложников. Ункас направил им своих родственников, включая дух сыновей. Всего мохегане могли выставить не более 350- 400 воинов. Половину из них Ункас отправил в Бостон, половина осталась защищать родные очаги.

Считая, что сил у них теперь вполне достаточно, англичане решили действовать – 30 июня ополчение выступило из Сванси и углубилось в земли вампаноагов. Король Филипп со всем племенем ушел на большие Покассетские болота. Ополчение не рискнуло последовать за ним в топь. Сторожить сашема остался капитан Хенчман с плимутским отрядом в 200 солдат. Массачусетские войска пока ушли. Чтобы окончательно запереть Филиппу выход из болота и заодно обезопасить себя, Хенчман принялся строить форт.

Но Король Филипп не стал отсиживаться в своём убежище, 1 августа, оставив на болотах всех своих женщин и стариков, он, с одними лишь воинами, только ему известными тропами ускользнул из ловушки. Форт, который построил капитан Хенчман, он просто обошел стороной. Обретя свободу маневра, Филипп собирался как можно скорее перебраться в долину Коннектикут, где рассчитывал найти себе союзников в лице местных вождей.

Дорога в Коннектикут была длинной и в одном месте, у селения Рехобот, ополчение перехватило индейцев. У англичан было около 150 человек, из них 70 мохеган. Сколько воинов вел за собой Филипп не известно, но, потеряв нескольких убитыми, он отступил. Англичане могли в тот же день закончить войну. Сашем находился почти у них в руках. Но ополчение в полной мере проявило свою слабость. Его командиру пришлось ждать, пока солдаты, призванные из Рехобота, сходят в город, повидать семьи. К тому времени, когда они вернулись, Филиппа и след простыл. В несколько переходов он достиг своей цели – долины Коннектикут, где надеялся на поддержку вождя нипмуков – Муттавампа.

Муттавамп ещё в середине июня увел свое племя из селений и засел на острове посреди болот, в нескольких милях от поселка Брукфилд. Правда, агрессивности пока не проявлял.

Узнав об этом, власти Объединенных Колоний, и без того озабоченные разрастанием конфликта, решили прибегнуть к проверенному методу – силовой дипломатии, чтобы заставить индейцев долины соблюдать нейтралитет. Для этого к нипмукам направили капитана Эдуарда Хатчисона. Ему следовало заключить с индейцами новый мирный договор и взять заложников в его подтверждение, для чего в качестве сопровождения и охраны он получил конную полуроту капитана Уиллера – 20 всадников. Местный торговец и охотник Эфраим Кертис, хорошо знающий тропы в лесах, должен был договориться о времени и месте переговоров.

Хатчисон прибыл в Брукфилд 1-го августа, когда ополченцы и Король Филипп сражались у Рехобота. К своей миссии он относился скептически. Кертис тоже прямо заявил ему, что считает затею опасной – племена по всей долине Коннектикут-Ривер, по его мнению, уже вышли тропу войны.

Но трое зажиточных жителей Брукфилда, прежде успешно торговавших с нипмуками, убедили капитана в дружеских намерениях вождя Муттавампа. Он ведь столько лет был их добрым соседом и при личной встрече с ними все уладится. Их убежденность передалась Хатчисону и он распорядился, чтобы Кертис все-таки попытался устроить встречу.

Тот повиновался. На его удивление, Муттавамп принял его, не высказав враждебности, и согласился провести переговоры на следующий же день. Место встречи вождь назначил сам, на его территории, то есть – на болотах.

Засада нипмуков на колонну капитана Хатчисона

В назначенное время, рано утром, англичане прибыли. Тропа, по которой они двигались, постепенно сужалась, пока не стала такой узкой, что по ней можно было продвигаться только по одному. По обе стороны тянулось болото, поросшее густым кустарником, слева возвышался лесистый холм. Колонна растянулась длинной, тонкой, извилистой цепочкой, в которой те, кто ехал последними, уже не видели своих товарищей, находившихся в авангарде.

Они ехали прямо в западню. Воины Муттавампа затаились в зарослях и, как только Хатчисон и его сопровождение втянулись в болото, открыли огонь. В этот раз в руках индейцев были не слабые луки, как в давние времена, а мушкеты: восемь англичан погибли на месте, в том числе и все трое уроженцев Брукфилда, уверявших Хатчисона в индейской дружбе. Остатки отряда обратились в бегство и примчались в Брукфилд с воплями: «Индейцы! Война!». Оба капитана были ранены, но Уиллер выжил, а Хатчисон некоторое время спустя скончался.

Индейцы гнались за ними по пятам. Муттавамп повел своих воинов прямо к Брукфилду, надеясь застать его жителей врасплох. Только лошади помогли колонистам, уцелевшим после расстрела на болотах, предупредить своих преследователей.

Брукфилд представлял собой обширное и процветающее фермерское хозяйство: два десятка домов, около 70 жителей.

В самом центре стоял большой, в два этажа, сложенный из толстых бревен, дом сержанта Айриса. На время войны ему отводилась роль местного «гарнизонного дома». Это был тот случай, когда система «гарнизонов» сработала. Она вообще оказалась достаточно эффективной и спасла за время войны множество жизней. Каждая семья знала, куда надо бежать в случае тревоги. Фермеры, хватая одной рукой оружие, другой – сумки с амуницией, поспешили под защиту крепких стен блокауза. Женщины, рыдая и причитая, вели за руки детей и брали с собой неизменную Библию.

Муттавамп привел 400 воинов, но обнаружил Брукфилд пустым, все население успело укрыться и забаррикадироваться в доме Айриса. Его окна оцетинились дулами мушкетов и первый же краснокожий воин, неосторожно сунувшийся под стены, получил пулю.

Индейцы отхлынули, рассеялись по всему Брукфилду и вскоре в разных его концах вспыхнули пожары, черный дым потянулся высоко в небо. От пламени уцелели только особняк Айриса, где укрылись колонисты, и несколько ближайших к нему построек, которые индейцы использовали как прикрытие.

Прячась в них, нипмуки весь день вели перестрелку с англичанами. Огромный дом огрызнулся ответным огнем, подступиться к нему было невозможно.

Муттавамп, в окружении своих советников и шаманов, ломал голову, как ему разгрызть этот твердый орешек. Попробовали испытанное средство – стрелы, с привязанной к древку горячей соломой. Оставляя в небе дымный след, они падали на крытую дранкой крышу. Кое-где она занялась, но защитники прорубили в крыше дыры и гасили огонь. Стрелы оказались слишком слабы, чтобы вызвать большой пожар.

Прошли сутки, а дом так и не был взят. На предложение сдаться его защитники ответили отказом, хорошо понимая, какая участь их ждет. Несколько индейцев, пытавшихся забросать неприступную твердыню факелами, нашли смерть у его порога. Разожженное ими пламя и в этот раз удалось загасить.

Оборонявшимся пока везло, но им приходилось туго. Дом был переполнен людьми, находившихся там в страшной тесноте. Дым от выстрелов и гарь, тянувшаяся снаружи, висели внутри удушливым облаком. Стояли раненые, дети заходились в плаче, женщины бились в истерике. Одна из них в воплях и муках рождала, произошедшая среди этого хаоса на свет двойню. Боеспособные мужчины стояли у окон, ведя ответный огонь, престарелые и подростки заряжали мушкеты или гасили огненные стрелы, все еще падавшие на крышу и залетавшие на чердак.

Заканчивался порох, было мало продуктов и совсем не было воды. Жажда и голод терзали так сильно, что двое из осажденных попытались сделать вылазку, чтобы попытаться раздобыть съестного и набрать воды из колодца. Оба были мгновенно убиты. Ликующие нипмуки отсекли одному из них голову, насадили на копье и выставили напротив окон: сдавайтесь, или вас ждет то же самое!

Но дом держался.

К ночи Муттавамп решил попытать другой способ. Индейцы соорудили что-то вроде сухопутного брандера. Раздобыв телят, они доверхо нагрудили ее всем, что могло гореть: соломой, лохмотьями, одеждой, найденной в разграбленных домах.

Группа специально отобранных воинов, покрепче и проворнее, стала шестью толкать воз по направлению к дому, подожгла его и без потерь вернулась к своим.

Пламя быстро занялось и перекинулось на дом, охватило его стену и поползло к крыше. Изнутри донесся крик ужаса, потом стих и послышалось молитвы. Осажденные прощались с жизнью.

В тот день господь Бог, неверное, был неподалеку и посчитал, что страдальцы испытали достаточно. Повеяло ветром, громыхнул гром, блеснула молния и на землю посыпались первые капли дождя. Затем хлынул ливень. Пламя, взлетевшее уже под самую крышу блокауза, шипя, угасало, пока не исчезло совсем. Во мраке никто не заметил, как из окна выскользнула темная фигура. Эфраим Кертис воспользовался грозой и, не замеченный, изскользнул мимо индейских постов.

За 30 миль от места этой драмы командир ополчения Мальборо капитан Саймон Уиллард гадал, что означает дым, поднимающийся за лесом. Уилларду уже исполнилось 70 лет, но он был еще крепок и полон энергии. Под его началом находилось конная рота, 50 всадников, но он боялся оставить город без защиты. К тому же дым еще не означал, что Брукфилд в беде, оттуда наверняка прислали бы за подмогой. Но посланцев не было.

Сомнения развеялись, когда в городок, изнемогая от усталости притаился Кертис и сообщил об отчаянном положении брукфилдского гарнизона. Уиллард более не колебался. Через несколько мгновений его кавалеристы уже скакали в Брукфилд. Подмога прибыла в тот момент, когда индейцы готовили новый брандер и уже собирались его к стенам блокауза. Стоял такой гвалт, что кавалерия Уилларда выскочила из леса и проскакала по полю к дому Айриса.

Всадники, частью спешили, открыв огонь в спины индейцам, другие в азарте, стреляя на ходу, проскакали к самым дверям дома Айриса, ввергнув нипмуков в панику, они стали разбегаться.

Капитан Уиллард и его подсолти кавалеристов какое-то время оставались в разоренном Брукфилде. Вскитен Еммул помогу Филиппа и шел по его следу от самого Рехобота, но без успеха.

Уиллард сделал из Брукфилда несколько вылазок, пытаясь определить, куда отошли индейцы. Но они удачно заматали следы. Муттавамп поспешил навстречу Филиппу и вскоре оба вождя встретились.

Война пришла в долину Коннектикут-Ривер. Никто больше не думал о переговорах.

ГЛАВА - 42

Лесное побоище, засада индейцев - рисунок художника Питера Денниса

ГИБЕЛЬ КОЛОННЫ РИЧАРДА БИРСА

Центром сбора колониального ополчения и его операционной базой в долине Коннектикут стал городок Хэдли (см. карту). Сюда же подошел вспомогательный отряд мохеган, присланный Ункасом. Сам вождь был уже стар, воинами командовал его сын Ованеко. По окрестным лесам в поисках скальпов и славы рыскала также «банда» Самюэла Мозли.

Военные действия здесь начались в августе 1675-го, вскоре после нападения на Брукфилд. Открыли их англичане, причем – неудачно для себя. Среди местных индейцев царили разброд и шатание. Одни сразу примкнули к Филиппу, другие еще колебались, третьи, такие, как норвоттоки, предпочитали держать нейтралитет. Однако майор Пинчон, командовавший здешним ополчением, считал, что они в любой момент могут примкнуть к восстанию. Массачусетские власти решили принять превентивные меры – к норвоттокам 25 августа направили отряд в 100 солдат под командованием Томаса Латропа и Ричарда Бирса. Они должны были разоружить индейцев, изъяв у них мушкеты, и взять заложников, чтобы обеспечить их дальнейший нейтралитет.

Движение крупного отряда не осталось незамеченным. Норвоттоки не стали искушать судьбу, снялись с места и ушли в трудно проходимые болота. Англичане застали только их еще теплящиеся, но уже пустые очаги.

В брошенном поселке оба офицера стали держать совет. Они не знали, куда индейцы двинулись и каковы их намерения. Была опасность, что норвоттоки попытаются напасть на лежащий неподалеку Хэтфилд. Сошлись на компромиссном решении: отряд разделили, меньшую часть его отправили в Хэтфилд для его защиты, главные силы под началом обоих капитанов двинулись по свежему следу беглецов, который вскоре привел их в заболоченный лес, очень удобный для засады.

Возможно, норвоттоки так и хранили бы свой нейтралитет, но, загнанные в угол, они решили дать бой. Когда англичане втянулись в болотистое дефиле, их встретил внезапный огонь индейцев. Ополченцы кинулись кто куда, в поисках ближайшего укрытия, бросая свою поклажу прямо в грязь. Сами обстоятельства вынудили их прибегнуть к индейской тактике. Противостояние превратилось в трехчасовую перестрелку, когда противники стреляли из-за деревьев, не видя даже лиц друг-друга. Бой продемонстрировал меткость индейцев и их умение обращаться с мушкетом - потеряв 9 человек убитыми, англичане решили отступить. Отряд вернулся в Хэдли, бросив своих мертвецов в лесу, где пули индейских стрелков не давали возможности их подобрать.

Поход дал результат, прямо противоположный тому, которого от него ждали – разозленные норвоттоки присоединившись к другим племенам, уже примкнувшим к восстанию. Вся долина поднялась против англичан, признав Короля Филиппа своим верховным вождем.

Индейцы поначалу благоразумно держались подальше от Хэдли, с его сильным гарнизоном, выбрав себе целью небольшие изолированные поселки: Дирфилд, Нортфилд и другие.

Сначала подвергся нападению Дирфилд. Отряд в 60 воинов заставил колонистов искать убежища в домах, несколько отдельно стоящих жилищ было сожжено, но внезапности нападавшим достичь не удалось, убитых среди жителей не было.

Меньше повезло обитателям Нортфилда, наиболее удаленного и изолированного из всех английских селений на Коннектикут-Ривер. Новости сюда доходили с опозданием и здесь еще ничего не знали о начавшейся войне, что привело к жертвам. Смешанная группа воинов разных племен, которую привел вождь Моноко, убила на полях 8 безоружных фермеров, остальные в панике бежали в поселок.

Взять его индейцы не смогли, даже и не пытались, Нортфилд, в силу своей удаленности, был при строительстве на редкость хорошо укреплен его жителями: 17 крепких деревянных домов окружал сплошной частокол с бойницами, внутри располагался еще и блокгауз.

Удовлетворившись восемью скальпами, Моноко увел свой отряд. Едва индейцы ушли, колонисты немедленно послали за помощью.

Власти массачусетской колонии, решив, что защитить Нортфилд, находившийся так далеко в глуши, все же нельзя, приняв решение о его эвакуации. Но население поселка было слишком слабым, чтобы выступить и защитить себя на марше собственными силами, да к тому же 8 его боеспособных мужчин уже погибли. Не хватало и лошадей, чтобы вывезти имущество и женщин с детьми, не способных долго идти пешком. Поэтому в качестве эскорта его должен был сопровождать конный отряд в 36 человек под командованием Ричарда Бирса. Для перевозки поклажи поселенцев ему дали повозки, запряженные быками.

Уже наступила осень. Колонна Бирса выступила из Хэдли 3 сентября и медленно поползла узкой проселочной дорогой, которая вела в Нортфилд и была хорошо известна не только англичанам. Повозки все время тормозили движение и Бирс не смог к закату достичь своей цели. Он раскинул небольшой лагерь прямо у тропы, где и заночевал.

Утром англичане продолжили свой путь, не подозревая, что за ночь индейцы подготовили им встречу. Место для засады они выбрали очень удачное, там, где тропа шла вдоль русла ручья, имевшего высокие берега, густо заросшие деревьями и кустарником.

Бирс, накануне решил спешить своих людей, лошадей он оставил у места ночной стоянки на попечение нескольких солдат, а с остальными и своими громоздкими бычьими упряжками продолжил движение. Ни о каком фланговом охранении, разведке и прочих предосторожностях капитан Бирс не позаботился. Как и большинство предводителей колониального ополчения, он не был профессиональным солдатом.

Индейцы взяли его колонну в классические клещи: одна группа воинов, засев с обеих сторон по берегам ручья, открыла огонь по авангарду, а когда, теряя людей, англичане подались назад, их встретил меткий огонь с тыла. Клещи замкнулись.

Отдать должное Ричарду Бирсу, он сумел мобилизовать уцелевших, пробиться с ними вперед, на открытый участок, а оттуда – на холм, поросший густым кустарником. Все это время индейцы продолжали активно обстреливать их, ответный же огонь англичан слабел, по мере того, как их становилось все меньше.

На холме у Бирса осталось всего несколько человек, а когда пуля настигла их храброго, но неудачливого командира, никто уже не думал о том, чтобы сражаться, колонисты бежали и стали легкой добычей преследователей.

Практически весь отряд был уничтожен: потери англичан составили 21 человек убитыми. Только 13 вернулись назад, это были те, кто остался сторожить лошадей.

Через два дня из Хэдли к месту побоища подошел майор Триэт с ротой коннектикутского ополчения, 100 человек. Он подобрал и предал земле трупы.

Триэт застал жуткую картину, типичную, впрочем, для всех индейских войн. Убитых оскальпировали, некоторым отрубили головы, насадив их на колья – чтобы устроить тех, кто придет за ними. Одного, видимо еще живым, насадили за челюсть на крюк и повесили на железной цепи на дереве.

Нашли и тело капитана Ричарда Бирса, которого здесь же и похоронили, а также, двух чудом уцелевших его солдат. Одному удалось бежать после боя и укрыться в зарослях. Второй нашел себе яму, забрался в нее, забросав себя листьями, и лежал в ней, пока индейцы, чьи голоса он отчетливо слышал, не ушли, предварительно забрав у мертвецов оружие и припасы.

ГЛАВА - 43

УНИЧТОЖЕНИЕ ОТРЯДА КАПИТАНА ЛАТРОПА

Индейцы добывают остатки отряда Латропа у ручья Муди Крик

Вдохновленные своими успехами, племена долины Коннектикут продолжили свои нападения. Лакомой добычей оставался для них плохо защищенный Дирфилд и они вторично атаковали его. Фермеры отсиделись в гарнизонных домах, но не смогли уберечь свое имущество: нападавшие опять спалили часть строений и едва не уничтожили амбары с зерном, куда только что собрали весь летний урожай. Наступал зима, колониям в условиях войны грозил голод, поэтому власти решили вывезти хлеб из Дирфилда в Хэдли, выделив для этой цели отряд капитана Томаса Латропа. Он получил в свое распоряжение достаточно большие силы - 80 пеших солдат ополчения и конный обоз.

Томас Латроп начал свой марш 18 сентября. Его колонна двигалась очень медленно из-за обоза, поэтому не удивительно, что индейцы о ней узнали и решили перехватить.

Латроп успешно справился с первой частью своей задачи, он благополучно прибыл в Дирфилд, радостно встреченный его напуганными обитателями, загрузился зерном, и двинулся в обратный путь. Чувствовал он себя в относительной безопасности, поскольку недалеко находились «пираты» капитана Мозли и большой, почти в 200 человек, отряд Триэта, состоявший из коннектикутской милиции и мохеган, пытавшиеся отыскать потайные лагеря индейцев и упредить нападения на свои селения.

Но индейцы, прекрасно знавшие местность, проскочили между ними и подстерегли колонну Латропа в самом удобном для засады месте, там, где тропа пересекала ручей, называвшийся Муди Крик - «Грязный Ручей».

На переправе английский обоз остановился. Повозки вязли в грязи. Часть солдат пытались их вытащить, сложив в фуры оружие, а другие до того расслабились, что разбрелись вдоль берега, чтобы полакомиться дикорастущим виноградом. Они рвали сочные гроздья, не догадываясь, что находятся на прицеле индейских ружей.

Первый же залп посеял в рядах неопытного воинства Латропа хаос. У их предводителя не было даже возможности попытаться организовать оборону. Индейцы уже освоили практику – первыми убивать офицеров, чтобы дезорганизовать врага. Томас Латроп погиб при первых же выстрелах.

В четырех-пяти милях от Грязного Ручья в момент нападения находился капитан Мозли со своей «бандой». Заслышав мушкетный огонь, он немедленно поспешил к месту боя. Но опоздал. Меткие стрелки, индейцы почти не давали промаха по такой прекрасной мишени, как скученная, дезорганизованная толпа, метавшаяся между повозками. Ответный огонь англичан был редок и неэффективен.

Когда Мозли, наконец, подоспел, в ручье и на его берегах валялось 57 трупов (40 ополченцев и 17 фермеров, которые служили возницами). Отряд Латропа практически перестал существовать.

Мозли ничего уже не мог сделать. Он вдруг обнаружил, что из охотника сам стал дичью. Его отряд попал в окружение, как ранее отряд Латропа, и вынужден был занять круговую оборону среди деревьев, с той лишь разницей, что большинство его людей являлись бывалыми вояками. Перестрелка затянулась до полудня. Мозли потерял 11 своих «пиратов» убитыми и ранеными, и, как он позже признавал, считал, что уже все потеряно, поскольку кончился порох.

Но внезапно огонь индейцев прекратился. К англичанам, наконец-то пришла помощь – вождь Ованеко, сын Ункаса, привел 70 своих мохеган. Это был союзный авангард майора Триэта, патрулировавшего окрестности, за ним подтягивались основные силы многочисленной, но неповоротливой коннектикутской милиции.

Как только это внушительное подкрепление появилось на сцене, бойня при Муди Крик закончилась. Грязный Ручей, где погибло столько людей, позднее переименовали, его стали называть «Блуди Крик» – «Кровавый ручей».

Беспечность капитана Латропа обошлась очень дорого. В братской могиле англичане похоронили более 60 человек. Сколько воинов недосчитались индейцы, не известно, скорее всего они отделались совсем незначительным уроном.

Разгром отрядов Бирса и Латропа деморализующе подействовал на англичан, у племен коннектикутской долины, напротив, вызвал подъем боевого духа. Развеялся укоренившийся еще со времен войны с пекотами миф о том, что белые непобедимы и с ними невозможно воевать. Оказалось – возможно. И побеждать, и убивать, и грабить их жилища – тоже.

Во главе коннектикутского ополчения стоял майор Джон Пинчон, владелец многочисленных мельниц, преуспевающий торговец, но человек не военный, не готовый к таким суровым испытаниям, что он и сам начал понимать. Через месяц после бойни у Муди Крик он стал собирать все имеющиеся силы в Хэдли, неразумно оставив без защиты другие селения.

Индейцы воспользовались этим и числом в 200-300 воинов напали на поселок Спрингфилд. У горожан едва хватило времени, чтобы забаррикадироваться в гарнизонных домах и послать за Пинчоном. Только сейчас тот понял свою ошибку. Майор привел на помощь 200 вооруженных колонистов, но только для того, чтобы обнаружить Спрингфилд в дымящихся руинах. После налета в городе остались целы всего несколько зданий.

В октябре 1675-го года колониальный Совет удовлетворил просьбу майора Пинчона об отставке. Его заменил такой же гражданский майор Сэмюэл Апплетон. Другого человека на этот пост просто не нашлось под рукой.

Не зная, с какой стороны последует новое нападение, Апплетон решил реорганизовать систему обороны долины. Раньше главные силы стояли в Хэдли. Апплетон рассредоточил их в треугольнике: Хэдли – Хатфилд – Нортхэмптон (см. карту). Расстояние между каждым из этих поселков можно было преодолеть за день, так что в случае нападения на один, соседний гарнизон мог прийти на помощь. Менее защищенный Нортхэмптон начали обносить сплошным частоколом, подобно тому, который уже имел Хэтфилд. Города более удаленные, уже подвергшиеся нападению и почти полностью разрушенные, такие как Спрингфилд, Нортфилд, эвакуировали.

Едва удалось провести эту реорганизацию, несколько сот индейцев появились у Хэтфилда с намерением атаковать его. По новой диспозиции город защищал не только слабосильный «гарнизон», но и присланная из Бостона рота капитана Джонотана Пула, усиленная «бандой» Сэмюэля Мозли. Капитаны немедленно послали за подкреплениями в Хэдли и Нортхэмптон.

До сих пор городки, подобные Хэтфилду (в нем проживало 300 жителей) становились для индейцев легкой добычей. Неожиданно мощный отпор совершенно расстроил их атаку, а когда появился Апплетон с подкреплением из Хэдли, они в панике рассеялись по окрестностям. Преследовать их не имело смысла, они уже скрылись в лесах.

В этом бою англичане практически не понесли потерь – погиб только один солдат и пуля пробила Апплетону шляпу. Впервые с началом войны колонисты добились хоть какого-то успеха.

Наступающая зима дала временную передышку. Индейцы традиционно ушли на свои тайные зимние квартиры. Воевать они предпочитали летом.

ГЛАВА - 44

СРАЖЕНИЕ НА ЗАМЕРЗШЕМ БОЛОТЕ

Штурм английским ополчением индейского форта на Большом болоте

Самое большое и сильное племя в Новой Англии, нагарагансетты, которыми в то время правил вождь Канончет, в восстании поначалу не участвовало. Однако власти Объединенных Колоний не были уверены в их нейтралитете и к нагарагансеттам на переговоры отправили отряд скаутов Бенджамина Чарча. Он на две трети состоял из крещеных индейцев, остальные были трапперами и охотниками, привычными к жизни в лесу. Идея собрать такой отряд принадлежала самому Чарчу, а связи губернатором Плимута - Уинслоу, позволили изыскать средства в казне на плату рейнджерам. Такого термина тогда не употребляли, а уж тем более не существовало подобного рода войск, но именно с этим отрядом в современной американской армии связывают их первое появление.

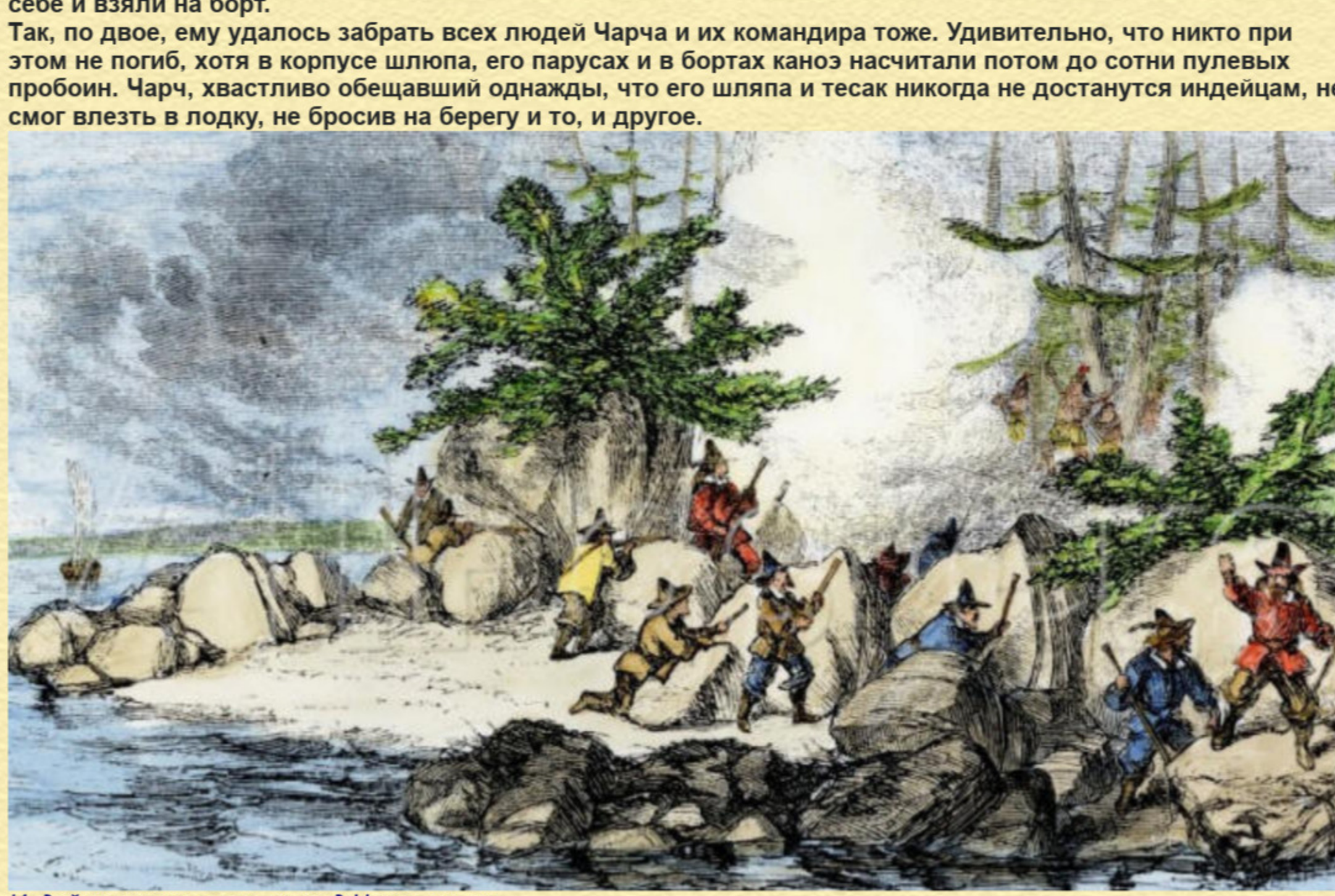
Чарч немедленно отправился в путь. Достигнув владений Канончета, он обнаружил, что нагарагансетты бросили свои села и, как это обычно делали индейцы во время войны, укрылись в лесах или на болотах. Продолжив поиски, Чарч едва не погиб вместе со всем отрядом. Двигаясь вдоль реки, скауты наткнулись на стоянку индейцев, где собралось около 400 воинов. Были это, несомненно, нагарагансетты, ведь отряд шел по их землям, настроены они оказались враждебно и англичанами пришлось спасаться бегством. Видя, что его окружают, Чарч отвел отряд к самой воде. Индейцы не отставали, загребли первые выстрелы. Прячась за прибрежными валунами, скауты стали отвечать на вражеский огонь. Индейцы подбирались все ближе, соседние скалы и деревья были буквально усеяны краснокожими стрелками, их пули в крошку дробили камень.

Здесь и нашел бы, наверное, безрадостный конец Бенджамин Чарч и никогда не написал бы книгу о своих приключениях, откуда многие авторы, включая и меня, черпают сведения о войне Короля Филиппа и, в частности, об этом эпизоде.

Спас его и его людей случай. Стрельбу услышал торговец Роджер Гулдинг, проплывавший мимо на своем шлюпе. На счастье Чарча и всего его отряда, Гулдинг не дал деру, а проявил недюжинную храбрость. Не раздумывая, он повернул к берегу, но подойти не смог из-за мелей и камней.

Находчивый капитан нашел способ, как выволочить попавших в беду соотечественников. Он поднялся чуть выше по течению, встал там на якорь и на канате спустил пустое каноэ. Волнами его пригнало к берегу и два человека, прячась за валунами, улеглись на дно. Гулдинг с его командой потихоньку подтянули их к себе и взяли на борт.

Так, по двое, ему удалось забрать всех людей Чарча и их командира тоже. Удивительно, что никто при этом не погиб, хотя в корпусе шлюпа, его парусах и в бортах каноэ насчитали потом до сотни пулевых пробоин. Чарч, хвастливо обещавший однажды, что его шляпа и тесак никогда не достанутся индейцам, не смог влезть в лодку, не бросив на берегу и то, и другое.

Индейцы прижимают отряд Чарча к реке

Было очевидно, что, если нагарагансетты не останутся в стороне от войны, и, несмотря на приближающую зиму, власти Объединенных Колоний решили нанести упреждающий удар по Канончету, разгромить его племя прежде, чем он сам следующей весной обрушится на них. Проблема заключалась в том, что никто толком не знал, где сам Канончет и где, в каких потайных убежищах, зимуют нагарагансетты. По слухам, их вождь построил себе новую столицу на одном из больших болот в Род-Айленде (см. карту). Для такого масштабного предприятия требовалось много солдат, их принялись стягивать со всей Новой Англии. Плимут выставил 160 ополченцев, Бостон – 527, майор Роберт Триэт привел 300 коннектикутцев и 150 мохеган.

Более удаленные колонии, такие как Мэн и Нью-Йорк не выставили ни одного солдата. Нью-Йорка война вообще не коснулась и он не входил в конфедерацию Объединенных Колоний. Еще недавно эта колония была голландской. Слабый Мэн едва справлялся с собственными проблемами, там внезапно восстали абенаки. В стороне от войны оставались также Вирджиния и Мэриленд.

Но и без того для похода против нагарагансеттов набралось 1100 человек, такого количества войск с начала колонизации Америки, собранных в одном месте, Новая Англия еще не видела.

В эту массу входил и маленький отряд разведчиков Бенджамина Чарча. Командование над ней принял губернатор Джошуа Уинслоу, с этого момента – «генерал» Уинслоу.

Стоял декабрь и всюду уже лежал густой снег, когда многочисленное ополчение стянулось в селение Викфорд, назначенное местом сбора.

Слухи, а затем и явные признаки готовящегося вторжения обеспокоили нагарагансеттов. Почти все племя собралось в столичном поселке, превращенном стараниями индейцев в настоящий форт. Строительством его руководил один из вождей, по прозвищу «Джон – Каменная Стена». Это была не просто кличка, «Джон – Каменная Стена» в молодости отправился жить, работать, но, главным образом, учиться у белых, там и освоил строительные премудрости, даже умел делать кирпичную кладку.

Но кирпича у нагарагансеттов, разумеется, не было, вместо каменной стены вокруг селения возвели частокол с площадками для стрельбы и дубовыми воротами. Через них в форт вела лишь одна дорога, через искусственную гать, а сам форт стоял на острове посреди обширных топей.

Генерал Уинслоу ничего не знал о том, что такой форт существует. Он даже не представлял себе, где точно находится главное селение индейцев, его армия выступила из Викфорда, не ведая дороги, она шла в Род-Айленд наугад.

По мере продвижения, англичане встречали брошенные селения нагарагансеттов. В одном поселке им повезло, они нашли крещеного индейца по имени Питер. Он и рассказал о тропе, ведущей к тайному убежищу индейцев на болотах. Без него ее вряд ли удалось бы найти, поскольку она была занесена снегом. «Питер» рассказал, что в поселке стояло более 500 хижин, а значит там могло находиться около 1000 воинов, а кроме того - много беженцев, женщин и детей, из племен, сражающихся за Короля Филиппа.

С таким ценным проводником объединенное колониальное войско в ледяную стужу, метель продолжило путь, пройдя по сугробам и чаще 12 миль.

К полудню 19 декабря оно достигло своей цели – крошки обширного болота.

Погода с одной стороны заставила англичан страдать от холода, с другой – сыграла им на руку. Болото окружало форт со всех сторон, что делало укрепление почти неприступным. Но сильный декабрьский мороз покрыл болото толстым льдом. Дорога к индейской твердыне оказалась открытой. У нее также обнаружилось слабое звено: один из участков деревянной стены оказался не завершен, его перекрыли наспеш возведенной баррикадой. Сюда генерал Уинслоу и решил направить свою атаку.

Массачусетское ополчение, самое крупный контингент армии, и мохегане подошли к форту первыми. Утомленные 12-мильным маршем по снегам и чащобе, ополченцы, тем не менее, проявили завидное упорство и храбрость. Их встретил интенсивный огонь индейских ружей. Состоявшей при армии капеллан

Джозеф Дадли утверждал, что за время штурма, длившегося около часа, защитники форта сделали несколько тысяч выстрелов.

Англичане сразу понесли тяжелые потери. Верные своей тактике, индейцы метили сначала в командиров. Погибли несколько капитанов и лейтенантов. В ненавидимого индейцев Сэмюэла Мозли они стреляли много раз, но он чудом выбрался из побоища без единой царапины.

Сильно досталось и мхеганам, они потеряли треть своих воинов.

Нападающим удалось проникнуть за частокол, но продвигаться вглубь они не смогли. Индейцы перегородили проход, прокинув в частокол, и засели в своих жилищах, откуда сквозь амбразуры вели непрерывный огонь. Их дома, по совету Джона-Каменная Стена были построены из бревен, а не из тонких веток, и были, по словам Чарча, «пуленепробиваемые».

Волна атакующих отхлынула, первая атака на Форт Канончет, как его прозвали белые, провалилась.

Уинслоу перегруппировал свои силы, в помощь массачусетскому ополчению он ввел в бой свежие отряды: солдат из Плимута, Салема и другие, еще не участвовавшие в бою подразделения. Потрепанных мохеган, отказавшихся проливать дальше свою кровь, отвели в резерв. Артиллерией он не располагал, но солдатам раздавали факелы, приказав поджигать, все, что может гореть, чтобы выкурить индейцев из их «пуленепробиваемых» домов.

Но заледенелое дерево и толстые бревна плохо поддавались огню, обитателям Форты Канончет удалось избежать участи Форты Мистик, где во время давней войны с пекотами сгорели все, кто находился внутри: и воины, и их семьи.

С начала штурма, уже стоившего больших потерь, Бенджамин Чарч, составивший описание этого сражения, находился при генерале Уинслоу, который решил держать при себе своего лучшего разведчика. Но неумная натура Чарча звала его в бой. Взяв 30 своих скаутов, он поспешил присоединиться к битве.

Внутри частокола Чарч, по его словам, застал форменную бойню, по земле нельзя было ступить, не наткнувшись на мертвое тело. Люди падали у него на глазах:

«Я увидел капитана Гарднера, который узнал меня и махнул мне рукой, – писал он в своих мемуарах, – Но вдруг он упал. Когда я подошел, кровь хлестала из круглого отверстия в его щеке, он был ранен пулей в голову. Я позвал его по имени, но он не ответил, поскольку уже умирал».

Но огонь индейцев ослабел. Причина была банальная – у них почти вышел порох. Часть хижин, те, что наспеш возвели беженцы, все же загорелась, между ними в панике метались индейские скво с детьми.

Оборона нагарагансеттов пришла в беспорядок, они стали группами покидать форт через задние ворота. Бенджамин Чарч стал преследовать одного из таких групп и получил сразу три пули: в грудь, в бок и в бедро. Скауты вынесли с поля боя своего тяжело раненного командира.

На этом сражение фактически завершилось. Частично охваченный огнем, Форт Канончет достался англичанам. В отместку за потери, они раздули пожар, бросая в огонь порох, пока от частокола и жилищ победы была куплена дорогой ценой. За нее заплатили жизнью 68 колонистов, включая 3-х капитанов: Данфорда, Гарднера и Джонсона, 150 ополченцев получили ранения разной тяжести, 60 из них позже скончались, увеличив число погибших до 128. Оказать полноценную медицинскую помощь в походных условиях и при таком морозе, да еще учитывая уровень тогдашней медицины, не представлялось возможным.

Потери индейцев точно не установлены. Победители как всегда преувеличивают свой успех, большинство историков называет цифру в 300 погибших (не уточняя, идет ли речь только о воинах, или их семьях).

Капитан Мозли, по его словам, впоследствии рассказывал Чарчу, что насчитал внутри частокола только 60 мертвых индейцев.

Есть и другие цифры, которые оставил торговец - Теффт, единственный белый, находившийся в форте в момент атаки. Этот друг индейцев ушел вместе с ними, когда они отступили, и вернулся, когда англичане указывали пепелище. Индейцы утверждали, что индейцы подошли к форту, но не смогли его взять, указывая, при этом, воины это были, или же члены индейских семей, которыми не повезло. Раненных, по его же словам, среди покинувших форт насчитывалось 48.

Поход Уинслоу не достиг намеченной цели. Обе стороны понесли большие потери, но нагарагансетты не были разбиты. Их основная масса отступила в леса вместе с вождем. Англичане даже не смогли воспользоваться скромными плодами своей победы. Чадавшие развалины индейского форта нельзя было использовать как базу для дальнейших операций в этом районе.

Да генерал об этом и не думал. Сразу после сражения к нему подошел командир коннектикутского ополчения товарищ и заявил, что его отряд, понес такие потери, людей так обессилили и поданы гибелью товарищей, что вести их снова в бой он не сможет, следует немедленно возвращаться.

Уинслоу так и поступил. Не предприняв даже попытки преследовать индейцев, которые были обременены своими семьями и не могли уйти далеко, ополчение потащилось по снегам обратно, унося раненых и убивших, которых и не могли уйти далеко. На обратном пути в Бостон так остро страдала от нехватки продовольствия, что ее возвращение называли «голодным маршем».

Самым негативным последствием похода стало окончательное решение вождя Канончета открыто выступить в войне на стороне Филиппа. Если раньше он только укрывал его раненых и семьи его воинов, то теперь у него и выбора-то не оставалось, как поднять свой томагавк.

ГЛАВА - 45

ПОБЕДЫ И СМЕРТЬ КАНОНЧЕТА

Семья колонистов-пуритан отбивается от нападения индейцев

До весны индейцы не предпринимали активных действий, традиционно отсиживались в своих селениях. С приходом оттепели 1676 года все изменилось. В отместку за разгром их столицы, наррагансетты обрушили свой гнев на ближайших соседей – самую слабую область Объединенных Колоний, Род-Айленд (см. карту). Англичане предполагали подобное развитие событий и сюда из Плимута, на усиление местного ополчения, был специально направлен капитан Майкл Пирс с его иррегулярной ротой. Этого было явно недостаточно – верховный вождь Канончет имел в своем распоряжении не менее 500 – 700 воинов и со всей этой силой в марте вторгся в Род-Айленд. Буквально за три дня цветущий край превратился в руины: два самых крупных его административных центра были разрушены, а отряд Пирса уничтожен.

Вот как развивались события. У Пирса в общей сложности, с учетом подкрепления, которое он получил на месте, набралось 63 ополченца и 20 дружественных (крещеных) индейцев, которых он привел собой. Его отряд встал на постой в Рехоботе. Отсюда он совершил несколько рейдов с целью перехватить военные партии индейцев, появления которых ожидали и боялись.

Наррагансеттов видели у Большого водопада на реке Пахватуку. Получив эти сведения, Пирс немедленно выступил, подошел к водопаду и столкнулся с небольшим отрядом индейцев, которые, сделав несколько выстрелов, тотчас отошли. Нагнать их капитан не смог, его люди выдохлись, и он вернулся в Рехобот на отдых.

Однако уже на следующий день вновь выдвинулся к водопаду.

Ему повезло, как он думал, судьба послала ему в этот день легкую добычу - англичане заметили несколько воинов Канончета.

Более опытный солдат, чем Пирс, который подобно большинству колониальных офицеров числился таким лишь по списку, а не по военным заслугам, заподозрил бы ловушку. Но капитан клюнул на удочку, весь его отряд азартно стал преследовать индейцев.

Погоня длилась недолго. Беглецы навели англичан на засаду. Наррагансетты, применили примитивный, но эффективный камуфляж, раскрасив себе лица, и даже тела целиком, черной краской и сажей, чтобы не выделяться в тени деревьев. Числом они превосходили англичан минимум втрое - четверо.

Часть из них обошла отряд Пирса с тыла, другие зашли с флангов и взяли сотню солдат в плотное кольцо. Капитан вынужден был расставить своих стрелков в круг, спиной друг к другу, прямо посреди леса. Грохот выстрелов сливался с шумом недалекого водопада – невольного свидетеля начавшегося сражения.

Ожесточенный бой длился два часа и пока у колонистов был порох, им удавалось успешно сдерживать индейцев. Но едва их огонь стал стихать, все быстро закончилось. Сам Пирс, 55 его ополченцев и 10 союзных индейцев нашли у Большого водопада свою смерть. Восемь солдат попали в плен, но только для того, чтобы закончить свою жизнь в мучительных пытках. Их тела обнаружили позже, все восемь, как и прочие, были оскальпированы.

Только с десятком союзников-индейцев, благодаря своей природной ловкости, сумели выбраться невредимыми и поведать о том, что произошло. Некоторые из них, когда стало ясно, что отряд разгромлен, натерли себе лица черным порошком и сумели проскользнуть сквозь линию наррагансеттов, ничем другим по виду от них не отличаясь. Другие прикинулись мертвыми, затем, улучив момент, встали и смешались с воинами Канончета, среди которых сошли за своих благодаря родственному языку.

Трое спаслись благодаря еще одной уловке: один бросился бежать, что было сил, преследуемый двумя своими воинственно воящими товарищами, словно преследовавшими его, и так все трое промчались сквозь толпу победителей.

Разгром отряда Пирса был полным - никто из белых не выжил. Одержав эту решительную победу, Канончет немедленно двинулся к Рехоботу. Его жители были полностью деморализованы гибелью плимутской роты и не посмели, да и не могли защитить город, решив отсидеться в нескольких крепких гарнизонных домах и построенных с началом войны двух блокгаузах.

Канончет привел с собой в Рехобот 500 воинов. Они спалили более 40 домов. Горожане из своих убежищ с ужасом смотрели, как занимается огнем и превращается в пепел их родной город.

Рехобот погиб в пламени 28-го августа, а 29-го та же судьба постигла и Провиденс. Это цветущее, утопающее в садах, прибрежное селение насчитывало около 400 жителей. Ополчением здесь командовал 77-летний старожил тех мест Роджер Уильямс. Его давние торговые связи с наррагансеттами внушили ему мысль предпринять смелую попытку спасти город. Рисковую жизнью, он отправился на встречу с Канончетом. Индейцы узнали его и не тронули, сам их грозный вождь тепло приветствовал парламентаря. – Напрасно ты ведешь своих воинов, – принял убеждать тот вождя. – Наш великий король пришлет на место тех, кого ты убьешь, новых солдат.

– Пусть приходят. Мы их встретим. – гордо ответил сашем. – Но ты, наш старый добрый друг, не опасайся, тебя мы не обидим.

Уильямса отпустили, а 29 августа Провиденс запылал, как огромный костер.

В обоих городах, Провиденсе и Рехоботе, после набега наррагансеттов осталось менее десятка целых зданий. Население не пострадало, но, лишенное крыши над головой, вынуждено было искать убежища в Бостоне и Плимуте, и без того уже переполненных беженцами.

На родные пепелища колонисты вернулись только после войны, но тогда, весной 1676 года, казалось, что конца ей не видно. Индейцы наносили удар за ударом и так стремительно исчезали, что неповоротливое колониальное ополчение не могло за ними угнаться. Восстание бушевало подобно торнадо: угаснув в одном месте, оно перемещалось в другое и там вновь обретало свою сокрушительную силу. В течение лета и начала осени Канончет атаковал также и частично разрушил городки поменьше: Кротон, Ланкастер, Мидфилд.

Хищники и добыча - картина художника Джона Бакстона

Один из его младших вождей, Тотоссон, подобрался даже к самому Плимуту. Здесь, в трех милях от города, располагалась ферма Кларка, громко именовавшаяся «гарнизон». Несколько мужчин, составлявших собственно, «гарнизон», на самом деле – две большие семьи, не смогли уберечь свои дома и близких, ферма была разрушена и сожжена. Со всеми, кто в ней находился, включая 11 женщин и детей, Тотоссон расправился безо всякой жалости.

Выжил только один, сын владельца фермы, Кларка. Его нашли, всего в крови, с проломленной томагавком головой. Плимутский врач провел уникальную для своего времени операцию – вставил Кларку-младшему в череп серебряную пластину и ушил рану.

Никто не знает, где индейцы нападут в следующий раз, весь край в ужасе ждал новых смертей.

Но после всех этих громких успехов Каночету пришлось распустить свое войско из нескольких сот воинов. Прокормить такую армию он не мог, большая часть его запасов погибла еще зимой во время штурма и пожара его боковой столицы. С голодом индейцы боролись привычным способом – разбивались на мелкие группы, так было легче прокормиться.

И полутысячная армия наррагансеттов распалась на множество мелких, слабых отрядов.

Сам Канончет с 30 воинами укрылся на берегу Павкатук-Ривер. Здесь он чувствовал себя в относительной безопасности. Да и как могло быть иначе, ведь он нанес такие поражения бледнолицым, что мог с полным правом называть себя хозяином Род-Айленда.

Но англичане уже торопливо стягивали свои отряды в мятежный край. Один из них, роту коннектикутского ополчения, 47 солдат и 80 мохеган, вел капитан Денисон. Индейские союзники оказали капитану неоценимую услугу - по следам в лесах они вывели, где находится лагерь Канончета. Капитан немедленно поднял свой отряд и повел его к секретной стоянке наррагансеттов.

Не только белые проявляли в этой войне преступную беспечность, но и воинственные «дети природы», с их-то врожденной осторожностью и обостренным нюхом на опасность. Англичане напали так внезапно, что воины Канончета стали спасаться бегством, не сделав и выстрела. Вождя тоже бежал, столь поспешно, что бросил свой плащ и даже отличительный знак своего высокого ранга: богато расшитый вампумом пояс сашема.

Спасаясь от погони, он поскользнулся в грязи, упал в реку, где, потерял свой мушкет, а и с ним - и волю к сопротивлению.

Англичане выловили его из воды и отправили в Коннектикут.

Колониальные суды недолго выносили вердикт. Узнав, что его приговорили к смерти, Канончет сказал:

«Лучше умереть быстро, чтобы с моих уст не сорвалось слово слабости».

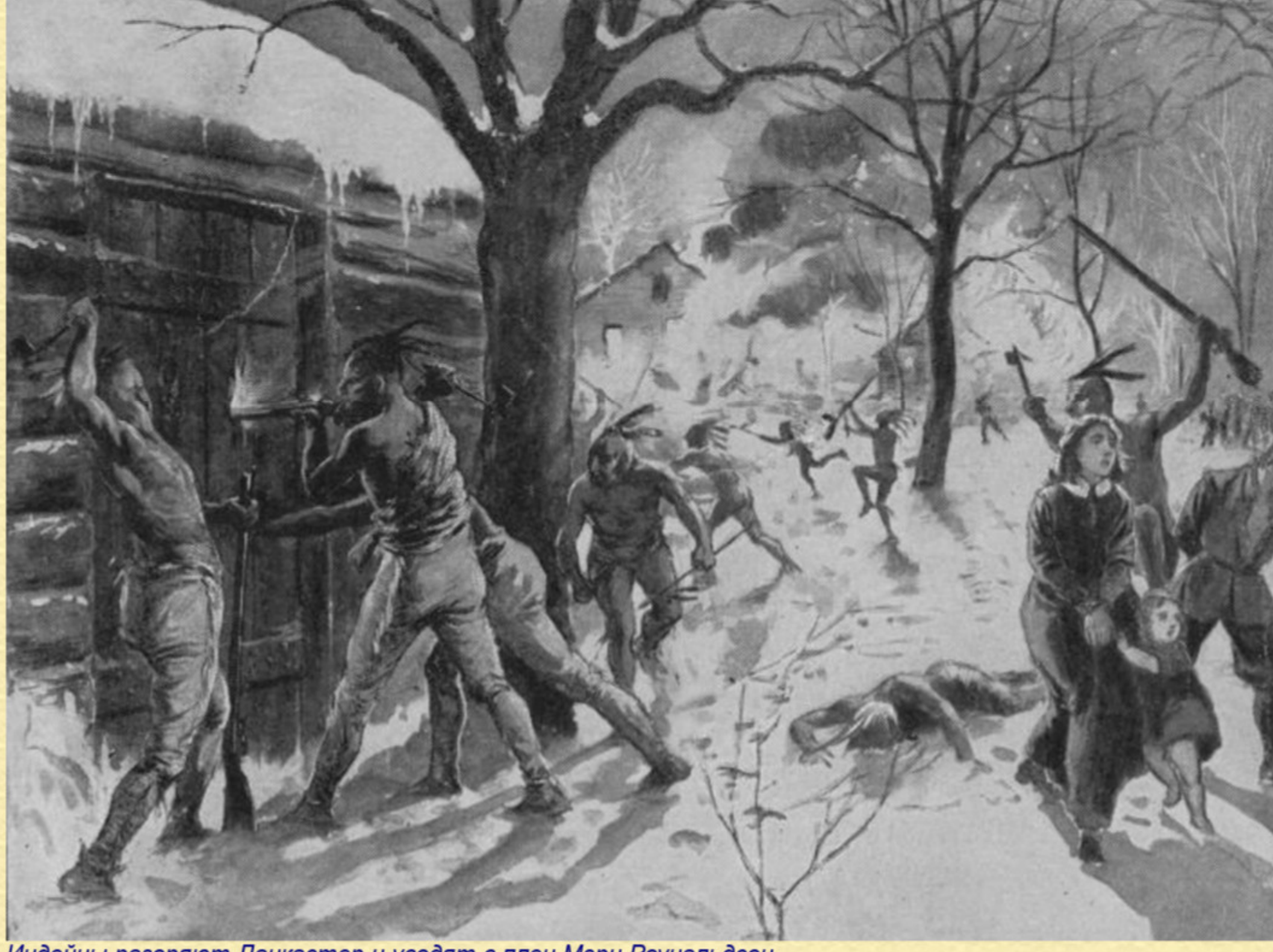
По жестоким законам того времени его обезглавили, а голову выставили на всенародное обозрение.

Верховный вождь не оставил себе достойного преемника. Возглавить наррагансеттов после его смерти было некому. Без своего лидера племя наррагансеттов перестало существовать, как боевая сила. Они стали покидать родные места и переселяться в глубь континента.

ГЛАВА - 46

РАЗОРЕНИЕ ЛАНКАСТЕРА. ДНЕВНИК МЭРИ РОУНАЛЬДСОН

Индейцы разоряют Ланкастер и уводят в плен Мэри Роунальдсон

Но где Король Филипп? Читатель вправе задеть этот вопрос. Что же делал в это время «король» - невольный инициатор войны? Хотя, если быть объективным, в равной мере ее разожгли и белые. На зиму 1675/76 г. Филипп, он же - вождь вампаноагов Метакомет, ушел очень далеко, он удалился за границу Объединенных Колоний, перейдя в земли могижан у реки Гудзон. Тут он был в полной безопасности. Родственные по корням племенам Массачусетского залива, могижане издали с симпатией наблюдали за борьбой своих братьев по крови против бледнолицых. Среди них Филипп нашел немало сторонников. К весне ему удалось собрать несколько сот союзных воинов, которых он намеревался привести на помощь сражающимся племенам в долину Коннектикут.

Скрыть такие масштабные приготовления было трудно. У страха глаза велики, губернатор соседней английской колонии, Нью-Йорка, Эдмунд Андрос полагал, что армия вторжения, которую всю зиму готовил Филипп, насчитывает 2100 воинов, что, конечно же, было преувеличением. Индейцы никогда прежде не выступали в поход с такими силами, они не знали что такое обоз, а без него долгое время прокормить такую массу людей было невозможно. Их рейды за пределы родовой территории всегда были стремительными и всегда завершались быстрым отходом. Филип вряд ли имел треть от такой численности, которой ему приписывали.

Андрос не располагал достаточным числом солдат, чтобы разгромить Филиппа. Он нашел другой способ, прибеж к помощи соседей могижан, враждебных им могавков. Могавки, верные лишь своей великой конфедерации ирокезов, плевать хотели на интересы белых, но союз могижан и вампаноагов, как и их военные сборы, насторожил, поскольку представлял опасность для них самих.

Это все и решило. В фервале могавки внезапно обрушились на лагерь Филиппа и его союзников, где Метакомет собирал свое вспомогательное войско. Никто из белых не присутствовал при этом сражении, чтобы рассказать потом, как оно происходило. Известно лишь, что могижане и Филипп потерпели поражение, их союз распался, а самому Филиппу, с одними лишь своими вампаноагами, пришлось искать спасения в бегстве. Две-три сотни воинов – вот и все, что у него еще оставалось. С ними он отправился в единственное место, где мог рассчитывать на поддержку – в долину Коннектикут, которая была и оставалась главным театром военных действий.

Борьбу племен против бледнолицых здесь возглавлял вождь Моноко, снискавший авторитет своими победами. Один за другим он вверг в пламя и хаос города Мидфилд, Кротон и Ланкастер.

«Они пришли на рассвете. Мы услышали выстрелы и увидели, что часть домов охвачена пламенем. В одном доме жила семья из пяти человек, мы их хорошо знали. Отца, мать и грудного младенца они убили, размозжив им головы. Одного человека они ранили, он упал и умолял сохранить ему жизнь. Они не слушали, содрали с него одежду, ударили по голове томагавком и вспороли живот...».

Так описывала тот день одна из жертв нападения на Ланкастер, Мэри Роунальдсон. Она находилась в одном из пяти «гарнизонов», наиболее крепких домов, куда попрятались жители в момент нападения. Четыре других стойко оборонялись и выстояли, но пятый, там где и укрылась Мэри с ее ребенком, индейцам удалось поджечь.

Огонь выгнал защитников наружу и почти все они погибли под пулями и томагавками. Только нескольких, в том числе миссис Роунальдсон, нападавшие увели с собой – индейцы уже начали понимать ценность заложников.

Разрушение города и убийства прекратились лишь с подходом английских подкреплений из других селений. Ланкастер похоронил 50 своих жителей, 24 попали в плен.

На долю Мэри Роунальдсон выпало немало лишений. Ее ребенок умер у нее на руках, она принуждена была совершать долгие переходы вместе с индейцами, которые почти постоянно находились в движении.

Как и все пленники, она голодала и терпела всяческие лишения.

Вместе с тем Мэри имела редкий случай наблюдать сцены военного быта своих поработителей, она одна из немногих видела живым во время войны самого Короля Филиппа. Однажды он обратил внимание на пленницу, подошел к ней, а, когда она уже приготовилась к худшему, спросил, сможет ли починить ему рубашку?

Женщина выполнила просьбу и довольный Король Филипп приказал досыта накормить ее.

С этого момента индейцы стали часто обращаться к миссис Роунальдсон с подобными просьбами: она чинила мокасины, рубахи, шила рукавицы, а взамен ей давали то чашку гороха, то несколько горстей зерна, очень редко – мясо. Ее хозяева сами во всем испытывали нужду.

В плену миссис Роунальдсон запоминала все, что с ней приключилось. После войны она напишет книгу о своих злоключениях:

«История о похищении и спасении миссис Мэри Роунальдсон».

В ней она, в частности, отметит, что индейцы, которые в то время одерживали победы, страдали и терпели лишения больше, чем белые. Из-за войны они не сеяли, как обычно, зерно и не могли пользоваться привычными рыбными нерестилищами. Голод был их постоянным спутником. Они принуждены были постоянно передвигаться с места на место, чтобы их не настигло колониальное ополчение. Но их боевой дух все еще оставался высок.

Индейские воины на временной стоянке во время военного похода

«Был конец февраля, когда мы услышали, как они возвращаются из набега, – читаем в дневниках Мэри Роунальдсон. - Они 24 раза выстрелили из ружей, что означало количество домов, которые они разрушили. Из их хвастливых разговоров мы узнали, что они напали на Мидфилд».

Однако нападение на Мидфилд, город на реке Чарльз-Ривер, не удалось так, как планировали Моноко и присоединившийся к нему Король Филипп. Они собрали 300 воинов, чтобы атаковать город.

В нем стоял отряд в 80 солдат с одной пушкой и 20 кавалеристов под общим командованием капитана Джона Якоба, о чем индейцы не знали. Вопреки всеобщему заблуждению, они отнюдь не были

прирожденными разведчиками, часто действовали просто наугад. За сутки перед нападением в город прибыло сильное подкрепление – капитан Эдвард Оукс привел еще 100 ополченцев. Итого гарнизон Мидфилда увеличился до 200 человек.

Ничего о том не ведая, воины Моноко и Филиппа 20 февраля 1676 года, через 10 дней после того, как был разрушен Ланкастер, ворвались в город.

Солдаты тоже не ожидали нападения, они стояли на постое, рассредоточившись по домам, и стали выбегать наружу лишь тогда, когда занялись первые пожары и зазвучали выстрелы. Возникла сумятица и неразбериха. Оказавшись лицом к лицу, враги принялись стрелять друг в друга почти в упор.

В хаотичной перестрелке погибло 17 англичан, главным образом гражданских, и несколько индейцев. Мидфилд лишился более 20 домов, которые уничтожило пламя.

Обнаружив, как много в городе солдат, Моноко и Филипп стали поспешно уводить своих воинов по двум мостам, переброшенным через реку. Они успели их сжечь за собой, прежде чем Оукс и Якоб сумели

привести в порядок свое разнепоутое ополчение и организовать преследование. Оказавшись на другом берегу индейцы издали торжествующий крик. Хотя нападение не удалось, как ими задумывалось, город горел, поэтому они считали себя победителями.

Следующей мишенью стал Кротон. В начале марта две мелкие группы индейцев напали на его пригороды, угнав несколько голов скота и спалив пару амбаров. Из Мальборо прискакал со своей конвоей ротой капитан Уиллард, тот самый, что спас в свое время осажденный Брукфилд, но ему не повезло.

Нападавшие растворились в лесах, и кавалерия Уилларда ушла. Защищать город остался капитан Паркер с полусотней солдат и слабый «гарнизон» - вооруженные жители.

Моноко, действовавший вместе с Филиппом, убедившись, что Кротон представляет собой легкую добычу, 13 марта с 400 воинами организовал новую атаку. В этот раз вожди действовали умнее, не поперли наобум, составили план.

Свои силы они разделили на несколько отрядов. Два из них заняли позиции на холмах возле Кротона, третий, самый большой, обошел город с другой стороны.

После всех этих приготовлений крошечная группа индейцев демонстративно появилась на виду у горожан, вызвав у них, как обычно, большую панику. Капитан Паркер немедленно поднял своих 50 ополченцев и повел к тому месту, где видели индейцев.

Войска только этого и ждали. Отряд-приманка бросился бежать между двух холмов, увлекая за собой солдат Паркера. Как только они втянулись в западню, с обоих холмов их начали интенсивно обстреливать.

Одновременно в город, оставшийся без защитников, ворвался с тыла главный индейский отряд. Втянувшись в перестрелку и зажатый огнем с двух сторон, Паркер никак не мог предотвратить разрушение селения.

К счастью для горожан, они все с первой минуты, как воины Моноко показались в виду города, спрятались в нескольких гарнизонных домах. Эта система еще раз доказала свою надежность. Никто из жителей не погиб, но все поселение полностью выгорело.

Кротон пришлось эвакуировать, его обитатели перебрались в Конкорд. Длинная колонна с беженцами, 60 фугонов, прибыла туда через несколько дней, по пути не раз обстрелянная индейцами.

Моноко, которому принадлежала главная роль в этих успешных рейдах, громогласно заявлял, что наступит время, когда он пойдет на Бостон и сожжет его тоже. Никто из вождей на всем протяжении Коннектикут-ривер пока не мог похвастать такими успехами, как он. Король Филипп скромно оставался в тени его славы.

Амбиции переполняли Моноко, лишив его осторожности, и он стал подбирать себе добычу покрупнее, задумал атаку на Нортхэмптон. В нем проживало более полутысячи колонистов. Всю зиму они упорно строили сплошной частью оборон вокруг города и к весне полностью его закончили. Нортхэмптон также являлся майором Апплетон держал свои главные силы. Город защищала рота местного ополчения капитана Тернера.

Но 8 марта сюда прибыл майор Роберт Триэт еще с двумя ротами солдат и принял общее командование. Всего под его началом собралось 300 человек.

С этой армией Триэт собирался выступить, чтобы отыскать и уничтожить индейцев, разрушивших Кротон и Ланкастер. Но Моноко и его нипмуки сами пришли сюда 14 марта, не подозревая, насколько усилился городской гарнизон.

Чтобы ворваться в город сразу с трех сторон, они разделились на три отряда, сделали в частокле проломы и попытались проникнуть внутрь.

Их встретил сильный ружейный огонь. Первые же пробравшиеся за ограду смельчаки оказались в капкане, как в большой мышеловке, выбраться из которой уже не могли, поэтому сражались насмерть. После боя на улицах подобрали 12 индейских трупов, погибло также 5 англичан.

Основная масса воинов, сообразив, что происходит за частоколом, отказалась от атаки, ударившись в паническое бегство. У Триэта были две кавалерии, чтобы организовать преследование, а пешие ополчение для такой задачи не годилось. И все же это был успех англичан, несколько их ободривший после разорения стольких городов.

ГЛАВА - 47

СОЖЖЕНИЕ САДБУРИ. РАЗГРОМ КАПИТАНА ВАДСВОРДА

Кровавая жатва - резня на пшеничном поле

Весна 1676 года выдалась для Объединенных Колоний крайне тяжелой. Англичане теряли город за городом. Беженцы сотнями уходили в Бостон и Плимут. Страх перед индейцами был всеобщий. До войны в окрестностях Бостона проживало около 3000 индейцев, принявших христианство. Никто из них не окрестился к Филиппу, оставшись верными индейцам. Однако, не желая искушать судьбу, губернатор Бостона приказал силой выселить их из жилищ, пригнать на берег Чальз-Нивер и посадить на суда. Всех перевезли на остров Дир (Олений). Когда-то там водилось много этих благородных животных, но во время колонизации их истребили. Здесь индейцев оставили под охраной до конца войны. Бостонские власти не сочли нужным позаботиться о содержании пленников и их пропитании. Запертые на острове индейцы терпели страшную нужду, более 500 из них умерли от голода, морозов и болезней. Уцелевшим так и не разрешили вернуться в прежние места, после войны их изгнали за пределы колонии. Бостон, как и Плимут за все время войны ни разу не были атакованы. К тому времени оба представляли собой крупные города, с кирпичными домами и мощеными улицами в центре. Особенно быстро развивался портовый Бостон - самый густо населенный в Новой Англии. Плимут на его фоне бледнел и оставался прежде всего главным прибежищем пуритан, в то время, как Бостон уже потерял свое религиозное значение.

Напасть на эти две твердыни индейцы так и не посмели. Все боевые действия весной второго года войны сосредоточились в двух удаленных районах. Канончет и его наррагансетты терроризировали Род-Айленд и Восточный Массачусетс, а Филипп, Моноко, Тоттосон, Черный Сашем и другие вожди продолжали наводить страх на Западный Массачусетс, фактически они были полными хозяевами Коннектикут-Ривер. После смерти Канончета и исхода наррагансеттов восстание сконцентрировалось в этом обширном районе, который уже был почти полностью опустошен.

Не по зубам индейцам оставался пока только оборонительный «треугольник» Апплетона: Хэдли – Хэтфилд – Нортхэмптон. Хэтфилд успешно отразил нападение осенью 1675-го, а Нортхэмптон обил атаку объединенного войска Моноко и Филиппа весной 1676-го.

Неудача вождей не обескуражила. Они по-прежнему удерживали в своих руках инициативу. В начале апреля Филипп объявил общий сбор, чтобы предпринять новое наступление. Индейские отряды стали накапливаться в месте, которое называлось Маунт Вачуссетт и находилось недалеко от Мальборо, который уже был частично разрушен и сожжен в результате прошлых атак. Неподалеку находился городок Садбури, до сих пор не тронутый войной.

Активность индейцев не прошла незамеченной. Англичане не могли точно знать, где последует удар. Они решили, что это вновь будет Мальборо. Было решено усилить гарнизон Мальборо пешей ротой капитана Вадсворта, 70 человек. Тот немедленно выступил и повел своих людей усиленным маршем. Вечером 20 апреля он прошел мимо Садбури, не подозревая, что к городу приближается большая масса индейцев. Ее вел лично Король Филипп, ядро его войска составляли преданные лично ему вампаноаги.

Англичане ошиблись в своих расчетах. Целью атаки был Садбури, а не Мальборо. На следующий день, 21 апреля Филипп с 500 воинов подступил к городу. Население как всегда укрылось в нескольких блокаузах. Одним из них был дом сержанта Хейнса, частично оштукатуренный каменной стеной, частично – деревянным палисадом. Все утро вокруг дома Хейнса звучала ожесточенная пальба. Индейцы уже давно убедились, что сломить такое сопротивление можно только огнем. Им удалось поджечь примыкавшие к дому складские постройки, но главное здание не загорелось.

Тогда, как при осаде Брукфилда, нападавшие соорудили брандер из пустого фургона, набив его разным горючим материалом. Но при попытке придвинуть горящий фургон к дому, у него внезапно лопнула ось и защитники дома Хейнса счастливо избежали страшной участи – сгореть живо.

Нападение индейцев на укрепленное английское поселение

Другая сильная перестрелка шла в центре города, где стояли самые большие и крепкие дома и пряталось большинство населения. Филипп не добился решающего успеха, но город сгорел, повторив судьбу Кротона, Дирфилда, Спрингфилда, Ланкастера и множества других, от которых остались одни пепелища. Уцелели только блокаузы и их «гарнизоны».

Индейцы хозяйничали в Садбури почти сутки и ушли, когда получили известие, что подходит крупный отряд бледнолицых. Это был капитан Вадсворт. Прибыв в Мальборо, он только там узнал о нападении. Его люди были истощены долгим маршем, но, дав им минимальный отдых, капитан все же повел их в Садбури. К нему присоединился также отряд местных ополченцев капитана Сэмюэла Броклбэнка. Совместно отряд англичан насчитывал уже более 100 человек, но большинство были крайне утомлены, и, как и все ополчение, совсем не обучены военному делу.

На подходе к Садбури Вадсворт увидел клубы дыма, поднимающиеся к небу, и нескольких индейцев, поспешно убегавших на север. Полагая, что перед ним лишь кучка дикарей, догоняющих свое ушедшее войско, Вадсворт отдал приказ о преследование всеми силами, которые у него были.

Началась погоня, но длилась она не долго. Уж казалось бы, англичане должны были изучить нехитрую индейскую тактику – заманить врага в засаду и напасть превосходящими силами. Нет! История повторилась.

Преследуемая беглецов, ополчение Вадсворда оказалось между двумя холмами: Грин Хилл и Гудман Хилл. На их поросших кустарником склонах разместились краснокожие стрелки, англичане оказались между двух огней.

С большим трудом обоим капитанам удалось удержать своих солдат от общей паники. Они расположили ополченцев цепью в виде большого четырехугольника. Но было очевидно, что в такой позиции им долго не удержаться. Пятеро из них уже были убиты, многие - ранены.

В этой ситуации Вадсворт решил занять один из холмов, выбив оттуда индейцев. Атака удалась и вконец измотанные ополченцы захватили Грин Хилл, почувствовав здесь себя в некоторой безопасности. Ночью их командир рассчитывал дать людям отдых, а утром спустится с холма и занять более надежную позицию – на видневшейся неподалеку ферме, с каменным забором и постройками, которые индейцы почему-то пощадили. Он также надеялся, что нападение на Садбури уже известно в соседних городах, и оттуда пришлют помощь.

Так оно и было. На подходе находились отряды капитанов Эдварда Коуэлла и Джона Култера. Култер появился первым и попытался выдвинуться к холму Грин Хилл, откуда доносилась сильная стрельба, но наткнулся на заслон, оставленный Филиппом.

Обратим внимание, что до сих пор, как военный лидер, вождь Метакомет, он же – Король Филипп, был нам не известен. Вся так называемая «Война Короля Филиппа» велась не под его единым началом и не по единому плану, а усилиями различных независимых вождей. Сам «король» оставался лишь символом этой войны.

И только в бою у Садбури Великий Вождь, как утверждается, осуществлял верховное командование. И, если так, то надо признать, командовал он толково. По его приказу индейцы отсеки ружейным огнем подходящие подкрепления белых и подождли густую траву и кустарник у подножия холма Грин Хилл, где на ночь расположились солдаты Вадсворта.

Пламя быстро распространилось вверх по склону, приведя ополченцев в полное смятение. Дисциплина в отряде рухнула, началось беспорядочное бегство.

Тщетно Вадсворт и Броклбэнк пытались восстановить хоть какое-то подобие порядка, это была уже не армия, а толпа перепуганных фермеров, бегущих, куда глаза глядят. В наступивших сумерках при свете пожара гремели теперь только выстрелы индейцев, хладнокровно выбиравших себе цели среди этого скопища. Они почти не давали промаха. Оба капитана разделили печальную участь своих солдат и погибли.

Сколько людей потеряли в ту ночь англичане, точно не известно. Капитанов Вадсворда и Броклбэнка с частью их солдат – всего 30 человек похоронили в одной братской могиле, здесь же, у Садбури. Остальных, кого смогли забрать родственники, унесли с поля боя, чтобы похоронить дома. Торжествующие индейцы из Садбури ушли к Мальборо. Здесь на виду у города они дали ружейный салют, сделав 78 выстрелов, по числу скальпов, снятых ими с врагов, которых, они убили.

Разгром отряда Вадсворда был полным. Нападение на Садбури можно считать триумфом Короля Филиппа, поскольку это единственное известное сражение, которым, хотя это и не бесспорно, руководил лично он.

И его последнее, ибо обстоятельства склонялись не в пользу восставших. Вскоре Филипп ушел из долины Коннектикут, почуяв, что за ним идет охота.

ГЛАВА - 48

БОЙНЯ У ВОДОПАДА ТЕРНЕРА

Сражение индейцев с английским колониальным ополчением

Весной 1676 года индейцы достигли пика своих военных успехов, они продолжали свои нападения. Помимо наиболее удачливого из вождей - Моноко, самого Короля Филиппа, активно действовали отряды не столь крупные, которые возглавляли вожди, рангом поменьше. По мере необходимости они собирали силы вместе, чтобы напасть на то или иное английское поселение, после чего вновь распадались на мелкие, неуловимые группы.

И все же рыхлая индейская конфедерация нипмуков, покумтуков, вампаноагов и вассальных им малых племен находилась на грани полного истощения.

В войне понемногу наступал кризис. Большинство селений Новой Англии, кроме колониальных центров, лежали в руинах, но англичане по-прежнему удерживали контроль над долиной реки Коннектикут, опираясь на "боевой треугольник": Хэтфилд, Хэдли, Нортхэмптон (см. карту).

Колонисты не сумели настигнуть и разбить в открытом бою ни одного отряда индейцев. Неуклюже ополчение было неспособно преследовать своих неуловимых противников, оно могло только успешно держать оборону в укрепленных поселках и уничтожать посевы краснокожих, лишая их провизии. И эта тактика дала свои результаты.

Голод стал союзником белых. От индейских становищ остались пепелища, их поля были вырублены, вытоптаны или сожжены. Чтобы прокормиться, они бродили порознь, занимаясь охотой и собирая лесные плоды, в ожидании, когда вождь позовет их в условленное место, чтобы совершить очередной набег.

Где-то в одной из этих маленьких групп находился и сам Король Филипп, вождь МетакOMET. Появились первые признаки того, что некоторые из лидеров племен склоняются к переговорам. Негласные контакты уже велись. В мае 1676 года обрели свободу, правда - не бесплатно, за выкуп, почти все пленники, захваченные в Ланкастере, в том числе и Мэри Роунальдсон (см. главу 46). Ее вызволили из плена за 20 английских фунтов. Необходимую сумму по подписке собрали женщины Бостона.

В июле 1676 года со 180 воинами сложил оружие вождь Шошони. За то, что он сдал свои мушкеты и поклялся в мире, ему, с его кланом, разрешили беспрепятственно переселиться за границы Объединенных Колоний.

Еще раньше, потеряв своего верховного вождя Канончета, вышло из войны и мигрировало в район Великих Лесов и Озер одно из самых крупных племен - наррагансетты.

И тем не менее война продолжалась с прежним ожесточением, весной и в начале лета того же года индейцами были полностью или частично разрушены и сожжены многострадальный Мальборо и Бриджуотер.

К тому времени оправился от ран, полученных во время сражения на Замерзшем Болоте, Бенджамин Чарч и вновь собрал свой особый отряд следопытов, но теперь он вынашивал идею захватить в плен самого великого сашема, живым или мертвым. Только тогда война, по его мнению, быстро пойдет на убыль. Несколько раз скауты выходили на след великого вождя, а один раз даже едва не захватили. Они застигли Короля Филиппа с небольшой группой воинов, расположившихся на отдых у речки, к противоположному берегу которой вышел отряд Чарча. Чарч приказал своим белым охотникам спрятаться в зарослях, а индейцам, которых в его отряде было большинство, выйти и затеять с Филиппом перекличку.

Вождь едва не попался на уловку. Он решил, что встретил воинов одного из союзных кланов. Но что-то насторожило его и он вдруг, сорвав с плеча ружье, выстрелил. Люди Чарча тоже стали стрелять, засада раскрылась и Король Филипп поспешно бежал. Настолько поспешно, что в руки преследователей попали его жена и девятилетний сын.

С этой минуты сашем знал, что за ним идет погоня, он стал петлять, ушел из долины Коннектикут и направился в родные места, на мыс Маунт Хоуп. След его на время затерялся.

В долине наступило некоторое затишье. Большая армия индейцев, напавшая ранее на Мальборо и Бриджуотер, рассеялась, как дым. Голод разогнал ее, племена разбрелись вдоль реки, стремясь к привычным рыбным местам. Самые обильные из этих природных кладовых естественной пищи находились в районе водопада, где река делает изгиб, похожий на петлю. Позднее его назвали «Тернер Фолл» - Водопад Тернера.

Капитан Уильям Тернер стоял с отрядом в Хэдли. Под рукой у него находилось полсотни ополченцев, главным образом только что призванных молодых новобранцев и рекрутов пожилого возраста. В начале мая отряд индейцев проскользнул мимо Хэдли к реке, угнав по дороге, большое стадо скота в 70 голов. Тернер не рискнул их преследовать, но отправил гонца в Бостон, сообщив, что индейцы замечены у реки и нанесли городу урон. В ответном письме власти потребовали от Тернера, чтобы он, взяв подкрепления, нашел и уничтожил индейцев, расположившихся у водопада.

Точное местонахождение их лагеря вскоре стало известно. Один за другим в Хэдли явились два беглеца, Джон Гилберт и Томас Рид. В разное время они оказались пленниками индейцев, но смогли бежать. Оба подтвердили, что индейцы поставили хижины-временки на излучине реки, где они издавна устраивали весенний лов рыбы. По их словам, воинов в лагере было не более 70-80, остальные – их скво с детьми и старики. Там же они держали похищенный ранее скот.

Тернер мучался лихорадкой, его солдаты, безусые дети фермеров и медлительные пожилые ополченцы, были плохо подготовлены для подобной акции. К тому же, как и большинство командиров ополчения, он был человек не военный, в мирной жизни держал пошивочную мастерскую.

Но приказ есть приказ. Капитан вызвал помощь из двух других городов «боевого треугольника», Хэтфилда и Нортхэмптона. Каждый выслал по роте солдат, так что всего для участия в экспедиции собралось 150 вооруженных колонистов. Сила внушительная, но только на бумаге. О низких боевых качествах английского колониального ополчения уже не раз говорилось.

Решив, что теперь людей у него достаточно, Тернер покинул Хэдли со своими 150 ополченцами, частью пешими, частью конными, и двинулся к водопадам. Погода была ветреная, пошел дождь, что помогло англичанам достигнуть цели незамеченными. Индейские часовые оказались далеко не на высоте. Их прославленное «орлиное» зрение в ту ночь сильно подвело. Краснокожие дозорные слышали, как кавалерия Тернера переходит небольшую реку, Дир-Ривер, но решили, что это стадо оленей и не удосужились проверить источник шума.

Со своей стороны Тернер тоже не знал, что сунул голову прямо в осиное гнездо. Он думал, что у водопадов находится лишь один лагерь, тот, про который рассказывали бежавшие из индейского плена Гилберт и Рид, с менее чем сотней воинов. На самом деле лагерей у реки оказалось несколько - гонимые голодом почти все индейцы долины собрались у Коннектикут-Ривер на массовый лов рыбы. Только воинов в этих лагерях насчитывалось более 500.

Но Тернер ничего этого не знал. Непогода и беспечность индейцев позволили ему подойти незамеченным. За полмили до цели, капитан спешил конных и оставил лошадей с небольшой охраной. Все свое войско он построил подковой, наподобие капкана. С мушкетами наперевес англичане двинулись к шалахам, силуэты которых уже проступали сквозь сетку дождя.

Живой капкан медленно сжимался. Вот уже до хрупких индейских жилищ можно дотянуться рукой, а никто так и не поднял тревоги. Воинов в лагере не было, все они ушли на берег реки, ловить рыбу, в становище находились только женщины, дети и старики. Кто-то из англичан поднял полог ближайшего шалаша и разрядил мушкет прямо внутрь. Ответом был вопль ужаса и боли.

Уничтожение англичанами индейского лагеря

Солдаты стали стрелять прямо сквозь стенки убогих индейских жилищ. Множество их обитателей погибло, не успев даже проснуться, возле своих едва тлеющих очагов. Другие выбегали наружу только для того, чтобы нарваться на пулю или клинок шпата. За какой-нибудь час бойня закончилась, более 300 индейцев были убиты, почти все - немощные старики, женщины и их дети. Пленных не брали, войдя в раж, солдаты убивали даже грудных младенцев.

Покончив с обитателями лагеря, англичане приняли грабить его, сжигать шалаши и те скудные запасы продовольствия, которое там нашли.

Но затем начался второй акт драмы. Заслышав шум и выстрелы, с реки прибежали воины, которые, завидев, что случилось с их семьями, пришли в неопишемую ярость. Тернер вдруг услышал, как со всех сторон загревели выстрелы и вокруг под пулями стали падать его люди.

Индейцы яростно наседали. К ним непрерывно прибывали подкрепления из других лагерей. Один из таких отрядов набрал на лошадей, оставленных англичанами, перебил охрану и завладел ими.

Ополченцы дрогнули и стали отступать. Шансов выжить у них было немного, до Хэдли, откуда они выступили сутками ранее, было 20 миль. От мгновенного разгрома отряд Тернера спасла лишь его многочисленность и лесистая местность, изобиловавшая естественными укрытиями для стрелков. Отступление англичан превратилось в непрерывную перестрелку. Индейцы не перли на рожон, под английские стволы, предпочитая разбивать врагов из колонны по одному, английский отряд быстро редел. Отступая, Тернер продел мимоза вырванного врагом из сада и перенес его на плечи Мудого Крика, где год назад погиб отряд Латропа. Эта мрачная вежа не способствовала поднятию боевого духа.

А когда, сраженный метким выстрелом, пал за смертью и сам капитан Тернер, среди белых воцарился полный беспорядок. Никто уже не думал об организованном сопротивлении, только о спасении, колонна

попалась, и, кто был еще жив, бежал, бежали, разбегались по небольшим группам.

Когда остатки отряда добрались, частью - до Хэдли, частью - до Хэтфилда, англичане недосчитались 45 человек убитыми, почти все, кто выжил, были ранены, многие позже скончались.

Рейд, начавшейся бойней у водопада беспомощных индейских семей, завершился полным поражением отряда Тернера. Его тело нашли только спустя много дней после этих событий и предали земле.

ГЛАВА - 49

ПЕРЕЛОМ. СМЕРТЬ КОРОЛЯ ФИЛИППА

Гибель Короля Филиппа в засаде, устроенной Бенджамином Чарчем

Хотя индейцы и разбили наголову отряд Тернера, они не могли торжествовать победу. Его рейд, несмотря на катастрофический для англичан исход, показал племенам, как они уязвимы у реки. Они же сейчас целиком зависели от нее, ее рыбных угодий, другого источника питания у них попросту не существовало. Вожди понимали, что вместо одного отряда, их враг пришлет туда же другой, еще более сильный. Единственным выходом из этой тяжелой ситуации было заставить своего противника перейти к пассивной обороне, запереться в укрепленных поселках, не казаться носу оттуда. Для этого следовало разрушить хотя бы один из их трех ключевых опорных пунктов на реке Коннектикут: Нортхэмптон, Хэтфилд или Хэдли. В этом своем последнем боевом порыве индейцы собрались большими силами, чтобы атаковать центр английской обороны в долине – штаб квартиру коннектикутского ополчения – Хэдли. Более 700 воинов, всех, которые смогли собрать союзники: нипмуки, покумтуки, агавами и другие, напали на него 12 июня 1676 года.

Попытка заведомо была обречена на провал. В городе стоял гарнизон в 300 солдат и 150 союзных им мохеган Ункаса.

Индейцы нахлынули, но, встреченные убийственным огнем сотен ружей, мгновенно повернули вспять. Последняя попытка восставших добиться контроля над долиной провалилась. Оборонительный трегольник Апплетона остался несокрушимым.

Неудача оказалась роковой – боевой дух индейцев резко спал. Страдая от голода, они больше не могли собрать много воинов в одном месте, поэтому свернули свои прибрежные лагеря и рассеялись на мелкие группы, которые в отдельности большой опасности не представляли. Некоторые попытались уйти за границы колоний, на реку Гудзон к могиканам, другие – еще дальше на север, к Великим Озерам, и даже – во французскую Канаду. К тому времени Новая Франция уже пустила корни на реке Святого Лаврентия. Больше за весь год как в Восточном, так и в Западном Массачусетсе и на Род-Айленде не произошло ни одного серьезного столкновения, которое обернулось бы потерями для англичан. Война угасла внезапно, словно кто-то дунул на свечу и погасил едва теплящееся пламя.

Власти Объединенных Колоний чутко уловили, что ситуация изменилась в их пользу. Отряды ополчения начали прочесывать долину, уничтожая разрозненные очаги неорганизованного сопротивления. Впрочем, и сопротивления как такового уже не было. Началось повсеместное избиение индейцев. Так, 22 июня 1767 года отряда майора Джона Тэлкотта встретил группу наррагансеттов, пытавшихся пробраться за пределы Объединенных Колоний. Их вели вождь Джон – Каменная Стена и индейская «королева», предводительница одного из кланов, по имени Кайяпин, которую соплеменники избрали взамен погибшего вождя Каннончета. В безнадежном бою, храбро сражаясь, погиб Джон – Каменная Стена и почти все, бывшие с ним воины. Когда стало ясно, что они пали, «королева», пытаясь спастись, бросилась в реку и утонула.

На следующий день Тэлкотт обнаружил остатки племени, 80 человек, которые сразу сдались на милость победителей. Жестокость в этой войне была одинаково свойственна обеим сторонам. Индейцы зверски пытали своих пленных, сдирали с них скальпы, выпускали им внутренности. Белые хладнокровно убивали индейских женщин и детей.

Тэлкотт без колебаний казнил всех своих пленников. Позже на реке Хусатоник он обнаружил и частью перебил, частью разогнал еще одну группу индейцев в 200 человек, преимущественно – не боеспособных, женщин, детей, стариков.

В Род-Айленде, рядом Краю Короля Филиппа, майор Брэдфорд, у которого были 200 ополченцев, скаутский отряд Мозли и и 50 союзных мохеган, перебил или взял в плен несколько сот индейцев – возле Сванси, где прозвучали первые выстрелы в этой войне. Среди этой группы находился сам Король Филипп, но и в этот раз он сумел уйти. Однако среди убитых нашли тело Веттамои, вдовы его покойного брата, бывшего верховного вождя вампаноанов Вамсутты (или Александра).

Англичане методично гасили последние очаги восстания. Помимо больших отрядов они разослали множество мелких патрулей – искать и уничтожать поля, которые индейцы пытались засеять, чтобы обеспечить себя пропитанием. Эта тактика и террор давали свои плоды. Среди индейцев начались раздоры. Некоторые вожди стали сговариваться, чтобы убить Филиппа и ценой его головы купить себе прощение. Великий Вождь принужден был скрываться, не только от белых, но и от своих голодных, озлобленных соплеменников.

Колониальные власти поспешили воспользоваться удобной ситуацией и выпустили воззвание, обещая амнистию племенам, если они добровольно сложат оружие. Некоторые вожди поверили, даже такие воинственные, как Муттавам. Кроме него на милость англичан сдались вожди поменьше, не столь известные: Маттунас, Черный Сашем и другие. Даже самый успешный из вождей, Моноко, добровольно сдался отряду капитана Уолдрона.

Англичане обошлись с ними жестоко и коварно. Вопреки данным ранее гарантиям, всех вождей отправили в Бостон, где и повесили, наплевая на свои милосердные обещания. Жену и сына одного из малых вождей, Черного Сашема, повешенного, как и других, продали в рабство. Вождей рангом поменьше, чьи имена история даже не сохранила, просто расстреляли.

Оставался только Король Филипп. Затравленный со всех сторон, он, плутал по местам, где впервые поднимал знамя восстания, в родовых землях племени вампаноагов, на полуострове Моунт Хоуп. С ним осталась лишь горстка воинов, но и среди них завелся предатель. Улучив момент, он бежал и направился напрямик в к англичанам. Первым белым, которого встретил дезертир, оказался Бенджамин Чарч. Чарч с самого начала войны горел идеей поймать «короля». А тут удача сама шла ему в руки. Беглец точно указал место, где скрывался Филипп. Чарч действовал быстро и решительно. Со своим смешанным отрядом, из крещеных индейцев и добровольцев-скаутов, он скрытно подобрался к стоянке беглецов. Часовые в лагере Филиппа ничего не заподозрили. Вопреки мифам, индейцы отнюдь не обладали ни «орлиным зрением», ни «волчьим» слухом.

Чарч аккуратно и незаметно расставил вокруг лагеря засады и только потом начал захват. Он сделал то, что сейчас называли бы «спецоперацией».

Бесславной была смерть Великого Вождя. Схватив ружье и перекинув через плечо рог с порохом, он кинулся бежать, угодив прямо на одну из засад, находившихся у него на пути.

В засаде сидели двое: белый охотник Кук и крещеный индеец Алдерман. Оба выстрелили одновременно.

Ружье Кука дало осечку, ружье Алдермана сразило Филиппа наповал.

Его тело опознали и среди англичан разразилась буря ликования. Они трижды прокричали «ура!». Ирония судьбы, но Король Филипп пал от руки своего брата по крови, такого же индейца.

То, что произошло дальше, с точки зрения нашего цивилизованного века можно назвать варварством. По натуре Чарч не был убийцей и не отличался такой жестокостью, как другой предводитель скаутов – Мозли. Но он жил в жестокое время, ему нужно было представить губернатору голову убитого. Мертвого сашема обезглавили, ему также отрубили одну руку и подарили его убийце – Алдерману. Впоследствии он показывал ее в трактирах за деньги.

Голову Короля Филиппа отправили в Плимут и там, по распоряжению губернатора, насадили на пик, выставив на всеобщее обозрение. Голый череп Великого Вождя еще 20 лет смотрел своими пустыми глазницами на ненавистный ему город.

Таковы в то время были нравы. Мы не можем их ни судить, ни оправдывать. В этой войне не было «хороших» и «плохих». Индейцы защищали в ней право жить на землях отцов, колонисты – свои семьи, свои дома, свою «Новую Англию», которую они создали за полвека тяжелого труда на своих фермах и пашнях.

Павший Король Филипп. Еще одна гравюра из книги XIX века

В качестве трофеев Чарчу достались регалии личной власти сашема. Среди них была его палица, богато украшенная речными раковинами пурпурного цвета, в виде треугольников. Она сейчас находится в одном из музеев американской истории. И два пояса, искусно расшитых вавпуном, с изображением птиц и животных, которые служили религиозными символами. Право носить такой пояс имел только вождь. Оба пояса отправили в Англию, в подарок королю Карлу-II. Они не сохранились.

Со смертью Филиппа войну, названную его именем, можно было бы считать законченной, хотя пламенел еще один очаг, но о нем – в следующей главе.

Война Короля Филиппа унесла жизни (1200 боев), чем 800 англичан и не менее 2000 индейцев. Около 90 поселений и ферм европейцев (жизни домов) было разрушено или сожжено.

Формально, однако, мир не был заключен. Со стороны индейцев уже некому было вести переговоры, все вожди погибли или были казнены, их подданные, кто еще выжил, подверглись жесточайшему террору. Англичане милосердствовали в отношении остатков племен, что губернатор Нью-Йорка Андрос не столько из милосердия, сколько опасаясь остатков племен, что остававшихся воях войны (ирокезы, могикане, делавары и другие) официально объявил, что дает убежище и защиту индейским беженцам, которые в ужасе покидали Массачусетс и Род-Айленд.

К концу 1676 года общее положение дел в Новой Англии выглядело так. В Массачусетсе (Коннектикуте и Род-Айленде) индейцы были полностью разгромлены, их остатки покинули родные места. Однако в Мэне племя абенаков, вступившее в войну последним, упорно сопротивлялось и нанесло англичанам ряд поражений. А в Вирджинии внезапно вспыхнул мятеж, там произошло восстание колонистов, свергнувших своего губернатора и началась гражданская война.

В книге мы последовательно узнаем, как развивались эти события.

ГЛАВА - 50

ВОЙНА С АБЕНАКАМИ В МЭНЕ. ЛОВУШКА МАЙОРА УОЛДРОНА

Вторжение. Ночной кошмар колониста...

Все то время, два года, пока Бостон и Плимут пытались подавить восстание племен в долине Коннектикут и Род-Айленде, война тлела еще на одной территории, которая называлась Мэн – северо-восточный аппендикс Новой Англии. В то время его население насчитывало всего 3500 колонистов, разбросанных по крошечным поселениям, фермам и торговым постам, главным образом, расположенных на побережье океана.

Большинство, 900 человек, проживало в Киттери. Другие городки, такие как Уэллс, Скарборо, Йорк, Фалмут были не более, чем горсткой домов.

Единственный порт находился возле Скарборо, его защищал форт Блэк-Пойнт, где стоял небольшой

постоянный гарнизон из местного ополчения.

Колония Мэн, основанная выходцами со всей Новой Англии, но больше всего - из соседнего Массачусетса, постепенно переселявшихся сюда, еще только зарождалась, была слаба, и фактически контролировалась из Бостона.

Дороги здесь почти отсутствовали, густые леса покрывали большую ее часть. Леса были и главным ее богатством, в колонии действовало много лесопилок, и в то же время служили идеальным убежищем для

индейцев абенаков, коренных обитателей этих мест.

Когда в соседнем Массачусетсе вспыхнули военные действия и англичане начали терпеть поражения, а их

села запылали, абенаки тоже решили взяться за оружие.

Так маленький Мэн оказался вовлечен в войну, но поначалу она проходила в достаточно скромных масштабах. В 1675 и начале 1676 индейцы ограничились тем, что разграбили и сожгли несколько отдельно стоящих домов, перебив или разогнав их обитателей. Нападения совершались с обычной в таких случаях жестокостью, убивали всех, не взирая на пол и возраст. Примером чему может послужить трагедия семьи престарелого фермера Томаса Уэйли.

После нападения от его дома остался лишь обгорелый остров. Внутри нашли обугленные тела хозяина

дома и его жены, трех внуков, у которых томагавками были размозжены головы. Здесь же лежало тело их матери с расколотым черепом. Из всей семьи уцелела только одна 11-летняя девочка, ее нападавшие

захватили в плен и увели с собой.

Особенно легкой и к тому же – заманчивой добычей для индейцев были торговые посты, с их запасами

товаров и продовольствия. Затерянные в глуши лесов они не могли рассчитывать на помощь, а их хозяева к тому же проявляли поразительную беспечность. В августе 1676 абенаки атаковали торговый пост

Хэммонда, уничтожив всех его обитателей, числом 14 человек.

Сутки спустя еще один военный отряд индейцев появился у торгового поста Томаса Лэйка, одного из

старейших в Мэне. Его основали еще в 50-е годы 17-го века два бостонских торговца. Построенный на

острове посреди реки, как форт, окруженный крепким частоколом, торговый пост мог легко выдержать

нападение. В нем даже имелись две небольшие пушки.

Но никто не позаботился не только о часовых, а хотя бы о том, чтобы закрыть ворота. Индейцы

беспрепятственно проникли внутрь под предлогом торговли, принявшись грабить и убивать.

Несколько слуг и сам Томас Лэйк, которому шел уже седьмой десяток лет, попытались бежать на

берестьяном каное. За ними началась погоня, но англичане успели пересечь реку и пристать к берегу. Здесь

пуля сразила престарелого Томаса Лэйка, его более молодые спутники сумели спастись.

Завладев фортом, индейцы разграбили его, найдя большое количество всевозможных припасов.

В том же месяце отряд индейцев, которых вел вождь Сквандо впервые напал на поселение, опустошил

пригороды Фалмута, убив 34 человека.

Все индейские войны начинались одинаково...

Иногда абенаки встречали отпор, как это произошло при попытке захватить ферму Уилльяма Филлипса. В центре своей плантации Филлипс выстроил блокгауз, из толстых бревен, в два этажа. При первых признаках появления индейцев сюда сбежались с оружием жители соседних ферм и надежно

забаррикадировались. Находясь в безопасности за прочными стенами, они успешно поражали из мушкетов

снующих вокруг индейцев.

Потеряв 6 воинов убитыми, нескольких - ранеными и своего вождя, сраженного метким выстрелом,

абенаки сняли осаду. Среди защитников пострадал только один, сам владелец дома Уилльям Филлипс –

пуля, влетевшая в окно, когда он вел оттуда огонь, смертельно ранила его.

Все это нельзя было в прямом смысле слова назвать войной, скорее – пограничными стычками, но они

сильно обеспокоили власти Объединенных Колоний, которые только что, с таким трудом победоносно

завершили войну с Королем Филиппом. В помощь слабому местному ополчению из Бостона направили

крупный отряд майора Ричарда Уолдрона: 360 солдат массачусетского ополчения. Когда абенаки узнали о

гибели Короля Филиппа и приближении Уолдрона с его армией, их военный пыл угас. Индейцы запросили

мира. Уолдрон ответил согласием. Местом переговоров избрали селение Дувр, куда прибыли около 400

абенаков во главе со своими вождями.

Уолдрон был из числа тех людей, которых не слишком обременяет совесть. Он действовал хитростью,

настаивая, что переговоры не начнутся, пока индейцы не докажут свое миролюбие, для чего пусть

демонстративно разрядят свои мушкеты.

Индейцы повелись на уловку, подняли ружья и выстрелили в воздух. Но как только они сделали это, 360

англичан навели на них свои заряженные мушкеты и приказали сдаться. Абенаки были настолько

шокированы таким предательством, что половина их покорно подчинилась, другие же стали разбегаться.

Англичане расстреливали бегущих, пока остатки их не скрылись в лесах.

Более 200 индейцев угодили в плен. Те же, что выжили и вырвались из ловушки, разнесли весть о

неслыханном коварстве бледнолицых, всколыхнув все племя.

Одержав эту внушительную и бескровную победу, Уолдрон отправил пленников в Бостон, где всех их

оптом продали в рабство на Карибские острова. Но этим англичане лишь разожгли пламя новой войны.

По численности абенаки превосходили все племена, сражавшиеся с Королем Филиппом, вместе взятые. Их

владения простирались вдоль всего атлантического побережья, до реки Пенобскот, и, даже, до залива

Святого Лаврентия.

В бой воин-абенак выходил с мушкетом, хотя многие, ради экономии пороха, брали с собой в поход и луки.

Лук также оставался незаменим для охоты. Огнестрельное оружие абенакам поступало по двум каналам.

Сначала они его получали от голландцев с реки Гудзон. А когда англичане покончили с Новой Голландией

(об этом читатель узнает из IX части книги), то основными поставщиками ружей и пороха стали французы, чьи

торговые посты как грибы росли у реки Пенобскот. С той поры между абенаками и французами стали

постепенно складываться дружеские, деловые отношения, позже вылившиеся в военный союз.

А пока коварная уловка Уолдрона привела к всеобщему восстанию абенаков, обитавших в пределах

колонии Мэн и на ее границах. Нашлись и военные лидеры, войну фактически возглавили три вождя:

Сквандо, Мугг Хегон и Саймон (имя, полученное при крещении), по прозвищу «Убийца бледнолицых».

Наиболее удачливо и умно действовал Мугг Хегон. В прошлом он довольно долго жил среди англичан и

кое-чему научился у них, в том числе, что победы одерживаются не только кровью, но и дипломатией.

В октябре 1676 года он с сотней воинов окружил форт Блэк-Пойнт. Укрепление защищало гавань в глубине

залива, самую удобную на побережье Мэна, куда можно было доставлять войска и товары из Бостона и

Плимута. Рядом располагался городок Скарборо, вконец разоренный индейцами, так что жители его

бросили. Но сам форт был хорошо укреплен, по отзывам современников, его могли защитить всего

несколько человек под умелым командованием.

Но такого командира у небольшого гарнизона, состоявшего из неопытных, трусоватых ополченцев, как раз

и не было. Командовал им капитан Джослин, удачливый торговец, но никудышный солдат. Боевые вопли

абенаков и несколько выстрелов, настолько вывели его из равновесия, что он согласился на переговоры о

сдаче.

Мугг Хегон пообещал англичанам беспрепятственный выход, с оружием и гарантией неприкосновенности,

если они оставят форт со всем его имуществом. Условия были приняты и обе стороны сдержали слово.

Никто из белых, редкий, пожалуй, даже исключительный в индейских войнах случай, сдавшихся на

милость победителя, не был убит или ограблен, всем, как и обещали, позволили мирно уйти.

В награду победителям досталось много военных припасов и сам форт. Но индейцы были слишком

подвижны, сидеть в четырех стенах не отвечало их излюбленной тактике. Разграбив Блэк-Пойнт, вождь

увел оттуда своих воинов, но совершил стратегическую ошибку, позднее стоившую ему жизни. Он не сжег

форт и год спустя англичане вновь поставили там гарнизон.

На зиму 1676/77 года Мугг Хегон ушел в леса и затих. Наступила типичная для индейских войн зимняя

пауза. Англичане решили воспользоваться ею, чтобы разом покончить с войной. Их побудил к этому опыт

губернатора Уинслоу, который зимой 1675 года атаковал форт Канончета на Замерзшем болоте. И хотя

реальной победы он тогда не достиг, а потери были велики, тем не менее он лишил индейцев запасов

продовольствия, что и привело, как мы знаем, весной следующего года армию Канончета и его самого к

гибели.

Англичане полагали, что Мугг Хегон укрылся в своем форте Оуссипи, где, как они думали, абенаки

зимовали и хранили главные запасы провизии. Форт для индейцев выстроили за десять лет до того

английские плотники, нанятые индейцами, которые боялись нападения своих природных врагов -

могущественных ирокезов.

Масштабы этой экспедиции оказались куда скромнее, чем поход Уинслоу, а результат – нулевой.

Англичанам удалось собрать только 130 ополченцев и 40 союзных (крещеных) индейцев. Командовал

экспедицией капитан Хоуторн. Поход начался в первых числах ноября 1676, когда землю сковал сильный

мороз. Погода в Мэне более суровая, чем в Массачусетсе, англичане сильно страдали от холода, но все же

через чет версты, ступая по льду и сугробам, добрались до форта, только страдая, что холода, но устало,

что он необитаем.

Ни индейцев, ни продовольствия там не оказалось. Не было даже намека на то, что абенаки недавно здесь

появлялись. Хоуторну не оставалось ничего другого, как сжечь форт и бесславно вернуться домой. Многие

его люди оказались обморожены.

Другую экспедицию предпринял сам майор Уолдрон, поставленный главнокомандующим всеми силами

мэнской милиции и прибывшими из Бостона войсками. В феврале он выступил вдоль реки с 140 солдат и

60 союзных индейцев по направлению к острову Эрроусик, там, где ранее стоял разрушенный индейцами

торговый пост Томаса Лэйка. Вождь Сквандо попытался устроить на его пути засаду, но безуспешно.

Англичане на уловку не клюнули и после непродолжительной перестрелки абенаки отступили в лес.

Уолдрон благополучно достиг места своего назначения. Некоторое время он занимался восстановлением

форта, нашел там две исправные пушки, которые индейцы не додумались, или не знали как,

использовать, а не берегу почти обгоревшее тело несчастного торговца, замерзшее в лед.

Хотя оно пролежало на берегу почти год, мороз, лед и холодная вода не дали ему разложиться.

Уходя, Уолдрон оставил половину своих солдат на острове в качестве гарнизона, а тело Томаса Лэйка

англичане забрали с собой, чтобы затем со всеми полагающимися почестями этого, одного из самых

уважаемых жителей Мэна, похоронить в Бостоне, откуда он был родом.

ГЛАВА - 51

ПОРАЖЕНИЕ АНГЛИЧАН ПРИ БЛЭК-ПОЙНТ И ПОДПИСАНИЕ МИРНОГО ДОГОВОРА В КАСКО

Беглянки из разоренного поселения прячутся от индейцев, идущих по их следам. Иллюстрация к книге XIX века

Зимний поход Уолдрона, как и Хоуторна не дал ровным счетом ничего. Попытки вступить с абенаками в переговоры тоже ни к чему не привели. Те слишком хорошо помнили ловушку, которую им устроил Уолдрон в Дувре, пленив и продав в рабство столько их соплеменников.

Едва в Мэне потеплело, индейцы вновь принялись за свои набеги. Саймон, по прозвищу «Убийца бледнолицых», последовательно напал на Йорк и Уэллс, убил с десяток поселенцев, еще больше захватил для выкупа, посеяв ужас во всей округе.

В мае вождь Мугг Хеггон уже во второй раз осадил форт Блэк-Пойнт, обнаружив, к своей досаде, что англичане вновь подняли над ним свой флаг.

У гарнизона был теперь новый командир, лейтенант Типпен, нервы которого оказались покрепче, чем у прежнего коменданта. На предложение вождя сдать форт, он ответил отказом.

Мугг Хеггон дорого заплатил за свою ошибку, когда в прошлом году он не сжег это укрепление. Весь день абенаки осаждали, и весьма успешно, Блэк-Пойнт. От их меткой стрельбы защитники потеряли 8 человек. Горящими стрелами осаждающим удалось поджечь соломенную крышу одного из строений, к воротам подкатили пылающий "брандер"- телегу, набитую всяким горючим барахлом.

Казалось, индейцы вот-вот одержат верх. Мугг Хеггон старался личным примером ободрить своих воинов, чем обратил на себя внимание англичан. Они стали целить в него и одним из выстрелов смертельно ранили.

Абенаки разразились жалобными воплями, выволокли своего умирающего предводителя из под пуль и бросили уже было почти удавшуюся осаду.

Но далеко они не ушли. Храброго сашема похоронили, его место занял вождь Сквандо. Блэк-Пойнт оказался блокирован с суши, хотя новых попыток приблизиться к нему индейцы не предпринимали.

Командовавший обороной Мэна Майор Уолдрон совершил ошибку, рассеяв свои силы мелкими гарнизонами, чтобы защитить разбросанные в виде узкой ленты вдоль побережья поселения и удаленные фермы, поэтому не мог прислать подкрепления. За помощью вновь пришлось обратиться в Бостон. Весть об осаде Блэк-Пойнта привез в столицу колонии на шхуне один из местных торговцев.

Поскольку война с Королем Филиппом уже год как завершилась, Массачусетс смог собрать достаточно сил, чтобы направить их в Мэн, который он считал частью своей территории (позднее колония официально вошла в его состав). Три корабля из Бостона бросили якорь у Блэк-Пойнт 28 июня 1677 года. На борту находилось две роты колониального ополчения, 240 солдат, по колониальным меркам - большие силы, но почти все в них были первые призванные рекруты, лишь немногие успели понюхать пороху. Командовали ими капитан Бенджамин Свит и лейтенант Джеймс Ричардсон.

Преисполненные решимости покончить с индейцами, они на следующий день вывели в поле свое многочисленное, но необстрелянное войско. Две мили англичане прошли без происшествий, затем обнаружили кучку абенаков, которые при виде белых кинулись наутек. Капитан Свит приказал их преследовать, даже не подумав, что это может быть типичная индейская хитрость.

В пылу погони, бостонское ополчение растянулось неровной колонной и попало на болотистое поле. С одной стороны высились холмы, с другой виднелись густые заросли.

Вождь Сквандо тут их и поджидал, устроив типичную засаду. Его воины заняли удобные позиции в зарослях и на холме, приветствуя англичан дружным залпом.

Как только засвистели пули и стали падать первые убитые, большая часть бостонских рекрутов потеряла всякое самообладание. Воинственные вопли индейцев вселяли в них ужас, а когда пал мертвым лейтенант Ричардсон, началось всеобщее бегство.

Часть индейцев бросилась их преследовать, устроив форменное избиение, оставшиеся окружили капитана Свита, который смог собрать вокруг себя горсть наиболее стойких ополченцев, и, отстреливаясь, стал отступать к форту.

Когда остатки разбитого отряда, наконец, смогли укрыться в его стенах, англичане насчитали 60 человек убитыми и только немногие избежали ранения.

Раненый капитан Свит истекал кровью и вскоре умер.

Абенаки не стали осаждать Блэк-Пойнт. Наскоро обобрав мертвых, добив раненых и оскальпировав свои жертвы, они стремительно ушли в леса.

Разгром отряда Свита и Ричардсона имел далеко идущие последствия. Война и без того истощила Новую Англию, а кровавое поражение у Блэк-Пойнт означало, что она может продлиться еще долго. Упрямые плимутские пуритане и надменные отцы-магистраты из Бостона, несомненно, послали бы новый отряд, но затяжная война с индейцами стала раздражать далекий Лондон, где в это время, после реставрации монархии, правил король Карл II. Правой рукой его был родной брат, Яков, он же - герцог Йоркский, в честь которого голландская колония Новый Амстердам на острове Манхэттен была переименована в Нью-Йорк. Он же, кстати, являлся инициатором этого захвата.

Из всех английских колоний в Америке только Нью-Йорк на тот момент являлся единственной, захваченной военной силой, и управлявшейся не через магистраты или через Советы компаний богатых вкладчиков, а волей королевского губернатора. В прямом смысле слова это была королевская колония, оплот монархии в Новой Англии. В данный момент ею правил ставленник герцога Йоркского сэр Эдмунд Андрос.

Опасаясь за свое новое заморское приобретение, Яков послал указание Андросу предпринять шаги для установления в сепаратного мира с абенаками. А в качестве дополнительного аргумента в Нью-Йорк отправилась рота королевской пехоты - это были первые "красные мундиры", обосновавшиеся в Америке на регулярной основе.

Губернатор, не медля, послал часть из них в Мэн, поставил там форт, в самой удаленной части провинции от Бостона, возле поселения Каско, и открыл в нем торговлю с индейцами, хотя формально война все еще не была окончена. Абенаки отнеслись к затее Андроса с энтузиазмом и стали посылать в форт свои торговые караваны.

В Бостоне и Плимуте эту мирную инициативу восприняли с раздражением, но препятствовать ей значило противопоставить себя непосредственно королю, а на это Объединенные Колонии не могли пойти. Боевые действия в Мэне прекратились, начались затяжные переговоры.

Первая мирная встреча после войны. Снова торгуем?

В апреле 1679 года в городке Каско была подписан мир на крайне мягких для обеих сторон условиях, чему немало поспособствовал все тот же сэр Андрос. Согласно положениям мирного договора, индейцы выдали всех белых пленных и заложников без какого-либо выкупа. С другой стороны, каждая английская семья в колонии временно облагалась особым налогом: она должна была отдавать часть урожая со своих полей в компенсационный фонд, который помог абенакам возместить потери, которые они понесли в течение двух лет, когда не могли засеивать свои поля.

Подписанием мира в Каско окончательно завершилась Война Короля Филиппа. Ни до нее, ни после индейские войны не отличались таким размахом и такими потерями. Вампаноаги, нипмуки, покумтуки, наррагансетты и другие племена были фактически уничтожены, а долина Коннектикут полностью очищена от индейцев, ее прежних хозяев.

Но абенаки, в отличие от других племен, прямо или косвенно участвовавших в ней, не понесли поражения, сохранили свои силы и не собирались смириться с английским владычеством. У них появились новые союзники, пришедшие с севера – французы. Вторая война с абенаками, и не одна, была еще впереди.

ГЛАВА - 52 ВОЙНА С САСКУЕХАННОКАМИ В ВИРДЖИНИИ

Более 70 лет прошло с тех пор, как первая американская колония – Вирджиния, появилась на картах. Как происходило становление Джеймстауна, с которым связана романтическая история Покахонтас и Джона Смита, вы уже знаете из предшествующих глав.

В 1675 году город по-прежнему оставался столицей колонии и по-прежнему представлял собой горстку домов. Он не разросся, подобно Бостону, и на то были свои причины. Если Бостон стал центром торговли и самым крупным английским морским портом, да и городом, на американском побережье, то большинство населения Вирджинии составляли фермеры и свою "столицу" они навещали редко, целиком поглощенные уединенной, полной трудов, жизнью на своих плантациях и участках. Табачные, пшеничные и кукурузные поля густой сетью покрывали территорию колонии, разделенную, подобно Англии, на отдельные графства: Нью-Кент, Хенрико, Миддл-Эссекс и другие.

Аристократия была представлена меньшинством, во главе которого стоял губернатор Уильям Беркли. Он прибыл в Америку молодым и, встав во главе колонии, проявил себя волевым, решительным правителем, когда вождь поухотанов, Опаханкано, в 1644 году устроил свою вторую и последнюю массовую резню колонистов (см. гл.33). Ополчение во главе с Беркли быстро покончило с восстанием, разорив индейские поселки, их кукурузные посевы и пленив самого Опаханкано.

В то время Беркли, несомненно, был уважаемым и всеми признанным лидером быстро разраставшейся колониальной общины с центром в Джеймстауне. Но к 1675 году он превратился в ворчливого, злопамятного 70-летнего старика. Долгие годы безраздельной власти понемногу развратили его и к старости он обрел черты типичного деспота, нетерпимого к чужому мнению и крайне ревниво относившемуся даже к слабым попыткам оппонировать ему на этом посту. Организованный им колониальный Совет, или Ассамблея, являлся не более, чем совещательным органом, состоявший целиком из аристократии, его члены слепо проводили в жизнь распоряжения губернатора. Совет не выбирался голосованием, а назначался из узкого круга наиболее состоятельных персон в колонии. Для себя Беркли выстроил роскошную резиденцию в двух милях от города, где большей частью и жил. Убогость собственной столицы его раздражала и он, собрав группу акционеров, вложив собственные средства, построил первые в Джеймстауне 12 кирпичных домов. Предполагалось, что продажа этих первых, европейского типа, добротных и комфортабельных зданий на берегах Джеймс-Ривер, принесет средства в колониальную казну, но в первую очередь - в карманы пайщиков.

Дорогостоящие особняки, однако, оказались не по карману даже колониальной аристократии, полностью их так и не заселили. Местная знать предпочитала, подобно Беркли, жить в собственных богатых усадьбах на своих плантациях.

Защищая город от нападения со стороны реки небольшой каменный форт, в котором располагалась единственная на всю колонию артиллерия – 4 пушки. Военную силу Вирджинии, как и всех других английских поселений составляло ополчение, собиравшееся от случая к случаю на учебные стрельбы. В кровавой войне Короля Филиппа, разразившейся в Массачусетсе, Джеймстаун не участвовал. Вирджиния и граничащая с ней еще совсем слабая колония Мэриленд находились слишком далеко от Коннектикут-Ривер, где происходили главные военные столкновения, они не входили в конфедерацию «Объединенные колонии Новой Англии», на которую легла вся тяжесть этой войны. Вирджиния, вероятно, не отказалась бы помочь соседям, но у нее самой возникли проблемы.

В 1675 году и здесь произошел острый конфликт с индейцами. Империи поухотанов более не существовало. Хотя остатки некогда составлявших ее племен: памунки, маттапони, раппаханки и прочие все еще обитали по периметру английских плантаций, но, наученные горьким опытом, они держались исключительно мирно. Их жизнь напоминала жизнь в резервациях, они не смели, под страхом кары со стороны англичан, покидать своих мест и выходить за пределы охотничьих угодий, чьи размеры сильно уменьшились.

Однако на границе колонии Мэриленд, еще в период её становления, когда там правил ее основатель - лорд Балтимор, обосновалось сильное племя саскуеханноков. Долгое время оно вело войну в районе Великих лесов и озер с сенека и могавами, входившими в конфедерацию ирокезов, хотя сами саскуеханноки являлись одной из ветвей этого многочисленного индейского этноса. Проиграв в конце-концов войну и преследуемые могущественными противниками, саскуеханноки устремились на юг и оказались на границе Мэриленда и Вирджинии.

Англичане отнюдь не пришли в восторг от такого соседства. Они бы с радостью изгнали пришельцев, но у тех все еще было много воинов, а иметь их соседями было все же лучше, чем идущих за ними по пятам воинственных ирокезов, что и решило все дело.

Переговоры, которые со стороны саскуеханноков вел их престарелый вождь Харигнера, привели к взаимной клятве в "вечной дружбе" и соглашению, согласно которому это племя осело на берегах Потомака и реки Саскуеханна. Англичане даже помогли Харигнеру инструментами и дали плотников, чтобы помочь обнести их поселение частоколом, возведя примитивный форт - для защиты от ирокезов. Они полагали, что новые краснокожие соседи станут внешним щитом их колонии от угрозы со стороны более сильных и воинственных племен с севера.

Ирокезы отступились и ушли в свои края, спокойствие в Вирджинии восстановилось.

Укрепленное селение (форт) саскуеханноков в Вирджинии.

Кризис разразился летом 1675 года и совпал, не только календарно, с началом Войны Короля Филиппа. Однажды субботним днем жителей Вирджинии взбудоражило известие – в графстве Стаффорд убит фермер Роберт Хен, его ферма разорена. Плантаторы нашли луже крови, уже умирающего, но прежде, чем испустить дух, он сумел произнести роковое слово: «Индейцы!».

Какие именно, оставалось не ясным, но это не имело значения. Возможно, это был просто налет группы бродячих индейцев - в каждом племени имелись такие изгои, искавшие поживы и скальпов на свой страх и риск.

Ополчение графства собралось быстро. Отряд вооруженных колонистов возглавили командир стаффордской милиции полковник Джордж Мэйсон и капитан Брент. Еще раз напомним читателю, что воинские звания в колониях не означали наличие военного опыта у тех, кому они присваивались. Офицеры колониального ополчения назначались из наиболее влиятельных граждан, главным образом - по толщине их кошелька.

В отличие от Англии, где армия была целиком наемной, в американских колониях воинская обязанность была всеобщей, но в строй призывали только в случае войны. В мирное время командиры ополчения числились капитанами, майорами и полковниками только в мобилизационных списках. И лишь когда приходило время выступить в поход, реально становились таковыми.

Таковыми "офицерами" были Мэйсон и Брент. Преследование, которое они начали, шло, поначалу, по горячим следам убийц, но затем следы повернули в сторону Мэриленда, где и затерялись.

Оказавшись в незнакомых местах, на территории другой колонии, англичане решили разделитьсь, чтобы успешнее вести поиск. На самом деле они уже давно потеряли цель. Оба отряда шли теперь порознь, наугад, вслепую, пока Брент с его солдатами наткнулся на небольшой индейский лагерь. Его люди окружили хижины, а когда их встревоженные обитатели вышли наружу, дали залп, убив около 10 человек. Остальные в панике разбежались.

В то же самое время Мэйсон окружил и атаковал другое селение, не особо разбираясь, что за племя там обитает, краснокожие для него все были на одно лицо. По его приказу ополченцы открыли огонь по высypавшим навстречу обитателям индейских хижин, стреляли и кололи их шпалами до тех пор, пока один из них побежал прямо на ружья с воплем: «Мы – саскуеханна! Мы – друзья!».

Мэйсон понял, какую ошибку совершил и пальба прекратилась. Но на земле уже корчились 14 убитых и умирающих.

Внезапное нападение англичан на поселение саскуеханноков

Мир был нарушен, и с этого момента, события покатились, как снежный ком с горы.

Губернатор Мэриленда направил гневное письмо сэру Беркли, обвиняя его в том, что тот незаконно послал военный отряд на территорию соседней колонии, который не только не покарал подлинных убийц несчастного фермера Хена, а лишь разжег вражду к белым со стороны дружелюбного к ним племени. В самом деле, карательная экспедиция Мэйсона и Брента очень всполошила до этого вполне мирных саскуеханноков. Все они побросали свои поселки и собрались в своем форте, чтобы там защищаться.

Хотя губернатор Мэриленда и негодовал против действий своего вирджинского коллеги, выбора у него не было. В Мэриленде очень скоро появились небольшие военные партии саскуеханноков, жаждавшие мести, несколько плантаций подверглись разграблению, правда без жертв, их жители успели забаррикадироваться в домах, поэтому в обеих колониях стали собирать новые войска.

Вирджиния выставила 500 ополченцев, Мэриленд - 250. Мэрилендским отрядом командовал майор Томас Трумэн, вирджинским – полковник Джон Вашингтон, дед Джорджа Вашингтона, будущего первого президента США и полководца Войны за Независимость. В заместителей у него состоял полковник Аллертон.

В начале осени они были готовы выступить, а 26 сентября 1675 года, отряды встретились у реки Потомак и объединили силы.

Поскольку операцию предстояло провести на территории Мэриленда, "майор" Трумэн стал старшим над "полковником" Вашингтоном и принял общее командование.

К индейцам отправили посланника с требованием переговоров. Вскоре послы саскуеханноков прибыли. Трумэн потребовал, чтобы на встречу явился сам вождь Харигнера, но дух давно вождя давно отлетел к небесам, вместо него в лагерь англичан пришли пятеро сашемов, представляющие различные кланы индейской общины. Никаких заложников в залог своей безопасности они не взяли, индейцы по-прежнему оставались наивными, как дети, в вопросах колониальной дипломатии.

Переговоры быстро переросли в ссору. Трумэн настаивал на выдаче убийц Роберта Хена и тех, кто разорил фермы в Мэриленде. Вожди отказывались, отрицая вину в убийстве Хена, что касается ответных рейдов, то, по их словам, эти набеги совершила горстка молодых воинов, без дозволения на то самих вождей, но разве можно их винить, если белые сами начали войну, напад на два мирных селения?

Тон переговоров всё накалялся и вожди поняли, наконец, какой опасности себя подвергли, когда согласились прийти на эту встречу, не подумав о заложниках.

Тогда один из них вынул и показал медаль, которую им когда-то вручил прежний губернатор, основатель Мэриленда, лорд Балтимор, а также бумагу с договором о «вечном мире» между их племенем и англичанами, заключенный, когда они только поселились на Потомаке.

На майора бумага и медаль не произвели никакого впечатления. Отказ индейцев выдать участников нападения стал для них смертным приговором. По распоряжению Трумэна всех пятерых сашемов казнили на месте.

Жестокое убийство вождей стало искрой в бочке с порохом. Война с саскуеханноками теперь стала неизбежна.

Хотя, справедливости ради стоит сказать, что ни в Мэриленде, ни в Вирджинии жестокий поступок Трумэна не одобрили. Позже его даже обвинили в превышении полномочий и заключили под стражу.

Губернатор Беркли, на которого под старость так внезапно свалилась эта непрошенная война, в сердцах сказал:

«Если бы у меня убили деда и бабу, отца и мать, перебили всех моих друзей, а потом пришли ко мне просить мира, о каком мире может идти речь?!».

Содеянного, однако, уже нельзя было исправить. Оставалось лишь довершить уже начатое – покончить с вконец озлобленными саскуеханноками. И сводное ополчение под тем же тройным командованием отправилось осадить их форт, стоявший на берегу реки Потомак.

У трех нянек, известных дело, дитя без глаз. Трумэн, Вашингтон и Аллертон проявили себя в высшей степени беспомощными командирами. Штурмовать индейскую цитадель они не решились, их неустойчивое ополчение было неспособно на такие действия. Пушками, чтобы разрушить стены форта, англичане не располагали. От идеи – проделать подкоп и подвести мину под деревянные стены пришлось отказаться - почва у реки оказалась слишком мягкой и болотистой.

К форту было не подступиться. Имея в достатке провизии и воды, саскуеханноки упорно отсиживались за его стенами, осыпая своих врагов насмешками и свинцовыми пулями.

Со временем они осмелели и действовали настолько нагло, что по ночам проникали в лагерь ополченцев, убивали часовых, забирали их мушкеты, шпаги, порох, крали лошадей и с этими трофеями, увешанные окровавленными скальпами, возвращались в свое надежное укрытие. За время осады, англичане от этих вылазок потеряли до 50 человек убитыми и ранеными.

Не зная, что еще предпринять, осаждающие решили построить осадную башню на колесах, подобную тем, которые в древности использовались, чтобы войска могли штурмовать стены городов. Башня, скрипя и покачиваясь, подползла к форту, но остановилась на расстоянии выстрела от него. Штурмовать воинственный индейский гарнизон в планы Трумэна и Вашингтона не входило. Они ограничились тем, что разместили на башне стрелков, которые пытались подстрелить индейцев внутри форта.

Осада свелась к вялой перестрелке, бесплодной подкаде и без какого-либо результата тянулась долгих семь недель. На переговоры же индейцы идти наотрез отказывались, каждый раз гневно заявляя: «Где наши вожди?!».

Возможно, англичане и одолели бы. Они могли получить подкрепление и даже пушки. Артиллерия имелась в Джеймстауне, пушки также можно было взять у капитанов торговых кораблей, часто заходивших в залив Чесапик. Но индейцы не стали ждать. Сидеть взаперти было не в их привычке. Подвижные от природы, они пресытились осадой и решились на прорыв, который удался столь же легко, сколь безуспешно белые пытались заморить их голодом.

Разушав свои жилища внутри форта, забрав все, что можно было унести, саскуеханноки всем племенем ночью прорвали зыбкую цепь часовых, обошли осадный лагерь и растворились в лесах, густо покрывавших в ту пору берега Потомака.

Англичанам ничего не оставалось, как вернуться домой с позором, их предводители не знали, что сказать своим губернаторам и населению. Трумэна, главного виновника войны, ждал суд за убийство вождей, но он отделился легко – недолгим заключением под замок.

Саскуеханноки же, поначалу, ушли не далеко. Разбившись на несколько групп, они перебрались в Вирджинию, где стали действовать мелкими отрядами, опустошая разбросанные по лесам и полям фермы и плантации, убивая всех, кто подвергался под руку: фермеров, их семьи, жен и детей. В считанные дни в безжалостной резне погибло более 60 колонистов. Поселенцы с удаленных плантаций, бросающие имущество, бежали в более густонаселенные места и Джеймстаун, ища поддержки у губернатора. Вся колония замерла в страхе.

ГЛАВА - 53

ОШИБКА ГУБЕРНАТОРА БЕРКЛИ

Сбор и благословение колониального ополчения перед походом

Реакция губернатора Беркли на массовую атаку индейцев, рассыпавшихся по колонии несколькими военными отрядами, была, поначалу, вполне адекватной. Он немедленно собрал свой ручной Совет, который постановил – устроить карательную экспедицию против саскуеханноков. Ополчение стало собираться в Джеймстауне, столице колонии, во главе его поставили на этот раз надежного командира, принимавшего участие в гражданской войне в Англии на стороне роялистов. Беркли, к слову, и сам был ярым роялист. Когда король Карл I был казнен Кромвелем, Беркли стал его непримиримым противником, признав королем находившегося в изгнании сына казненного монарха - Карла II. И даже сумел выдворить из Вирджинии высадившийся, было, там десант парламентских войск. После реставрации монархии, но уже парламентского типа, когда Карл II занял трон своего покойного отца, он осыпал милостями и благоволил тем из аристократов, кто изначально признал его единственным законным правителем Англии. К числу таковых относился и Уильям Беркли, что во многом объясняет его бессменное пребывание на губернаторском посту и манеры правления.

Беркли считал, что власть губернатора в колонии подобна власти короля в Англии, с поправкой – той

власти, которую монарх имел до Революции, когда он правил, как абсолютный диктатор. И Беркли вел

себя подобным образом, став абсолютным властителем Вирджинии, признавая над собой лишь

верховенство короны.

Но, когда ополчение уже готовилось выступить в поход, внезапно для всех, губернатор изменил свое

решение. Он был уже не тот молодой и энергичный предводитель, который водил войско против

поухотанов во время войны с Опаханкано 1644 года. С годами в нем угасли былая энергия, твердость и,

пожалуй, здравомыслие.

Ни с кем не посоветовавшись, даже со своим ручным Советом, Беркли выдвинул новый план -

придерживаться оборонительной тактики, выстроив цепочку небольших фортов в графствах, наиболее

уязвимых для нападения индейцев: в Стаффорде, на реке Раппаханок, у водопадов на Джеймс-Ривер и

других угрожаемых местах – всего 8, с гарнизонами в 50-100 человек.

Строительство немедленно началось, гарнизоны заняли свои места. Но их командирам строго настрого

запрещалось совершать самостоятельные рейды, а, если возникнет такая необходимость, обязательно

послать в Джеймстаун – за специальным разрешением губернатора.

В итоге форты стали выполнять чисто декоративную роль. Беркли, очевидно, полагал, что один их вид

отобьет у саскуеханноков желание проводить свои разбойничьи набеги.

Индейцы были не слепые. Они прекрасно видели, как идут фортификационные работы и заведомо стали

обходить гарнизоны стороной. От набегов они вовсе не отказались. Более того, вошли во вкус, ощутив все

выгоды безнаказанных грабежей.

К ним поодиночке и группами охотно присоединялись воины ранее нейтральных англичанам племен,

некогда входивших в союз поухотанов. Война с саскуеханноками вот-вот могла перерасти во всеобщее

восстание индейцев, как это случилось во время Войны Короля Филиппа, кстати, во всю пылавшей в это

время в долине реки Коннектикут. Возможно, успехи индейцев в начале этой войны, разгромивших

несколько отрядов массачусетского ополчения, и повлияли на столь упорную позицию Беркли -

отсиживаться в фортах.

Нападение индейцев на охотничий лагерь колонистов

Как бы то ни было, а еще не один белый в Вирджинии расстался со своим скальпом, прежде, чем стало

совершенно очевидным, что форты бесполезны, нужна другая тактика: агрессивная, наступательная,

чтобы положить конец непрекращающимся нападениям.

Но Беркли отвергал любые попытки поставить под сомнение его действия. Когда группа колонистов из

Чарльз-Сити обратилась к нему с петицией, умоляя собрать отряд и отправить его против индейцев,

реакция губернатора ярко отразила сущность его натуры, развращенной слишком долгой и абсолютной

властью. Авторы петиции едва не обвинили в мятеже, по всей колонии разошлал указ, запрещающий

впредь подачу подобного рода прошений и даже их обсуждение в людных местах.

Строительство и содержание фортов имело еще одну негативную сторону. Оно требовало денег и

немалых. Гарнизонам, набранным из местных фермеров и горожан, надо было платить, как и за

необходимое им продовольствие. Губернаторский Совет по такому случаю обложил колонию еще одним

военным налогом, который тяжело ударил по тощим фермерским кошелькам.

Колония и без того в последние несколько лет находилась в затяжном экономическом кризисе.

Традиционно ее главным товаром, производимым на экспорт, оставался табак. Пионером табачного

бизнеса был Джон Рольф, муж «принцессы» Покахонтас, давно покойной, как и он сам. С тех пор

Вирджиния пережила табачный бум, обогативший первых предприимчивых плантаторов, и резкий спад,

когда в Англии в 1651 году, при Кромвелле, был принят закон, известный, как «Навигационный Акт»,

запрещающий ее колониям вступать в торговые отношения с купцами других стран, прежде всего –

голландцами.

До принятия Закона естественная конкуренция между английскими и голландскими купцами поддерживала

закупочные цены на табак в Америке на достаточно высоком уровне. Продав урожай по выгодной цене,

фермер мог покупать у заходивших в в колониальные воды на своих кораблях торговцев, не важно под

флагом какой страны, необходимые ему европейские товары: одежду, оружие, посуду, инструменты, порох

и т.п., а по возможности и предметы роскоши.

Навигационный Акт привел к массовому обнищанию владельцев табачных плантаций в Вирджинии,

особенно тех, кто обрабатывал землю собственными руками, мелких землевладельцев.

Английские купцы, напротив, не преминули извлечь из нового Закона свою выгоду. Став фактически

монополистами в колониальной торговле, они резко опустили закупочные цены на табак, а на товары,

ввозимые в колонии из Англии и Европы, цены, наоборот, подняли.

Вступивший на трон Карл II оставил Закон в силе.

В колониях настали трудные времена. Продав урожай, фермер оставался едва ли не с пустыми руками. А

ему еще следовало платить налоги и приобретать товары первой необходимости. Минули времена, когда

сквоттеры самовольно и бесплатно заселяли бывшие индейские земли вокруг Джеймстауна. Земля и

недвижимость давно уже облагались налогами и сэр Уильям Беркли строго следил за тем, чтобы они

взимались вовремя и сполна и, если кто-то зарился на новый участок, ему сначала приходилось

раскошелиться, чтобы там заселиться.

Навигационный Акт имел, правда, некоторые позитивные последствия для будущей Америки, многие

бытовые товары колонисты стали производить сами, появились многочисленные мастерские,

мануфактуры, производившие, в том числе, и оружие. Вирджиния, да и вся Новая Англия в целом, стала

переходить на самообеспечение, здесь активно начала развиваться собственная кустарная

промышленность, но в целом жизненный уровень поселенцев при новом Законе в первые десятилетия его

действия ощутили снизился.

Годы, предшествовавшие войне с саскуеханноками, озаменовались также целым рядом бедствий, больно

ударивших по и без того небогатому существованию вирджинских колонистов. В 1667 году на берега

залива обрушились ураганы с ледяным градом, сильно повлиявшие на будущий урожай.

В том же году в его воды ворвалась голландская эскадра (шла англо-голландская война) и захватила

торговую флотилию с колониальными товарами, готовую к отправке в Англию - весь урожай табака, тот,

что не выкосил град, был захвачен.

А в 1672-1673 году разразилась эпидемия среди скота, повлекшая его повальный падеж.

Табачная ферма в Вирджинии в середине XVII века

Старейшая из американских колоний еще не оправилась от этих опустошительных ударов, как на нее

свалилась новая беда – война с индейцами, разорительная, как и все войны. В то время, как верховная

власть, в лице престарелого губернатора Уильяма Беркли, делала, казалось, все для того, чтобы усилить

давно уже очевидное недовольство населения этой самой делатой.

Отказ губернатора принять петицию от граждан Чарльз-Сити принудил их разойтись по домам и уповать на

самых себя. Страх перед индейцами был велик: и фермеры, и состоятельные плантаторы, и торговцы –

все стали повсеместно вооружаться, создавать отряды самообороны, правда, памятуя о губернаторском

запрете, они пока оставались в пределах своих селений. Гарнизоны построенных по приказу Беркли

фортов, куда в качестве солдат набирали фермеров и мастеровых, надолго отлучая их от своих семей,

быстро таяли, ополченцы постепенно дезертировали, чтобы вернуться к своим домам и защищать их от

возможного нападения.

Не только в Чарльз-Сити, в соседних графствах, даже таких, как удаленный Хенрико, не побавившихся

нападениями, возникли такие отряды. По всей колонии ходили инициативные группы, с барабанным и

развернутым знаменем, призывая сограждан записываться в ополчение.

Уговаривать обо-бо не приходилось, особенно, когда стало известно, что военный отряд краснокожих в

количестве 60-70 воинов был замечен у водопадов на Джеймс-Ривер, где, кстати, стоял один из фортов,

построенных по приказу Беркли.

И хотя нападение не состоялось, но ополчение из нескольких сел уже собралось, из толпы вооруженных

колонистов раздавались требования о немедленном выступлении. В открытую ругали губернатора Беркли,

его военный налог, растроченный на бесполезные форты, и королевские налоги вообще, отяжелевшие

жизнь колонии.

Но куда выступить, а, главное, кто возглавит стихийно образовавшуюся армию? Никто не хотел брать на

себя такую ответственность. Все хорошо усвоили угрозы губернатора, обещавшего объявить мятежником

любого, кто посмеет начать военные действия или сбор войск без его личного одобрения.

Но лидер нашелся. Кто-то вспомнил, что в Хенрико молодой плантатор Натаниэль Бэкон, едва началась

война, собрал отряд добровольцев, 20 человек, но поскольку его никто не поддержал, распустил его.

Сейчас несколько сот вооруженных колонистов ждали только командира, который бы повел их отомстить

за разоренные фермы и убийства соотечественников, избавил бы их от ежедневного страха умереть от

индейского томагавка.

Послали за Бэконом и он явился, согласившись, приняв на себя командование.

Натаниэль Бэкон недавно появился в Вирджинии, прибыв прямым из Англии. Поживи он здесь дольше и

знай губернатора Беркли лучше, он, вероятно, не решился бы на подобный шаг. Но, выросший в лоне

парламентской монархии, он крайне неодобрительно относился к деспотическим замашкам Беркли и не

воспринимал его угрозы всерьез.

Ополчение обрело долгожданного предводителя. Поскольку его фигура станет ключевой в дальнейшем

повествовании, дадим его краткий словесный портрет, поскольку другого, запечатлевшего облик Бэкона, к

сожалению, не существует.

Происходил молодой Бэкон из богатой, аристократической семьи, занимавшей видное положение в

английском графстве Оксфорд. Получил лучшее по тем временам образование в Кембриджском

университете. По его окончании отец, Томас Бэкон, довольный успехами сына, отправил его на большое

путешествие по Европе. Прекраснейшие города мира с их вольными нравами открылись его взору: Вена,

Рим, Амстердам, Женева, Неаполь...

После всего увиденного, консервативная, тоталитарная система управления и иерархия в вирджинской

колонии воспринималась им, как пережиток прошлого, времен темного абсолютизма, от которого Англия

отказалась, пройдя сквозь кровавый период гражданской войны и бархатную реставрацию в виде

парламентской монархии короля Карла II.

По возвращению в Англию, при покровительстве влиятельного отца, Натаниэль мог бы сделать

политическую карьеру или вести жизнь преуспевающего лэндлорда. Но порывистая, импульсивная натура

звала его за пределы привычного мира. Он высматривал жизни в американских колониях, и, всего лишь за год

до описываемых событий, 28 лет отроду, прибыл сюда с женой Элизабет и суммой денег, вполне

достаточной, чтобы купить собственную крупную плантацию.

Постелился он в Хенрико – бывший Хенрикус, городок, который более полувека назад основал один из

первых губернаторов Джеймстауна, Томас Дэйл.

Отец с сожалением отпустил отпрыска, препоручив его дальнейшую судьбу старшему брату, полковнику

Бэкон, который уже давно осел в Вирджинии и достиг здесь, как финансово процветания, так и

положения в обществе, о чем свидетельствовал его ранг – члена губернаторского Совета. Вскоре и

молодой Бэкон получил известие, что его кандидатура, не без хлопот дяди, тоже рассматривается на

прием в состав Совета, что автоматически вводило его в элитный круг избранного вирджинского общества,

которое собрал вокруг себя сэр Беркли.

Бэкон-младший вполне подходил на этот пост: богатый, образованный, с хорошими манерами и

прекрасным воспитанием. Но он избрал себе другую судьбу. А какой судьбы избрала его?

Как только Бэкон встал во главе ополчения и об этом стало известно Беркли, престарелого правителя

едва не хватил удар. Мятеж! Да, это настоящий мятеж! Такова была его реакция.

До того Беркли праздно бродил в своей роскошной резиденции в двух милях от Джеймстауна, иногда

совершая путешествие на близлежащее, специально выписанном из Англии, единственном на всю колонию,

в свою столицу - на собрания Совета. А тут вступленулся и развил кипучую деятельность. Во все графства

послались курьеры с указом – прислать вооруженные отряды.

Постепенно в Джеймстауне стало собираться еще одно ополчение, около 300 человек. Но не для того,

чтобы совместно с милицией Чарльз-Сити и Хенрико решительно выступить против саскуеханноков, а

чтобы разогнать отряд Бэкона, самого его доставить на суд в Джеймстаун, за послушание, за "мятеж".

Но губернаторские войска опоздали. Они прибыли слишком поздно, Бэкон уже выступил и был далеко.

Искать или преследовать его не стали, никто точно не знал, куда именно он направился. Знали только, что

ему стало известно расположение одного из лагерей саскуеханноков, где-то на границах колонии. И в то

время, как губернатор намеревался арестовать его, Бэкон со своими добровольцами двигался среди лесов

по торговой тропе навстречу собственной судьбе, прямой дорогой в историю.

Вечные враги - английское ополчение атакует индейский лагерь

Отряд Бэкона двигался к реке Роанок, за границами Вирджинии, где действительно укрылась большая группа саскуеханноков, решивших откочевать подальше. Здесь они поставили лагерь и чувствовали себя в полной безопасности.

Однако их соседство пришлось не по вкусу племени оканичи, которое оседлало важную торговую тропу, соединявшую колонии с индейцами-чероки на юго-западе и другими удаленными племенами, не имевших прямых контактов с европейцами.

Столица оканичи располагалась на речном острове, превратившемся в своего рода большой базар. Оканичи и их вождь Россечи извлекали двойную выгоду из своего привилегированного положения. Они активно посредничали в торговле, скупая меха у чероки и перепродавали их английским купцам, чьи караваны, иногда до 50 вьючных лошадей, периодически навещали остров.

В такие дни многочисленные каноэ, груженные товарами, сновали от берега к берегу. Чероки же и прочие племена юго-запада, вынуждены были покупать медную посуду, ножи, топоры и другие изделия по завышенным ценам у оканичи.

Иметь под боком воинственных саскуеханноков Россечи совсем не понравилось. Да и кому нужны конкуренты на таком хлебном месте? И он тайно дал знать англичанам о незваных гостях. Бэкон, поэтому, точно знал, куда он идет.

По его приказу добровольцы запасли провизии столько, сколько смогли унести, но путь оказался долг и труден. Предстояло пройти по лесным тропам 80 км. Ополчение маршировало несколько дней и уже на полпути стало ясно, что продуктов не хватит до конца похода.

Бэкон решил сократить отряд, отправив часть его домой, сам же с 70 наиболее крепкими, стойкими и дисциплинированными продолжил свой путь. На марше его ополчение сплотилось в крепкий отряд - молодой харизматичный командир, решительный в поступках, пылкий в речах, державший себя вопреки своему аристократическому происхождению очень демократично, накоротке с солдатами, он оказался тем лидером, в которого верят и за которым готовы следовать.

К острову, где обитали оканичи, добровольцы добрались крайне утомленные, полуголодные, но преисполненные решимости вступить в бой. Вождь Россечи встретил их с распростертыми объятиями, объявил себя союзником англичан, накормил и выразил готовность дать проводников, чтобы внезапно напасть и разгромить общего врага. Бэкон с готовностью принял эту неожиданную помощь. Дав своим людям краткий отдых, он вновь поднял их и повел к лагерю саскуеханноков.

Внезапная атака увенчалась успехом. Благодаря проводникам-оканичи, которые вели его тайными тропами, отряд Бэкона обрушился на утративших бдительность индейцев, частью перебив их, частью рассеяв. Торжествующие ополченцы и их краснокожие союзники вернулись на остров.

Россечи поздравил их с победой, но с этой минуты его поведение изменилось. Теперь уже 70 вооруженных англичан выглядели в его глазах нежеланными гостями, он торопился спровадить их домой. Но возвратиться, не имея продовольствия на обратную дорогу, Бэкон не мог. А снабдить их всем необходимым Россечи отказался, то ли из жадности, то ли из за того, что сам не имел достаточно припасов, то ли из за каких-то иных, лишь ему одному ведомых соображений.

Никто толком не знает, из за чего между оканичи и ополчением Бэкона возник внезапный конфликт и кто первый поднял оружие, но вчерашние союзники вдруг оказались врагами, загремели выстрелы и пролилась кровь. На острове завязалась схватка, завершившаяся победой англичан. Россечи со своими воинами отступил в свою «столицу», посреди острова, окруженную частоколом, но солдаты Бэкона подожгли его, огонь перекинулся на хижины, стоявшие внутри, вспыхнул большой пожар, и все, кто находился там, бросились наружу. Колонисты встретили их огнем из мушкетов.

Сам вождь с горсткой воинов прорвался, укрылся в зарослях и попытался там сплотить своих соплеменников. Но меткий выстрел свалил его и немногие его воины, кто еще был готов сражаться, оставшись без предводителя, рассеялись.

Уцелевшие оканичи вместе с семьями без оглядки бежали с острова на каноэ, оставив в руках победителей имущество, запасенные для торговли товары и все свое продовольствие. Кроме сгоревшей «столицы», на острове было еще два поселка теперь уже пустых, и Бэкон сполна нашел там все необходимое для того, чтобы отправиться в обратный путь.

В Вирджинии победителей встречали восторженно. Никого не озаботило, что мирные оканичи пострадали под горячую руку. На всех индейцев сейчас смотрели, как на врагов, а на Бэкона – как на героя. Его имя, до этого известное только в Хенрико и Чарльз-Сити, да и то не всем, вдруг обрело всеобщую популярность.

Вся колония только и говорила о храбром молодом лидере.

Дома, однако, Натаниэля Бэкона ждали не только лавры, он с тревогой узнал, что объявлен мятежником, предателем, восставшим против королевской власти. Его срочно вызвали в Джеймстаун, держать ответ перед губернатором Беркли, который ранее публично заявил:

«Если его не убьют индейцы, то тогда я его вздерну!»

Оказаться на виселице Бэкону совсем не улыбалось. Только сейчас он ощутил двойственность своего положения. С одной стороны его окружал ореол всеобщей популярности, с другой – ждал гнев деспотичного старика-губернатора. Как поступить?

Он решил положиться на защиту своих добровольцев. Хотя приказ губернатора требовал от него немедленно сложить оружие, распустить отряд и явиться на суд, он предпочел оставить ополчение в боевой готовности, а сам, с 40 наиболее верными вооруженными сторонниками отправился в Джеймстаун. Бэркли ждал его, кипя от гнева, но даже до него стало доходить, какая щекотливая сложилась ситуация. Не оставалось секретом, что колонисты, задавленные налогами и напуганные индейским террором, открыто критикуют его методы управления, считают его не способным далее сохранять за собой губернаторский пост. Повсеместно стихийно продолжали создаваться отряды самообороны. Попахивало мятежом, уже реальным.

И будучи убежденным роялистом, отрицающий любое неповиновение, он все же вынужден был принять кое-какие меры, чтобы успокоить население. Старый, карманный, Совет, набравшийся, а не выбиравшийся по имущественному признаку, был распущен, объявили выборы нового. Губернатор также лично, верхом, с сильным отрядом объехал несколько графств, наиболее пострадавших от нападений индейцев, и разослал небольшие разведывательные группы, чтобы отыскать лагерь саскуеханноков с тем, чтобы затем выслать против них карательную экспедицию.

Это были правильные, но запоздалые шаги. Недовольство губернаторским правлением нарастало.

Испугавшись, что ему самому не сносить головы, когда известия о проблемах в Вирджинии дойдут до Англии, Беркли даже написал письмо королю Карлу II, в котором, ссылаясь на свой преклонный возраст, просил прислать на его место более молодого и способного губернатора.

Но путь через океан на парусном судне до Лондона письму с прошением о губернаторской отставке предстоял не близкий.

А пока в Джеймстаун в сопровождении вооруженных сторонников явился Бэкон. В мыслях у него еще не было противопоставить себя губернатору, представлявшему, как никак здесь королевскую власть, он лишь хотел спасти свою голову.

Несколько дней Беркли тянул с решением, не зная, что ему делать с «мятежниками» и их вдохновителем. Наконец Бэкона позвали на заседание Совета.

Он пришел, всем своим видом выражая почтение. Последовала трагикомическая сцена. Бэкон встал на одно колено и кратко заявил, что все его поступки диктовались только заботой о безопасности колонии, которой угрожали индейцы, но никак не желанием противопоставить себя губернатору, которому он обещает свою полную преданность и лояльность. Свои слова он также подтвердил письменным прошением, где указал, что единственной причиной, побудившей его взяться за оружие и собрать ополчение - было покарать индейцев за их набеги, в чем он и преуспел.

Реакция старика была неожиданной:

«Бог тебя простит! И я тебя прощаю!» – торжественно ответил Уильям Беркли.

«И это все?» – изумленно спросил один из членов Совета, хорошо помнивший обещание губернатора вздернуть Бэкона, если того не убьют индейцы.

«Все!», – подтвердил тот.

Бэкон на коленях перед губернатором Беркли

Беркли, конечно, с радостью отправил бы своего молодого антипода на виселицу. Его мягкосердечие объяснялось достаточно веской причиной: 40 вооруженных сторонников Бэкона, которых он привел с собой, стояли у дома, где проходило слушание. Казнить его, даже наказать, губернатор не посмел. Вместо этого, оставив Бэкона под негласным надзором в Джеймстауне, он целиком сосредоточился на том, чего от него давно ждали – приготовлениях к компании против индейцев.

Совет создал специальную комиссию, которая должна была решить индейскую проблему. После совещаний и дебатов комиссия выработала план. Суть его была проста и плачальна: в том, чтобы изменить стратегию и от оборонительных действий перейти к наступательным.

Систему фортов признали неэффективной, три из них снесли, а гарнизоны перенесли на дальние плантации, где более всего можно было ждать появления

саскуеханноков. Предполагалось также собрать армию, в 1000 пеших и 150 конных - максимум, что могла выставить Вирджиния, и полностью очистить окрестные леса от враждебных племен.

План выглядел совсем неплохо, за исключением одного пункта – на содержание этой огромной армии вводился еще один налог. И в его реализации не участвовал Натаниэль Бэкон, что было, трагическим, кто уже имел положительный опыт в этой войне с индейцами, позовут для участия в планировании намечавшегося похода. Но ему запретили покидать город, что выглядело, как мягкая форма ареста.

Небольшой отряд ополчения, с которым он ранее пришел в Джеймстун, распался, его солдаты разбрелись по домам.

Оставшись один, Бэкон постепенно стал склоняться к мнению, что губернатор, конечно же, не простит ему неповиновения, и, как только тот покончит с индейцами, последует новый суд, который непременно закончится виселицей.

Он мог либо безропотно ждать развязки, либо предпринять какие-то действия, чтобы обезопасить себя. И Бэкон решил - улучив момент, он отправился к Беркли и под предлогом, что получил сообщение о тяжелой болезни жены, выпросил разрешение уехать из Джеймстауна.

Очень неохотно губернатор дал свое согласие. Но уже через сутки, опасаясь, что, вырвавшись из клетки, моно опоздал – строптивца и след простыл.

Прибыв в Хенрико, Бэкон застал здесь всеобщее брожение умов. Весть о новом обременительном налоге и тотальном наборе в армию вызвала у фермеров озлобление. Появление своего героя сограждане встретили с энтузиазмом. Вот кто защитит их не только от кровожадных дикарей, но и губернаторских поборов! В Бэконе видели все, что нужно военному лидеру, но и человека, который смог бы изменить тоталитарные порядки в Вирджинии, облегчить налоговое бремя, гарантировать демократический состав колониального Совета, провести давно назревшие реформы.

Повеяло ветром перемен, таким притягательным и таким опасным. Натаниэль Бэкон был молод, горяч, его образование проходило в университетских стенах, ему казалось, что он может изменить мир.

ГЛАВА - 55 МЯТЕЖ. РЕФОРМЫ БЭКОНА

Бэкон в окружении своего ополчения требует от губернатора Беркли принять список требований горожан по реформе управления колонией

Губернатор Беркли слишком поздно узнал, что Бэкон вновь самовольно возглавил ополчение и движется к Джеймстауну с большим отрядом вооруженных сторонников. Это уже был настоящий бунт, а не просто неповиновение губернаторским приказам. Бэкон направлялся в столицу колонии с намерением предъявить ультиматум – отменить новые военные налоги, пересмотреть старые, а в войне с индейцами немедленно перейти к решительным действиям.

Остановить его можно было только силой. Гарнизон форта, защищавшего город, насчитывал всего 30 человек. Все же сэр Уильям Беркли попытался организовать сопротивление. Пушки из форта стали перетаскивать на узкий перешеек (Джеймстаун стоял на речном полуострове), возводить поперек него вал, но время было упущено.

К чести губернатора, он не стал спасаться бегством, хотя мог бежать по реке. У причала стоял единственный на всю колонию крупный корабль «Адам и Ева», под командованием капитана Гарднера, имевший пушечное вооружение. Но губернатор не воспользовался его помощью, хотя Гарднер сохранил по отношению к нему полную лояльность и предлагал вооруженное содействие.

Выстрелов, однако, в этот раз не последовало. Форт не открыл огня, напротив, отворил бунтарям ворота и Бэкон беспрепятственно вступил город, направившись прямо к дому, где обычно губернатор проводил совещания своего Совета.

Беркли встретил незваного гостя холодно, назвал его мятежником, изменником и пригрозил королевским правосудием.

Тот ничуть не смутился. Обвинения в свой адрес отверг, заявив, что единственное его желание – защитить колонистов от индейцев и обременительных налогов.

Оба понимали, что с этого момента никакое примирение уже не возможно. На что надеялся Натаниэль Бэкон, когда встал на путь открытого мятежа, знал, наверное, он один. В ту минуту он руководствовался скорее порывом, чем разумом и находился в плену собственной популярности, еще не представляя, как далеко она его заведет.

В последующие дни Бэкон не раз появлялся в здании, где все еще заседал уже фактически бесправный Совет в главе с Беркли, каждый раз принося проект нового закона или поправки к уже существующим. На улице, под окнами, выстроившись в две линии, стояли его многочисленные добровольцы с заряженными мушкетами. Под впечатлением этого решающего аргумента члены Совета и сам губернатор молча ставили свои подписи под бумагами, которые Бэкон клал перед ними на стол.

Когда члены совета выходили из здания, солдаты Бэкона встречали их криками: «Долой налоги!».

Кратко касаясь реформ, предложенных Бэконом и подкрепленных силой оружия, скажем, что они разрушали всю коррумпированную и тяжеловесную структуру управления колонией, возведенную Беркли за тридцать с лишним лет единоличного правления. Упразднялась часть налогов, другие снижались, отменялись привилегии чиновников, т. д.

Самым революционным стал пункт, устанавливающий всеобщее избирательное право, чего не было не только в Вирджинии, но и в других колониях. Отныне в Совет мог баллотироваться любой колонист, а не только имеющий крупную собственность, как это было при Беркли.

Сам же Совет наделялся такими полномочиями, что стал походить на английский парламент времен гражданской войны, а Бэкон все больше, вольно или не вольно, подчинялся давлению обстоятельств, стал входить в роль вирджинского Кромвеля. Вся власть сконцентрировалась в его руках и он уже не желал ею делиться. Даже арестовал двух офицеров местного ополчения, когда они попытались собрать соборные отряды.

Колония понемногу стала разделяться на роялистов, главным образом зажиточных плантаторов, и «бэконистов», сторонников реформ, которых было большинство. Эти последние восторженно приветствовали нововведения, первые же готовы были силой оружия поддержать Беркли и свои традиционные аристократические привилегии. Но пока они не могли выступить открыто.

Бэкон спешил. Покончив, с политической частью своей программы и доведя новые законы до сведения графств, где фермеры и плантаторы средней руки восприняли их с восторгом, он торопился перейти к военной части. События поджимали – 25 июня отряд индейцев вновь совершил нападение на границе с колонией на берегах реки Чикахоми, убив 8 фермеров и разграбив их дома. Еще 7 человек были убиты в графстве Глочестер на реке Йорк-Ривер.

В нападениях в этот раз заподозрили племя памунки. Когда-то это была вотчина великого вождя Опаханкано, дважды в 1622 и 1644 годах учинившего массовую резню жителей Джеймстауна. Но племя давно утратило свою силу и воинственность, ничем не проявляло враждебности. Его последний вождь Тоттопоттоми правил исключительно мирно. После его смерти власть перешла к его вдове, которая, когда началась война с саскуеханноками, завершила губернатора Беркли в своей неизменной дружбе. Тот, в свою очередь, гарантировал ей неприкосновенность, если она продолжит хранить свое миролюбие.

Но для Бэкона в сложившихся обстоятельствах уже не имело значения, виновны памунки в нападениях на фермы или нет. Они представлялись вполне подходящей целью для возмездия и для укрепления собственного авторитета. Эффективная картельная акция устранила бы другие племена и не только. Он ведь обещал колонистам навсегда избавить их от индейской угрозы, пришло время доказать это на деле.

Началась новая мобилизация ополчения. На призыв выступить против индейцев вирджинцы откликались охотно, собралось около 700 человек. Мобилизация потребовала личных усилий Бэкона, он объезжал графства, чтобы словом и делом содействовать организации новой военной кампании.

Большая армия нуждалась в соответствующем содержании и ее предводитель впервые столкнулся с необходимостью прибегнуть к непопулярным мерам. Фермеры, зачастую, отказывались предоставлять для ополчения припасы и фураж, а более состоятельные плантаторы открыто выказывали неповиновение. Бэкон в их глазах был узурпатором, бунтарем, мятежником.

Молодому лидеру пришлось прибегнуть к конфискациям и арестам. Он также мобилизовал два корабля, оказавшихся под рукой – «Ребекка», капитана Ларимора, и судно поменьше, под командованием капитана Мура. Оба судна пришли из Англии по торговым делам, их английские экипажи и капитаны не испытывали никакой симпатии к Бэкону и его сподвижникам. Когда лодки с вооруженными колонистами подошли к борту, Ларимор даже дал по ним выстрел из пушки. Но как только толпа ополченцев заполнила палубу, капитулировал.

На оба судна Бэкон посадил своих солдат и поручил командовать ими двум своим лейтенантам, Бланду и Карверу. Ларимор энергично протестовал, но вынужден был смириться.

Разумеется, корабли не предназначались для борьбы с индейцами. Забирая их, Бэкон создавал свой личный флот. К этому его подтолкнуло неприятное известие от том, что, как только он покинул Джеймстаун, губернатор Беркли, которого никто не стерег, бежал из города и перебрался в северные графства. Там он стал собирать собственное ополчение. Поначалу фермеры послушно шли под его знамя, полагая, что речь идет о походе против индейцев, но, едва заслышав, что их поведут убивать таких же фермеров, сторонников Бэкона, стали дезертировать в массовом порядке.

В считанные дни армия Беркли разбежалась, он остался лишь с горсткой соратников, главным образом аристократов и крупных землевладельцев с их слугами.

Но сдаваться старый упрямец не собирался. В его распоряжение вновь предложил свое судно «Адам и Ева» капитан Гарднер. Губернатор на сей раз принял его помощь, посадил своих немногочисленных сторонников на борт, конфисковал еще несколько мелких судов и уплыл на восточный берег обширного залива Чесапик. Здесь, во владениях богатого плантатора Джона Кустиса, он разбил военный лагерь и стал собирать сторонников.

Вот почему Бэкону понадобились корабли. Другим способом до воинственного губернатора было не дотянуться. Послать войска на восточный берег обхода, он не мог, для этого пришлось бы пересечь территорию не подконтрольного ему Мэриленда.

Беркли же занял очень выгодную позицию – Вирджинию разделяло несколько крупных рек и три из них впадали в залив Чесапик. Со своей новой базы губернатор мог высадить десант во многих местах и доставить немало неприятностей.

И это была не пустая угроза. Сэр Беркли не сидел в своем убежище сложа руки. Всюду, куда только удавалось, он засылал своих представителей, призывая вступить в свой отряд. Каждому, кто бы изъявил такое желание, он назначал высокую по колониальным меркам плату – 12 пенсов. А также долю от распродажи конфискованного имущества тех колонистов, кто примкнул к мятежу. Его силы понемногу росли, это уже была армия наемников, готовая сражаться за деньги, а не просто мобилизованные фермеры. К нему шли и верные роялисты, богатые землевладельцы, ведя за собой вооруженных слуг.

Но губернатор не был уверен в своих силах, он уже понял, что одному ему с мятежом не справиться. Не было надежды и на соседей, Объединенные Колонии по уши увязли в жестокой войне с "Королем" Филиппом и не могли прислать войска, а если бы и прислали, никто не мог гарантировать, что капризное ополчение станет сражаться за интересы сэра Беркли.

Ближайший сосед, колония Мэриленд была слишком слаба, да и там под влиянием событий в Вирджинии начались волнения.

Оставался Нью-Йорк, единственный английский город в Америке, где стояли королевские войска – когда нью-йоркский губернатор Андрос занял свой пост, он привез из Англии роту солдат: 100 человек и 6 офицеров. Их сразу пришлось разделить, в Нью-Йорке осталось половина, остальных отправили охранять удаленный Олбани (бывший голландский торговый Форт-Орандж) и в форт Каско - на границах с индейцами-абенаками.

Но Нью-Йорк был слишком далеко, да и 100 "красных мундиров" не могли справиться с многочисленным ополчением Бэкона.

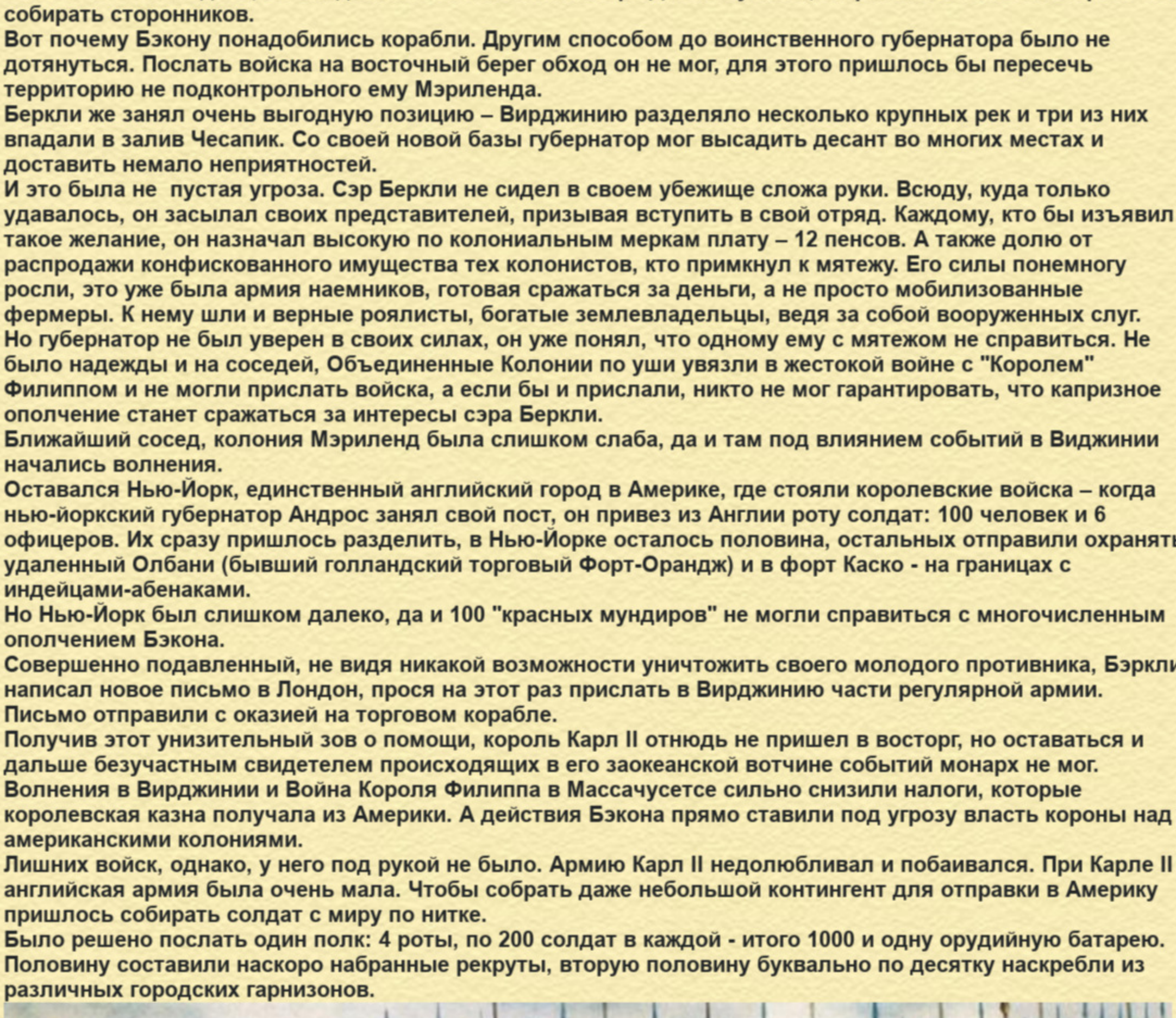
Совершенно подавленный, не видя никакой возможности уничтожить своего молодого противника, Бэркли написал новое письмо в Лондон, прося на этот раз прислать в Вирджинию части регулярной армии. Письмо отправили с оказией на торговом корабле.

Получив этот унижительный зов о помощи, король Карл II отнюдь не пришел в восторг, но оставаться и дальше безучастным свидетелем похищения в его заокеанской вотчине событий монарх не мог.

Волнения в Вирджинии и Война Короля Филиппа в Массачусетсе сильно снизили налоги, которые королевская казна получала из Америки. А действия Бэкона прямо ставили под угрозу власть короны над американскими колониями.

Лишних войск, однако, у него под рукой не было. Армию Карл II недолюбливал и побаивался. При Карле II английская армия была очень мала. Чтобы собрать даже небольшой контингент для отправки в Америку пришлось собирать солдат с миру по нитке.

Было решено послать один полк: 4 роты, по 200 солдат в каждой - итого 1000 и одну орудийную батарею. Половину составили наскорую набранные рекруты, вторую половину буквально по десятку наскребли из различных городских гарнизонов.

Английская пехота времен реставрации при Карле II

Командование над этими скромными силами получил кадровый офицер и убежденный роялист полковник Герберт Джеффрис. Его заместителем стал полковник Фрэнсис Моррисон, ранее живший в Вирджинии.

Одновременно формировалась и загружалась припасами эскадра состоявшая из нескольких транспортов и фрегатов сопровождения. Командовать ею назначили адмирала сэра Джона Бэрри.

Сборы проходили очень медленно. Пока войско было готово к отправке к океан, прошло много времени и много драматических событий. «Красным мундирам» так и не довелось ввязаться в вирджинскую междоусобицу. Развязка наступила раньше, чем они прибыли к месту назначения.

Как ни тревожно было Бэкону оставлять в тылу Беркли с его роялистами, он ничего не мог с этим поделать. В Джеймстауне для охраны столицы он разместил значительную часть своей армии, около 400 ополченцев под командованием Томаса Хансфорда, которого произвели в "полковники". В помощниках ему он оставил двух своих давних друзей и советников – Лоуренса и Друммонда.

Вход в Джеймс-Ривер и залив Чесапик стерегла его маленькая флотилия. «Ребекку», превращенную во флагман, усилили орудиями, взятыми из Джеймстаунского форта.

Закончив эти приготовления, Бэкон с оставшейся частью армии выступил в поход против памунки.

ГЛАВА - 55

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ВИРДЖИНИИ. СОЖЖЕНИЕ ДЖЕЙМСТАУНА

*Повстанцы Бэкона покидают горящий Джеймстаун
Фрагмент полотна Говарда Пайла*

Второй поход Бэкона против индейцев оказался намного труднее и продолжительнее первого. Памунки проводали о его выступлении и спрятались в потайном месте на болоте, куда только они и знали дорогу. Ополчение не имело проводников и точной информации о его местонахождении.

Дважды англичанам встречались небольшие поселки разных племен, затерянные в лесу, но их обитатели убегали раньше, чем удавалось их окружить.

Поход затягивался и, как всегда, возникли проблемы с продовольствием. Часть ополченцев, набранная в северных графствах, которые избежали индейских нападений, стала роптать. Бэкону пришлось прибегнуть ко всей силе своего красноречия, чтобы вдохновить солдат, а он был мастер убеждения, но все же значительную часть своих людей ему пришлось отпустить обратно.

С ним осталось не более полутора сотен человек, куда их вести дальше он не знал. Поход превратился в утомительное, наугад, блуждание в зарослях. Но отступить он не мог и не хотел, на кону стояла его репутация.

В Вирджинии тем временем долгое отсутствие Бэкона побудило губернатора Беркли на активные действия. Удача сама шла ему в руки. Он получил тайную записку от капитана «Ребекки» Ларимора, в которой тот предлагал сдать свой корабль, захваченный мятежниками. Губернатор поспешил воспользоваться таким шансом. Захват обоих кораблей, которыми, напомним, командовали лейтенанты Бэкона Бланд и Карвер, он поручил одному из своих офицеров, Филиппу Лудвелу.

С 26 наемниками на двух лодках Лудвел взял на бордаж «Ребекку». Капитан Ларимор и его английская команда во время нападения вскрыли оружейную кладовую, вооружились и подняли бунт на борту. Бланд растерялся и сдал корабль.

Карвер в это время пьянствовал на берегу, его судно, всего лишь маленький не вооруженный шлюп, было также захвачено без единого выстрела. Увидев нацеленные на него пушки «Ребекки» экипаж шлюпа сдался.

Беркли торжествовал. Удача стала улыбаться ему. Захват флотилии Бэкона, делал его полным хозяином залива Чесапик и рек, рассекавших колонию на несколько частей. Теперь у него было два пушечных корабля: «Адам и Ева» и «Ребекка», и 16 мелких, которые он конфисковал, где только мог. Контролируя залив и реки, Беркли мог высадиться в любой части Вирджинии, но он воспользовался ситуацией, когда лидер восстания отсутствовал, и ему открылась возможность вернуть себе свою столицу.

В сентябре 1676 года его небольшой флот внезапно появился на виду у Джеймстауна.

В городе квартировало по меньшей мере 400 повстанцев Бэкона, но командовавший ими Томас Хансфорд испугался. Никто не знал, где Бэкон и что с ним стало. В полной растерянности были приставленные к Хансфорду оба его советника: Лоуренс и Друммонд. Без своего решительного и харизматичного предводителя они не знали, что делать. Их войско, при виде губернаторской флотилии, охватило волнение. Прошел слух, что Бэкон погиб, а значит – все потеряно.

Ночью началось массовое дезертирство. Видя, что их солдаты разбегаются, Хансфорд, Лоуренс и Друммонд последовали их примеру. Им уже чудилось, как петля затягивается на их шее.

Бэкон, однако, был жив, хотя и не совсем здоров. Из своей лесной экспедиции он возвращался победителем. После долгих блужданий, англичане все же нашли тайную стоянку несчастных памунки, напали на нее и перебили почти всех, кто там находился. Его уже считали погибшими, когда утомленный долгим маршем и обремененный пленниками, отряд мятежников вышел из лесов.

Во время этого похода Бэкона подхватил лихорадку. Но болезнь не повлияла на его решимость и принятие нужных решений. Другой на его месте, узнав, что в его отсутствие враг захватил столицу колонии, лишил его флота, рассеял его армию дрогнул бы. Но Бэкон обладал всеми необходимыми задатками незаурядного предводителя и военачальника.

Подавив недомогание, он немедленно приступил к новому набору ополченцев. Разгром памунки сыграл свою роль, слава его только возросла. Реформы, которые он провел или, по крайней мере декларировал, завоевали ему сердца простых колонистов. В его отряд готовы были записаться даже женщины.

Ветераны, с которыми он ходил в походы против индейцев, единодушно заверили его в своей верности.

Бэкон действовал быстро. Как только его силы достигли 300 человек, он выступил напрямик на Джеймстаун.

У Беркли было больше людей, были пушки и корабли. Но он предпочел пассивную оборону. Его роялисты укрылись за оборонительным валом, поставив на нем три орудия. Губернатор мрачно ждал подхода своего ненавистного врага. Нетрудно представить его настроение в эти дни. Он ведь уже считал, что с мятежом, который черным пятном лег на его 30 летнюю, безупречную, как он полагал, карьеру губернатора, покончено, и вот – все начинается сначала. Бэкон вновь стоит у стен города, а он заперт в собственной столице.

Беркли был до того растерян и подавлен, что не сделал ничего, когда повстанцы появились на расстоянии немногим более выстрела из пушки, и, несмотря на то, что были измучены долгим маршем, стали быстро рыть стрелковую траншею, а позади нее строить укрепленный лагерь.

Их боевой дух был высок. Некоторые из них, вопреки приказам Бэкона, даже побежали к валу, за которым засели роялисты, и под дулами их пушек завязали перестрелку. Бэкону стоило большого труда отозвать их.

Наутро Беркли решил так действовать. Его пушки открыли огонь по возведенным за ночь земляным укреплениям колонистов. Одновременно флотилия роялистов приблизилась к берегу насколько это возможно, начав обстрел мятежников со стороны реки. Однако те настолько зарылись за ночь в свои траншеи, что эти обстрелы не причинили им видимого ущерба.

Повстанцы даже одержали небольшую победу. Они интенсивно отвечали на огонь, всего лишь из мушкетов, по неприятельской флотилии и заставили сдаться один шлюп. Его команда бежала на лодке, бросив свой корабль, который сдрейфовал на мель и позднее был захвачен.

Так началась осада Джеймстауна, продлившаяся, впрочем, недолго. День ото дня отряд Бэкона усиливался, к нему подходили новые добровольцы. Беркли понимал, что, если и дальше он будет сидеть сложа руки, ему придется сдать город. И тогда он опять окажется в роли беглеца, а Бэкон вновь станет хозяином Вирджинии.

Губернатор колебался. Он не слишком верил в надежность своих наемников. Но выхода у него не было – губернаторские войска предприняли единственную и безуспешную атаку на позиции колонистов. Она стоила десяти убитых и захлебнулась, наткнувшись на плотный встречный огонь.

Наступило затишье. Бэкон послал за пушками, которых у него не было.

Ни у кого уже не оставалось сомнений, что идет настоящая гражданская война. На одной стороне – роялисты, для которых Беркли олицетворял власть далекого короля и местной аристократии, на другой – простые колонисты, сражающиеся за свои политические и экономические права. Впервые американцы стреляли в американцев, хотя еще не называли и даже не считали себя таковыми. Были уже убитые, были пленные, были заложники.

Через несколько дней Бэкон получил, наконец, пушки, во всей колонии их нашли только 3, небольшого калибра, но и этого хватило. Одну нацелили на корабли роялистов, две другие принялись обстреливать вал, за которым укрылись защитники города.

У Беркли и его сторонников сдали нервы. На военном совете роялисты единодушно решили эвакуироваться, вновь возвратиться на восточный берег залива, свою старую и неприступную базу, где и ждать прихода королевских войск.

Эвакуация проходила в спешке, напоминавшей бегство, под грохот пушек. Беркли имел достаточно кораблей, чтобы забрать с собой не только своих солдат и верных сторонников, но все немногочисленное население Джеймстауна: тех, кто отказывался, загоняли на борт силой.

Второй раз, 19 сентября 1676 года, Натаниэль Бэкон триумфатором вступил в столицу колонии, но она была пуста и безжизненна. Не полнились, как обычно, весельем трактиры и толпа не высыпала поглазеть на входившее в Джеймстаун войско.

Вдалеке, у излучины реки виднелись паруса уходящей эскадры роялистов. Возглавляли её «Ребекка» и «Адам и Ева», их английские команды были целиком и полностью на стороне губернатора.

Отныне сэр Беркли с его кораблями, наемниками и вооруженными слугами своих приспешников вновь становился постоянной подвижной угрозой. Было ясно, что, как только повстанцы покинут город, ничто не помешает ему вновь занять его.

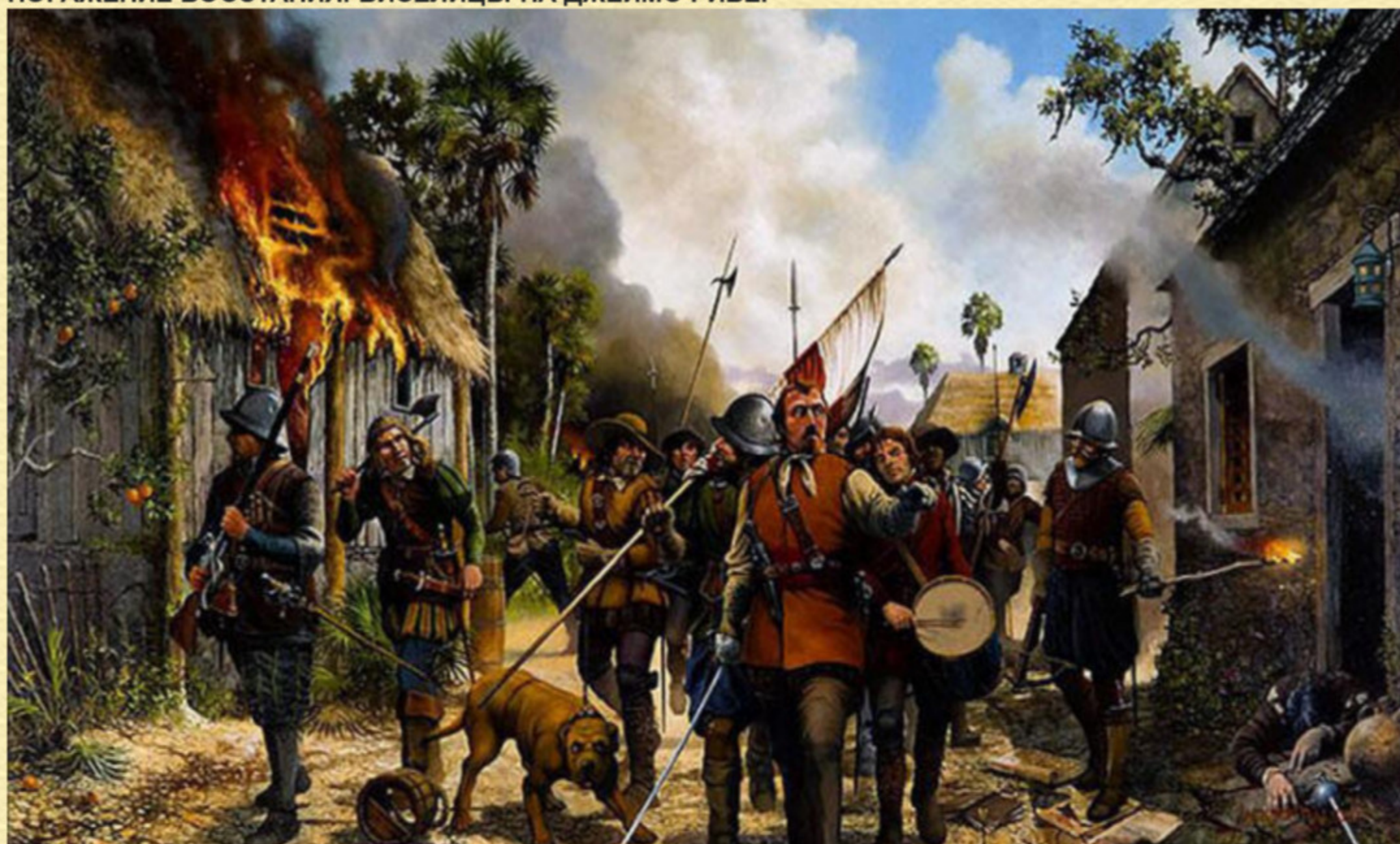
Поэтому на совете мятежных офицеров было принято беспримерно радикальное решение – сжечь Джеймстаун!

Бэкон лично запалил одно из зданий и вскоре старейший из европейских городов, возникших на американском берегу, первенец английской колонизации, окутался густыми облаками дыма, превратившись в один огромный костер...

ГЛАВА - 56

ПОРАЖЕНИЕ ВОССТАНИЯ. ВИСЕЛИЦЫ НА ДЖЕЙМС-РИВЕР

Мятежники Бэкона расправляются с роялистами и жгут их дома

Изгнав губернатора из Джеймстауна и предав город огню, Бэкон одержал скорее моральную, чем военную победу. Она стала последней в его яркой, как вспышка, но драматичной американской биографии. Этой победой повстанцы немногого добились. Силы их были по-прежнему невелики и Бэкон разослал курьеров по всем графствам, призывая колонистов под свои знамена. Обстановка требовала действий. На севере колонии собирал войска в поддержку губернатора майор Brent. Сам сэр Беркли с его флотилией и людьми пересек залив Чесапик, вернувшись в свой старый лагерь, на плантациях богатого землевладельца Кустиса.

Оставив за спиной сожженную столицу колонии, армия мятежников выступила на север, сразится с войском Brentа. Но до битвы дело опять не дошло. Мобилизованные вопреки своей воле и в душе симпатизировавшие восставшим, ополченцы Brentа стали разбегаться, его армия испарилась, как роса в лучах солнца.

Brent бежал в лагерь губернатора, а Бэкон отошел в одно из лояльных ему графств и разбил лагерь. Сюда стали стекаться пополнения. Их приходило не так много, как ожидалось. С трудом удалось собрать 600-700 человек. Вирджинцы уже устали от постоянных мобилизаций. Индейская угроза также угасла - саскуеханноки более не показывались. Пугали слухи о королевских войсках, которые уже находятся на полпути в Америку. Формирование армии, поэтому, шло трудно. Не хватало провизии. Началась принудительная конфискация скота и зерна у фермеров, что оттолкнуло многих от восстания. Дома сторонников губернатора или вступивших в его войско колонистов подверглись откровенному разграблению, а то и сжигались.

Понимал ли мятежный молодой вождь, на какую опасную дорогу вступил, чем чреваты его действия, и, главное, ради чего он сражается? Хроника и документы той поры говорят, что да, понимал. Он знал, что губернатор просил прислать войска из Англии и собрал своих офицеров обсудит сложившуюся ситуацию. Прежде всего, Бэкон сказал, что нужно самим написать королю и объяснить мотивы, толкнувшие их на борьбу, доказать, что правда на их стороне. Предложение наивное, к нему все отнеслись скептически. Во всяком случае, подобной попытки восставшие не предприняли.

Куда активнее обсуждали, что делать, когда «красные мундиры» высадятся в Вирджинии. Позиция Бэкона была бескомпромиссной – сражаться. Уйти в леса и воевать, используя индейскую тактику против вышколенных регулярных солдат. Бить из засад, маневрировать, пользуясь прекрасным знанием местности. Поднять восстания в соседних колониях: Мэриленде и Северной Каролине. Терпеливо ждать, когда болезни, неизбежные в чужом климате, начнут косить королевских солдат.

В ответ на доводы Бэкона, один из его ближайших соратников, некто Джон Гуд, заметил, что и 500 «красных мундиров» достаточно, чтобы взять Вирджинию под контроль. А тут их заявиться 1000! Они придут морем, на кораблях, напомнил он, и могут высадиться в любом месте на берегу залива или одной из здешних рек, захватить собственность добровольцев, сжечь их дома, взять в заложники их семьи, поставить восставших в безвыходное положение.

"Если нас разобьют, мы отступим на реку Роанок и установим там свое правительство," – оптимистично ответил Бэкон. Сам он, наверное, верил, во что говорил, его товарищи колебались. Но такова была его способность убеждать и его влияние на соратников, что они продолжали оставаться с ним до последней минуты его жизни.

К тому же, назад пути у них не было. Сложи они оружие, губернатор тотчас отправит их на виселицу.

Беркли, правда, присылал своего парламентаря, предлагая повстанцам капитулировать в обмен на его амнистию, но это предложение отклонили. Мало кто верил в мягкосердечие губернатора, зная его деспотичный и мстительный характер.

Губернатор так и сидел на своем восточном берегу залива, отгородившись пушками своих кораблей. Раздраженный тем, что он никак не может дотянуться до своего противника, Бэкон тайно отправил к нему одного из лейтенантов – Джорджа Фарло, в качестве агитатора, в надежде, что он сможет переманить часть армии Беркли на свою сторону, спровоцировать ее на бунт, как это произошло ранее с армией Brentа. Но лодку, на которой плыл Фарло, в заливе перехватил один из роялистских кораблей, лейтенанта прямо на борту судили и повесили.

Больше Бэкон ничего сделать не успел. Непрерывные марши, плохая вода и питание подорвали его здоровье. Он болел уже давно, подхватив лихорадку еще во время последнего похода против индейцев, а тут к прежней болезни добавилась еще и дизентерия. Бэкон все больше слабел и 16 октября 1676 года скончался.

Внезапная смерть лидера стала и смертельным ударом по его делу. Никто из его преемников не обладал столь высокими способностями и талантом увлечь за собой людей. Во главе мятежной армии встал один из офицеров Бэкона - Джозеф Инграм.

Он сразу же допустил грубую ошибку, разделив ополчение на несколько отрядов, в среднем по 100 человек в каждом, и разослал их для охраны отдельных графств. Хотя рассредоточение войск отчасти диктовалось нехваткой продовольствия (мелкие отряды было легче содержать и прокормить), восставшие сразу утратили фактор численного превосходства.

При всех своих недостатках губернатор Беркли был отнюдь не дурак. Он чутко уловил, что обстоятельства поворачиваются в его пользу. Его армия тотчас погрузилась на корабли, поднялась по одной из рек, Йорк-Ривер, и, захватив врасплох, разбила отряд колонистов, которым командовал Томас Хансфорд.

Та же участь постигла и все остальные разрозненные отряды восставших.

Вирджиния покрылась виселицами. Беркли безжалостно казнил офицеров Бэкона и его друзей. Он мстил за свой позор со всей яростью, которая у него накопилась и полагал, что таким образом исполняет свой долг перед королем.

Однако Карл II не разделял его страсти к виселицам:

«Этот старый дурак повесил больше, чем я, когда казнил убийц моего отца», – в сердцах высказался он, справедливо видя в Беркли истинного виновника восстания. Поскольку тот ранее прислал письмо с прошением об отставке, король поторопился удовлетворить его. В разгар казней губернатора отозвали в Лондон и на его место прибыл новый королевский наместник.

Сэр Уильям Беркли вернулся в Англию, где через год умер, оставив на своем имени черное пятно палача. Восстание Натаниэля Бэкона на его родине называют Первой американской революцией. Сходство в этом определенно есть. Как и революция, а также последовавшая за ней и Война за независимость 1775-83 годов, она была спровоцирована непомерными налогами, разорительной финансовой политикой метрополии по отношению к своим колониальным подданным, отсутствием в колониях демократических свобод.

Только преждевременная смерть предводителя мятежников предотвратила распространение волнений в соседние провинции, хотя там созрели для этого подходящие условия. Если Бостон и Плимут стояли в стороне от этих событий, целиком поглощенные войной с Королем Филиппом, то соседние с Вирджинией Мэриленд и более удаленная, едва вставшая на ноги, маленькая Северная Каролина не избежали потрясений. В Мэриленде двое сторонников Бэкона, Джон Пэйт и Уильям Дэвис, стали собирать отряд, но прежде, чем они успели набрать достаточно людей, губернатор Мэриленда успел бескровно разогнать его. Уже через год после смерти Бэкона в Северной Каролине произошло ещё одно вооруженное выступление, вызванное теми же причинами: разорительными налогами и коррупционной, тоталитарной системой правления. Оно было быстро подавлено.

Сожженный повстанцами Джеймстаун так и не возродился в полной мере. Город впоследствии частично отстроили, но новый пожар, в этот раз уже не рукотворный, окончательно покончил с его ролью колониального центра. Город угасал и в 1698 году новой столицей Вирджинии был провозглашен Вильямсбург.

Ну а саскуеханноки, которые невольно стали запалом, побудившим колонистов к мятежу, не стали искушать судьбу. После того, как Бэкон разгромил один из их временных лагерей на реке Роанок, они приняли решение покинуть обжитые места на границе Вирджинии и Мэриленда и вернуться на бывшую родину, в район Великих лесов и озер. Для этого, правда, им пришлось отдать себя на милость ирокезов, своих бывших врагов, но все же родственных им по крови и языку.

Ирокезы поступили прагматично, поскольку в это время ослабели, потерпев несколько чувствительных поражений от гуронов, поддерживаемых французами, чьи колонии появились и укреплялись вдоль реки Святого Лаврентия. Поэтому ирокезы оказали саскуеханнокам милость, приняв их в свою конфедерацию, где они и растворились, утратив бывшую самостоятельность.